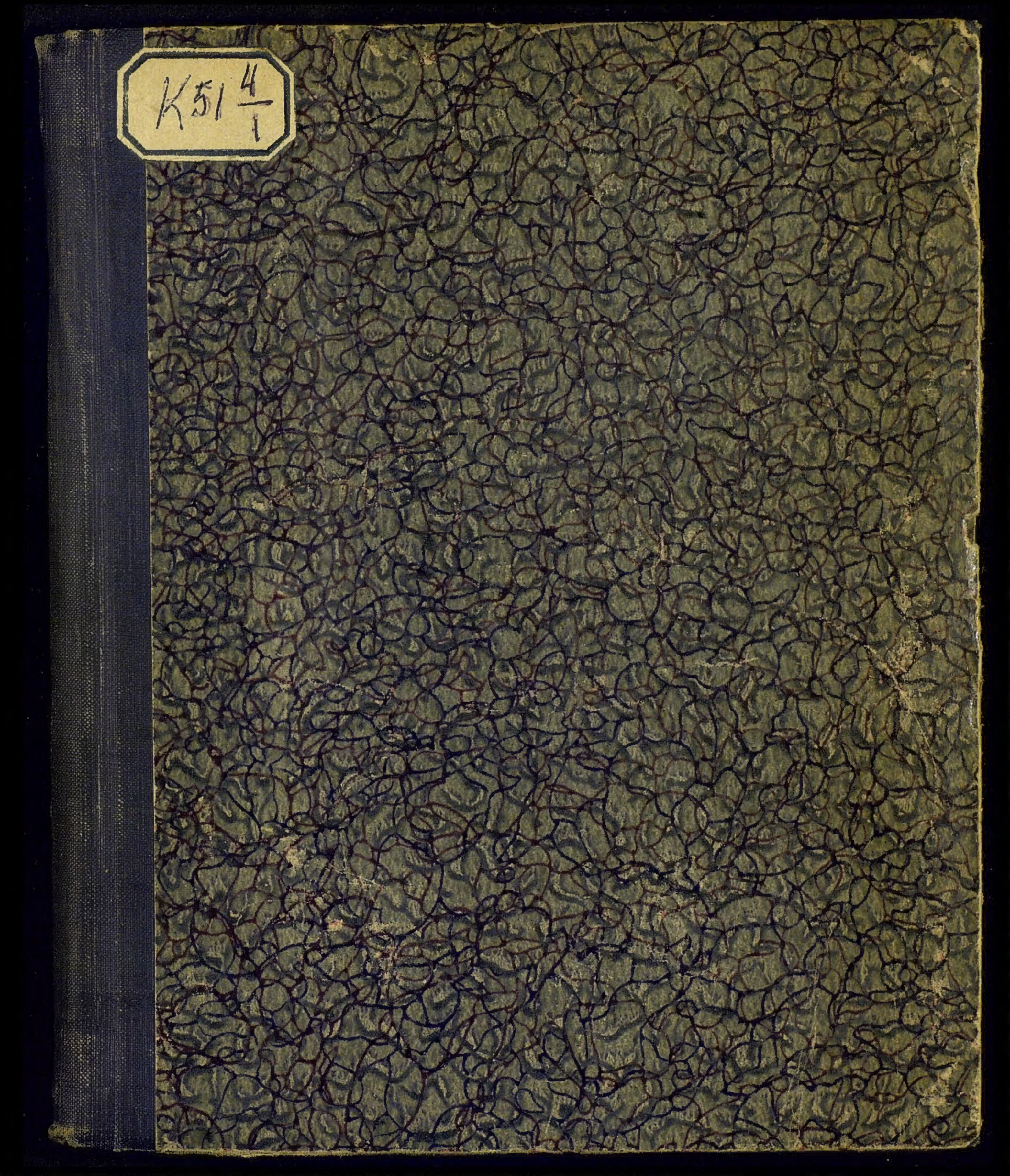

K51 4/1

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

# НА ГРАНИЦѢ АВСТРІИ



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«РУБИКОНЪ»
1914.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

## ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ и КОНТОРА

# Книгоиздательства „РУБИКОНЪ

**ПЕТРОГРАДЪ:**
Троицкая 36, кв. 11.
**Телефонъ 569-03 и 257-64.**

**МОСКВА:**
Пречистенка, Штатный 20.
**Телефонъ 4-10-65.**

## „ЛЕТУЧІЕ АЛЬМАНАХИ“:

I. *А. Купринъ*—Викторія, *Анатолій Каменскій*—Настурціи, *А. С. Гринъ*—Синій каскадъ Теллури, *Г. Яблочковъ*—Дама въ трауръ, *Александръ Рославлевъ*—Шутка.
Стихотворенія: Л. Андрусона, Якова Година, Дм. Цензора.

II. *А. Купринъ*—Свѣтлый конецъ, *Анатолій Каменскій*—Петербургскій человѣкъ, *А. С. Гринъ*—Рай, *Г. Яблочковъ*—Горбатый Карлъ, *В. Воиновъ*—Въ заповѣдныхъ водахъ.
Стихотворенія: Якова Година, Дм. Цензора, Ив. Рукавишникова.

III. *Анатолій Каменскій*—Добрый принцъ, *А. Купринъ*—Фараоново племя, *Н. Телешовъ*—Весна-красна, *Ив. Рукавишниковъ*—Анна, *А. Будищевъ*—Тѣнь, *Александръ Рославлевъ*—На Туровскомъ погостѣ, *А. Свирскій*—Отцовская кровь.
Стихотворенія: Н. Карпова, М. Гальперина, Дм. Цензора.

IV. *Анатолій Каменскій*—Ящичекъ, *Сергѣй Городецкій*—Скопидомы, *Ал. Будищевъ*—Лгунья, *А. Свирскій*—На зарѣ, *В. Брусянинъ*—Тоже жизнь, *А. С. Гринъ*—Дьяволъ Оранжевыхъ водъ, *Евг. Хохловъ*—Любовная исторія, *И. Василевскій*—Двое, *Илья Лѣсной*—Царство смерти.
Стихотворенія: Дм. Цензора, Н. Карпова, Якова Година.

V. *А. Купринъ*—Слоновая прогулка, *А. Свирскій*—Лагерь смерти, *Сергѣй Городецкій*—Обѣщаніе, *Анатолій Каменскій*—Звѣринецъ, *А. С. Гринъ*—На склонѣ холмовъ, *Илья Лѣсной*—Когда опадутъ послѣдніе листья.
Стихотворенія: Л. Андрусона, Ал. Рославлева и Н. Карпова.

VI. *Н. Телешовъ*—Уха, *А. Свирскій*—Бунтъ, *А. С. Гринъ*—Трагедія плоскогорія Суанъ, *И. Василевскій*—Дикари, *В. Брусянинъ*—Элегія, *Илья Лѣсной*—Сказка о голодномъ.
Стихотвор.: Н. Карпова, Ал. Богданова.

VII. *А. Будищевъ*—Хата съ краю, *А. Свирскій*—Ромашки, *Карменъ*—Встрѣча весны, *А. Богдановъ*—Гараськина душа, *А. С. Гринъ*—Ксенія Турпанора.
Стихотворенія: Я. Година и Богданова.

VIII. *В. Беренштамъ*—Бѣжала, *А. Будищевъ*—Пріятели, *А. Свирскій*—Звѣрь, *В. Воиновъ*—На зарѣ жизни, *А. Заринъ*—Perpetu mobile, *В. Подкольскій*—Три ночи.
Стихотворенія: Я. Година.

IX. *А. Купринъ*—Марсель, *В. Ленскій*—Катаст фа, *В. Воиновъ*—Въ степи, *А. Богдановъ*—Пс ласковымъ солнцемъ, *Тамаринъ*—Разв люди, *П. Рыссъ*—Парижскіе силуэты.
Стихи: Л. Андрусона и А. Вознесенска

X. *И. Рѣпинъ*—Впечатлѣнія дѣтства, *С. Город кій*—Елизавета, *А. С. Гринъ*—Глухая тро *Л. Василевскій*—На зеленомъ островѣ, *И. Л ной*—Спрутъ, *Г. Яблочковъ*—Операція, *Д Цензоръ*—Человѣкъ со скрипкой и Перо, *Н. Карповъ*—Пчельникъ, *А. Саксаганская* Изъ „Связки писемъ“, *А. Свирскій*—А стантская философія.
Стихотворенія: А. Липецкаго, Л. А друсона, Д. Цензора и С. Городецкаго.

XI. *Купринъ*—Бастія, *Карменъ*—Кукинъ па *Илья Рѣпинъ*—Впечатлѣнія дѣтства, *И. кавишниковъ*—Когда пали стѣны, *А. Воз сенскій*—Мостикъ, *Тамаринъ*—Бонза.
Стихи: А. Липецкаго, С. Городецка Дм. Цензора.

XII. *Н. Олигеръ*—Лѣтній папа, *А. Вережниковъ* Сивка, *Анатолій Каменскій*—Убійца, *рисъ Лазаревскій*,—Конецъ, *А. Свирскій* День Чагиныхъ, *В. Кохановскій*—Прохож
Стихотворенія: А. Богданова, А. Л пецкаго, А. Вознесенскаго и Я Година.

XIII. *В. Муйжель*—Въ мечтахъ, *Б. Верхоуст скій*—Чужакъ, *Юрій Слезкинъ*—Химер *В. Брусянинъ*—Гомсинъ-Камень, *Е. И. Иг тьевъ*—По-грибы, *Вл. Ленскій*—Мужъ
Стихотворенія: Якова Година, А. Б данова и А. Липецкаго.

XIV. *Илья Рѣпинъ*—Изъ моихъ общеній Л. Н. Толстымъ, *Юр. Слезкинъ*—Дѣвуш изъ „Trocadero“, *С. Соломинъ*—Чортовъ ку нецъ, *А. Богдановъ*—Праздникъ безсмерт *А. С. Гринъ*—Матъ въ три хода, *Е. И. Иг тьевъ*—Поимка, *А. Свирскій*—Судъ идет *Илья Лѣсной*—Пустячные разсказы.
Стихотворенія: Л. Андрусона, Липе каго, Я. Година.

*(Продолженіе на 3-ей страницѣ обложки).*

Н. Н. Брешко-Брешковскій.

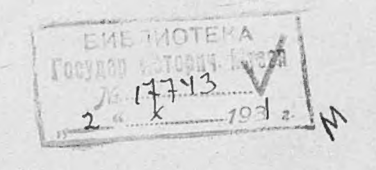
# На границѣ Австріи.

Изданіе второе.





ПЕТРОГРАДЪ.
Книгоиздательство „РУБИКОНЪ", Троицкая, 36.
1915.




Тип. Акц. Общ. Типографскаго Дѣла, 7-я рота, 26.

## I.

Сухой сентябрьскій день.

Въ свѣтлыхъ комнатахъ, съ недавно выкрашенными полами, стояла принесенная съ подводъ мебель. Часть ея была зашита въ рогожи.

Молодой человѣкъ въ фуражкѣ акцизнаго вѣдомства, безъ пиджака и въ передникѣ, собиралъ металлическую кровать съ намалеванными на спинкахъ пейзажами, лѣтнимъ и зимнимъ. Ему помогалъ еврей съ круглой рыжеватой бородкой и тонкими оттопыренными ушами. Жилетка еврея была перетянута серебрянымъ офицерскимъ поясомъ.

— Къ вечеру, пожалуй, устроимся. Какъ ты думаешь, Перецъ? Мнѣ странно будетъ жить въ этомъ крохотномъ домѣ — какъ фонарь. Въ Петербургѣ мы жили въ громадныхъ каменныхъ домахъ.

— У насъ въ Покутѣ тоже хорошо, — обидѣлся за свою родину Перецъ Копылевичъ.

Откуда-то появилась худощавая еврейка съ большимъ краснымъ носомъ и грустными глазами. На головѣ коричневый платокъ. Въ верхней челюсти недоставало трехъ зубовъ. Говорила еврейка неспѣша и съ чувствомъ.

— Добраго здоровья пану! Дай Богъ пану счастливо дожить до старыхъ лѣтъ, какъ мать моего

умершаго мужа. Ей восемьдесятъ и пять годовъ. Тутъ моя лавочка — рядомъ. Я торгую разнымъ товаромъ. И молоко свѣже, и масло, и цукерки, и спички. У меня генералова Агроновичъ беретъ. Вы не слышали про генералову Агроновичъ? О дай ей Богъ здоровья! Она ваша сосѣдка, — генералова. Только ее теперь нѣту: она въ Петербурхѣ. У нея процессъ. Ей надо получить наслѣдство. Красивая, умная — гебильдетъ! Какъ это будетъ по-русски?

— Образованная.

— Образована? Ай, какая она была богатая! Она каждый день брала ванну изъ молока и еще бутылку съ виномъ туда выливала. Шесть рублей бутылка!.. Помните, ласковый пане, что у Бермановой все есть.

Она исчезла, а черезъ минуту протягивала молодому человѣку что-то завернутое въ бумажку.

— Это на новоселье, чтобъ вамъ сладко жилось.

Онъ развернулъ бумажку. Тамъ была горсточка карамели.

— Можетъ быть, вамъ захотѣлось пить? Я могу принести свѣжаго молока. А если вамъ захотѣлось кушать, я могу принести мякенькую булку.

— Хорошо, принесите.

Она долго не показывалась.

Молодой человѣкъ дѣйствительно проголодался, вышелъ поторопить еврейку. Не успѣлъ онъ сойти съ крыльца, какъ изъ сосѣдней лавочки, надъ дверями которой была косо прибита голубая вылинявшая вывѣска, бросилась наперерѣзъ ему другая еврейка съ полнымъ пухлымъ лицомъ. Она схватила его за локоть и начала быстрой скороговоркой:

— Прошу васъ, пане, зайти у мою лавку. У мене все есть, у меня лѣпшій товаръ, какъ у Бермановой. У мене дешевше. Можетъ, вамъ надо, я принесу мо-

лока? Она богатая, у нея десять тысячъ спрятано. А я — бѣдная: мнѣ надо зарабатывать.

Она проводила молодого человѣка до самаго порога лавченки Бермановой, все не теряя надежды переманить его къ себѣ. Но когда онъ вошелъ въ лавку, въ дверяхъ которой поджидала его торжествующая Берманова, круглолицая еврейка послала соперницѣ на жаргонѣ проклятіе. Лицо ея изъ бѣлаго стало краснымъ и она удалилась разгнѣванная.

На полкахъ сиротливо стояли жестянки, засиженныя мухами, коробки спичекъ и пачки дрожжей. Въ кадкѣ — только что сбитое масло съ застывшими на его неровной поверхности слезами. Кромѣ Бермановой, въ лавкѣ стояла свекровь ея, низенькая сгорбленная старуха. Лицо съ крупными мужскими чертами, съ маленькими глазами безъ рѣсницъ и бровей. Облысѣвшая голова повязана съ ушами коричневымъ платкомъ и такъ туго, что можно было подумать, что онъ приросъ къ черепу.

Берманова пожимала плечами. Лицо выражало негодованіе.

— И что ей надо?! Зачѣмъ она хочетъ переманутъ моего пана? Я пришла раньше и — панъ мой. Я — вдова, бѣдна вдова, а она богатая. У нея мужъ портной; у него нѣсколько челядниковъ работаетъ. А мой уже годъ на томъ свѣтѣ, чтобъ ему тамъ легко жилось.

У Бермановой выступили слезы. Заблестѣли онѣ и въ безрѣсничныхъ глазкахъ старухи.

— Хотите посмотрѣть портретъ моего мужа? Красавецъ былъ! Я за портретъ двадцать пять рублей заплатила. Мой сынъ служитъ въ городѣ у фотографщика. Его бѣднаго въ солдаты забираютъ.

Берманова заплакала сильнѣй, утирая слезы концами платка.

— Вотъ посмотрите.

Они прошли въ комнату съ неприбранными постелями, грязнымъ самоваромъ на столѣ и гравюрами изъ еврейской жизни по стѣнамъ. На почетномъ мѣстѣ висѣла въ рамкѣ большая фотографія пожилого благообразнаго брюнета.

— Вотъ покойничекъ. Онъ — фельдшеръ былъ. Онъ, какъ умиралъ, то сказалъ: «Дай-то тебѣ Богъ счастья, Хая, торгуй хорошо. Пусть Богъ тебѣ пошлетъ покупателей. И я оттуда буду тебѣ ихъ присылать». А вотъ сынъ, — бѣдный, въ солдаты берутъ!

Молодой человѣкъ ушелъ, напомнивъ о молокѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Берманова принесла въ корзинѣ двѣ булки и въ глиняномъ кувшинѣ молоко.

— Она говоритъ всѣмъ, что у меня десять тысячъ. Дай мнѣ Богъ на томъ свѣтѣ такъ увидѣть мужа, какъ у меня десять тысячъ. Она — сумасшедшая! Когда она была молодая, то ее держали на ланцуху. А если бъ я была богата, то я все-таки вдова. У вдова, какъ говорится, бѣдная голова. Это было написано, какъ одинъ царь пріѣхалъ въ село. И въ одномъ домѣ золотая крыша, съ чистаго золота. Онъ захотѣлъ знать, кто тамъ живетъ. Выходитъ женщина. «Вы кто за одная?» Я — вдова. «А, вдова, у вдова всегда голова бѣдна». Такъ самъ царь сказалъ. Меня всѣ любятъ: и генералова Агроновичъ, и графъ Булгакъ. Онъ иногда заходитъ до меня въ лавку и говоритъ: — «Берманова, я зналъ твоего мужа. Хорошъ человѣкъ былъ». Покойнаго мужа всѣ любили. Пейте на здоровье молочко. Какъ надо будетъ, — я принесу еще.

Берманову смѣнила круглолицая еврейка. Она со всевозможными пожеланіями подарила на новоселье молодому пану коробку съ печеньями. Она старалась уронить Берманову, говоря, что у нея

никто ничего не покупаетъ, за исключенiемъ одной генераловой. Но генералова, — нехорошая женщина.

— Отецъ Бермановой портной, но вы знаете какой портной? Онъ шьетъ ватувки. Вы знаете, что такое ватувки? Это теплыя сподниiя юбки...

Въ этихъ обоюдныхъ извѣтахъ не было черной злобы, ненависти. Чувствовалась борьба за жизнь, погоня за ничтожнымъ копѣечнымъ гешефтомъ. И стрясись надъ головой Бермановой или круглолицей еврейки бѣда, — каждая поспѣшитъ къ другой на помощь.

Это были первыя впечатлѣнiя глухого пограничнаго мѣстечка въ юго-западномъ краѣ, встрѣтившiя акцизнаго контролера Ивана Алексѣевича Макова, который прiѣхалъ въ Покуту изъ Петербурга. По дорогѣ онъ заглянулъ въ города губернскiй и уѣздный представиться высшему и ближайшему начальству. Не имѣвшiй никакого понятiя о чертѣ осѣдлости, Маковъ съ любопытствомъ присматривался къ своеобразной жизни еврейской бѣдноты.

Покончивъ при участiи Перца Копылевича съ кроватью, Маковъ подошелъ къ окну. Въ рукѣ онъ держалъ еще молотокъ. Черезъ дорогу, у длинной корчмы, наполовину черной, бревенчатой, наполовину выбѣленной, стояли два мужицкихъ воза. Около нихъ бродила худая коза. Шерсть на ней висѣла сбившимися клочьями. Коза пыталась ущипнуть какiе-то отдаленные намеки на зелень — увядшiе и побурѣвшiе будяки. Сухой вѣтеръ игралъ длинными гривами коней и гналъ по сѣрой землѣ желтые скрючившiеся листья. Изъ корчмы вышелъ мужикъ съ кнутомъ, въ заплатанномъ кожухѣ и въ широкополомъ соломенномъ брилѣ. И, глядя на него, Маковъ подумалъ, что онъ входилъ въ корчму не съ такимъ румянымъ лицомъ, съ какимъ вышелъ...

О службѣ своей Иванъ Алексѣевичъ имѣлъ пока еще туманное представленіе. Онъ зналъ, что ему придется измѣрять спиртомѣромъ крѣпость вина, въ случаѣ низкопробности его, составлять протоколы, зналъ, что табачныя издѣлія должны быть обандеролены. Дальнѣйшую акцизную премудрость онъ почерпнетъ въ указаніяхъ опытныхъ товарищей и въ двухъ увѣсистыхъ томахъ Соколова, которые онъ поставилъ на этажеркѣ рядомъ съ изящно переплетеннымъ Лермонтовымъ.

## II.

Новый домикъ изъ трехъ комнатъ и кухни, правда, на окраинѣ мѣстечка, Маковъ снялъ за пять рублей въ мѣсяцъ. Во дворѣ былъ еще дряхлый флигель, въ которомъ жилъ старшій сортировщикъ почтовой конторы Безштанько. Берманова отсовѣтывала молодому человѣку нанимать прислугу.

— Вы — одни, зачѣмъ вамъ это хозяйство? Одинъ убитокъ. Панъ еще не знаетъ, что такое акцизникъ! Акцизника могутъ перевести черезъ два мѣсяца и въ другое мѣсто. Я, Берманова, буду вамъ убирать комнаты, буду наставлять самоваръ и возьму за это полкарбованца въ мѣсяцъ... Не дорого? Что! А гдѣ обѣдать, вы спрашиваете, гдѣ обѣдать? Я вамъ дамъ баронскіе обѣды. Это двѣ старыя панны Агроновичъ. Охъ, какъ онѣ будутъ васъ столовать! Девять рублей въ мѣсяцъ. Ихъ покойный братъ былъ мужъ генераловой. Я хорошо знала небощика. Онъ былъ игдѣ-то комендантомъ. Его самъ царь любилъ. Только онѣ въ спорѣ, — генералова съ этими паннами.

Берманова сбѣгала въ усадебку сестеръ Агроновичъ и вернулась оттуда ликующая.

— Ганцъ гемахтъ! Хотѣли девять рублей въ мѣсяцъ, тольки я сказала, что ваша такая клопотная служба, что вамъ надо сегодня туды ѣхать, завтра сюды, то онѣ согласились брать съ обѣда — два злота за обѣдъ. Недорого? Что?

— Тридцать копѣекъ? Дешевле грибовъ.

— Панъ доволенъ — я довольна, ей Богу довольна! Я за чужой карманъ, какъ за свой, — очи повыдираю! Я васъ поведу. Это благородныя барышни. Ихъ отецъ былъ пулковникъ. Заразъ я понесу товаръ до ксендза, — ксендзъ Игнацій, — а потомъ зайду за паномъ.

Послышались мужскіе шаги. Кто-то всходилъ на крылечко съ улицы. Еврейка выглянула.

— Панъ Лащъ!

— Можно? — спросилъ хрипловатый голосъ.

Маковъ увидалъ человѣка, одѣтаго довольно странно. На крупной бородатой головѣ съ ястребинымъ носомъ — онъ весь былъ въ багровыхъ жилкахъ, этотъ громадный носъ — едва держалась мягкая шапочка съ козырькомъ и пуговкой посрединѣ. Солдатская шинель безъ погонъ, чрезъ плечо висѣла шашка.

— Имѣю честь видѣть господина контролера?

— Маковъ, къ вашимъ услугамъ.

— Ромуальдъ Викентьевичъ Лащъ, просто Лащъ, пограничный стражникъ акцизнаго вѣдомства или, какъ здѣсь называютъ, объѣздчикъ. Явился представиться своему начальству.

— Очень пріятно. Помилуйте, какое же начальство? Прошу садиться.

Бермановой Лащъ сдѣлалъ свирѣпое лицо и схватился за рукоять шашки.

— А, ты уже здѣсь, искусительница? Изрублю въ котлету! Сдѣлаю изъ тебя господарскіе фляки! Шнель-клопсъ!

— Панъ Лащъ завше жартуетъ!

— Жартуетъ? Вотъ я тебя изрублю, тогда посмотримъ, что ты мнѣ заспиваешь!

— Тогда вже не могу спивать.

— Резонно, логично! Молодецъ! Вотъ тебѣ злотъ за остроcловіе. Бери, бери, когда даютъ! Ромуальдъ Лащъ не складываетъ денегъ. Онъ ихъ чи раздаетъ, чи пропиваетъ!

Берманова ушла, пятясь и кланяясь. Маковъ съ улыбкой смотрѣлъ на пограничнаго стражника.

— Готовъ заложиться, что вы думаете про меня: онъ — жидъ! Такъ всѣ думаютъ сначала. Я страшно похожъ на жида. Но это игра природы. На самомъ дѣлѣ, Ромуальдъ Лащъ — послѣдній отпрыскъ стараго литовскаго рода. Мой пращуръ Брониславъ Лащъ былъ бѣлостокскимъ воеводой, Самуилъ Лащъ тоже, а я долженъ цапать тѣхъ лайдаковъ, которые таскаютъ къ австріякамъ горѣлку, безпатентную горѣлку.

Лащъ осторожно сѣлъ на дѣвственной новизны вѣнскій стулъ, точно боясь раздавить его. Маленькіе съ припухшими вѣками глазки обѣжали комнату и остановились на этажеркѣ.

— Михаилъ Лермонтовъ? Я понимаю, что онъ писалъ стихи, только зачѣмъ онъ ихъ печаталъ? Ромуальдъ Лащъ тоже пишетъ, но не печатаетъ.

Пограничный стражникъ забавлялъ Макова и своей шапочкой, и солдатской шинелью, и дѣйствительно сугубо еврейскимъ лицомъ, и своей оригинальностью, въ которой, однако, ничего не было фамильярнаго. Лащъ былъ слегка навеселѣ.

— Дозволю спросить, какая будетъ ваша программа?

— Программа? —недоумѣвалъ Маковъ.

— Ну да, программа. Какъ вы намѣрены пресѣкать злоупотребленія акцизнымъ уставомъ?

— Право, я такъ еще мало знакомъ... На первыхъ порахъ, намѣренъ пользоваться вашими совѣтами и указаніями... Кромѣ того, — уставъ...

Лащъ положилъ сильную жилистую руку на эфесъ шашки.

— Уставъ? Плюньте вы на уставъ! Это мертвечина. Наша служба — такая софистика, самъ чертяка обломаетъ копыта. Тутъ самое главное вдохновеніе — inspiration. Французское слово! Удивлены? Этотъ самый Лащъ, носатый и пьяный, когда былъ мальчикомъ, имѣлъ гувернантку и ходилъ въ бархатной курточкѣ чи въ костелъ, чи въ православную церковь, тоже смотря по вдохновенію. Я родился уніатомъ, а почему — тяните изъ меня всѣ жилы не скажу, не скажу, бо не знаю. Развѣ уставъ предусмотрѣлъ? Несетъ черезъ границу лайдакъ бутэль съ виномъ, — почему онъ лайдакъ — тоже не знаю, — вы его хапъ за карчило — стой! А онъ трахъ бутэль объ землю чи объ заборъ. Дзынь! Въ дребезги! Какая тутъ программа дѣйствій? Вы найдете въ уставѣ? И я не найду, никто не найдетъ!

— Могу я вамъ предложить чаю, Ромуальдъ Викентьевичъ?

Лащъ сдѣлалъ уморительную гримасу.

— Чаю? Те-те-те-те! Отъ чаю въ желудкѣ заводятся клопы, если вѣрить свѣдущимъ лицамъ. А вы, Иванъ Алексѣевичъ, видно, маменькинъ сынокъ. Простите мой амикошонскій тонъ. Вы — мое начальство, я васъ уважаю и почитаю, но говорить иначе не могу: привыкъ, кромѣ того, по возрасту могу быть вашимъ

отцомъ. Видите — борода наполовину сѣдая. Чистенько у васъ такъ, боюсь пошевельнуться: не то стулъ сломаешь, не то бѣлую скатерку потянешь и всѣ эти ваши салфеточки, тарелочки, стаканчики полетятъ къ чорту. Омужичѣлъ я, огрубѣлъ. Въ приличномъ, порядочномъ домѣ я чувствую себя такъ же, какъ чувствовалъ бы себя въ паркетной гостиной графа Булгака мексиканскій бизонъ. Такъ вотъ, если будетъ ваша ласка, — почастуйте горѣлочкой.

— Съ удовольствіемъ, только надо распорядиться.

— А, это я самъ сдѣлаю.

Лащъ выбѣжалъ на крылечко и, приставивъ къ губамъ ладони рупоромъ, заоралъ:

— Бер-маа-но-ова!

Какъ ошпаренная, выскочила она изъ лавки.

— Перебѣги черезъ дорогу до Ицка и возьми шкаликъ покрѣпче и кавалекъ щупака, да съ перцемъ!

— Я заразъ иду до пана ксендза...

— Я тебѣ дамъ ксендза! Подождетъ, не лопнетъ толстопузый Игнатій. Живо, маршъ! Еще злотъ получишь! Скажи Ицкѣ, что для новаго акцизнаго — пусть старается, а то мы ему, чертову сыну, — протоколъ!

На бѣлоснѣжной скатерти передъ Лащемъ стоялъ зеленый шкаликъ. Онъ пилъ водку, смакуя и наливая маленькими порціями въ чайный стаканъ, какъ добрый пьяница. Онъ любилъ острую закуску и черную отъ перцу щуку находилъ недостаточно пикантной.

Лащъ поставилъ въ уголъ шашку, снялъ солдатскую шинель и былъ въ кожаной засаленной курткѣ. Весь онъ, всклокоченный, съ покраснѣвшимъ лицомъ и хмѣльной, оттѣнялъ свѣжесть и молодость одѣтаго со щеголеватой опрятностью Макова. Иванъ Алексѣевичъ былъ гибокъ и строенъ, удивительно строенъ. Пепельные волосы курчавились надъ

высокимъ лбомъ. На щекахъ матоваго съ удлиненнымъ оваломъ лица — слабый румянецъ. Линіи сочнаго рта еще не утратили юношескія свѣжести. Глаза ясные и сѣрые, усы чуть пробивались.

Лащъ внушалъ ему сожалѣніе, но не брезгливое чувство. «Видно, не глупый и интересный, а погибъ человѣкъ! Засосала его эта глушь». И Маковъ вздрогнулъ невольно при мысли, что и его ждетъ, пожалуй, подобная же участь, не въ такой степени, но... — «Буду читать, выписывать газеты, журналы» — спѣшилъ онъ успокоить себя.

— А вы со мной и не чокнулись даже, — поздно спохватился Лащъ.

— Простите, не пью водки.

— Не пьете? Да васъ подъ стекло съ надписью: «Удивляться, но не подражать». Хе-хе! здѣсь всѣ пьютъ. Всѣ! Здѣсь стоитъ эскадронъ драгунъ. Посмотрѣли бы, какъ шпарятъ господа офицеры. Есть поручикъ фонъ-Гогель, чуть-ли не Пажескій корпусъ кончилъ, — такъ онъ какъ насосется, — голый садится заразъ на лошадь — всего и одежи, что шапка, шашка да лядунка — и выѣзжаетъ къ границѣ. А тамъ австріяцкіе жолнеры въ своихъ этихъ твердыхъ дурацкихъ колпакахъ. Вылупятъ на него зѣнки. Погарцуетъ, погарцуетъ и назадъ.

Маковъ слушалъ съ изумленіемъ.

— Что вы разсказываете, Ромуальдъ Викентьевичъ?

— Ромуальдъ Лащъ никогда не брешетъ. Такъ и знайте — все, что говорю, — святая правда. Хотите устрою вамъ этотъ спектакль-gala? Ей Богу устрою! Я на этого фонъ-Гогеля давно зубы точу. Онъ такія шутки вытворяетъ. Тамъ, съ краю базарной площади, въ одномъ мѣстѣ узенькій тротуарчикъ, недоразумѣніе какое-то. Осенью, весною — болото съ обѣихъ

сторонъ, невылазное, по поясъ! Вотъ фонъ-Гогель такую забаву придумалъ. Ѣдетъ верхомъ по тротуару. Цопъ-цопъ! Навстрѣчу евреи. Онъ ихъ — креститъ нагайкой, мочалитъ, мочалитъ! Евреи, мужики, чиновники — все равно! Хочешь не хочешь — скачи въ болото. Пмыгъ, пмыгъ! Давно зубы точу. Пусть меня сковырнетъ.

— Вѣдь, это мерзость — глумиться надъ беззащитными людьми. Неужели никто не протестуетъ?

— Авже-жъ, мерзость! Протестуй — не протестуй — не поможетъ. Въ штабъ жаловаться — командиру полка — никакого толку. Надо его изувѣчить и я изувѣчу — клянусь Богомъ!

Лащъ ударилъ кулакомъ по столу. Задребезжала посуда.

— Клянусь Богомъ! О, со мной жарты плохи! Я — кованый на всѣ четыре. И меня били, и я билъ, да еще какъ! Револьверъ есть? Безъ него нельзя. Каждый день можемъ получить доносъ, тамъ-то и тамъто будутъ переносить черезъ границу то-то и то-то. Мы сейчасъ въ засаду. Боитесь?

— Н-нѣтъ, но все-таки страшновато.

— Со мной не бойтесь! Ромуальдъ Лащъ не выдастъ! О, я не такой! Тутъ передъ вами былъ контролеръ Володковскій. Съ чахотки умеръ. Жена, дѣти, самъ дохлячекъ былъ. Вотъ мы выѣхали на коняхъ. Я вамъ покажу мою коняку-Заиру — полуарабъ. Вѣтеръ! У Сангушки за триста карбованцевъ купилъ. Я тогда получилъ большую премію за контрабанду. Запапалъ партію шелковыхъ матерій. Выѣхали мы, застукали насъ контрабандисты — штукъ восемь съ бучками. Вы знаете, что такое бучки? И не дай вамъ Богъ знать! Длинный дручокъ орѣшины, вырванный съ корнемъ, а корень залитъ свинцомъ, въ родѣ булавы, кистеня, чортъ знаетъ чего! Надо удирать,

а то забьютъ. Мнѣ еще ничего, а Володковскому — шваркнутъ его разъ хорошенько и духъ выскочитъ. Перепрыгнулъ я къ нему на крупъ, Заиру пустилъ впередъ. Она у меня дрессированная, хоть въ циркъ. Обхватилъ сзади Володковскаго и держу. Летимъ, что силы. Контрабандисты за нами цопъ, цопъ, цопъ и все, подлецы, барабанятъ меня по спинѣ бучками, все барабанятъ. Только у самой Покуты отстали. Я упалъ съ коня, какъ не живой. Пять годовъ прошло, а спина и карчило по сію пору свербятъ.

Маковъ перевелъ духъ.

— Однако!

— Граница! Хотите — покажу пулю? Такъ и проскочила — фюить!

Лащъ разстегнулъ куртку, ситцевую рубаху не первой свѣжести — и на крѣпкой волосатой груди Маковъ увидѣлъ крупную зарубцевавшуюся рану.

— Я отомстилъ. Три ночи стерегъ. Зима, завируха, ненастье. Два пальца на лѣвой ногѣ отморозилъ, а подстерегъ. Подстерегъ и зарубилъ. Ахъ, какой это силачъ былъ! Отчаянная голова! Даромъ, что еврей. Каркеры — ихъ три брата, теперь два, — самые страшенные контрабандисты на всей границѣ, — поклялись меня убить. Вотъ этой самой шашкой зарубилъ. Онъ мнѣ тоже памятку оставилъ. Передъ смертью, черепъ бучкомъ проломалъ. Полсутокъ пролежалъ въ снѣгу. Утромъ меня солдаты пограничной стражи подобрали. Вотъ этой самой шашкой...

Оружіе Лаща, которымъ онъ убилъ человѣка, пріобрѣло въ глазахъ Макова особую странную цѣнность. Изъ обтрепанныхъ ноженъ Иванъ Алексѣевичъ осторожно вынулъ испещренный арабесками клинокъ и потрогалъ лезвіе.

— Дайте сюда! Въ кольцо гнется! Еще отъ крестовыхъ походовъ. Въ кольцо! Хотите подушку раз-

рѣжу? Давайте подушку! Вы думаете, — я пьянъ? Что мнѣ шкаликъ? Плюнуть! А щупакъ добрый! Жиды умѣютъ щупака готовить! Заира, кось-кось-кось! Я вамъ покажу Заиру — это конь!

Лащъ выпрямился и, постукивая въ тактъ шашкой, запѣлъ сдавленнымъ хриплымъ голосомъ:

Выпилъ куба до Якуба,
Якубъ до Михала.
Выпилъ ты, выпилъ я —
Компанія цала.
А кто не выпіе
Тего ве два кія
Цупу-лупу по кожуху
Тего ве два кія.
Цупу-лупу по кожуху
Тего ве два кія...

Вдругъ онъ сорвался и сталъ натягивать шинель.

— Куда вы?

— До дому — Заира не кормлена. Самъ кормлю. учера отправилъ, одинъ конюхъ заболѣлъ, другой пьяный лежитъ. До зобаченья, пане контролеже!

Лащъ вытянулся.

— Когда прикажете явиться по дѣламъ службы?

— Вы меня конфузите, право, конфузите. Увидимся и потолкуемъ. Какъ это: цупу-лупу? Это застольная пѣсня?

— Самая наизастольная, пане контролеже, самая...

## III.

Маковъ былъ очень благодаренъ Бермановой за обѣды у сестеръ Агроновичъ. Его не кормили, а закармливали. Сестры отличались радушіемъ и сами любили вкусно поѣсть. Это едва ли не обратилось въ цѣль ихъ монотонной жизни.

Сначала ихъ было трое: Вѣра, Надежда и Любовь. Но Любовь умерла, остались Надежда и Вѣра. Ихъ усадебка была въ полуверстѣ отъ Макова. Надо было свернуть въ узкую, огражденную частоколомъ улочку; по сторонамъ ея тянулись мужицкіе огороды. Улочка упиралась въ ворота и фортку съ высокимъ перелазомъ. Поросшій травою дворъ съ коморами, погребами, сарайчиками. Домъ съ зелеными ставнями и острой черепичной крышей. По двору бродили гуси, утки, индюки, куры-цецарки, куры-кохинхинки, просто куры, бродили поросята, телята. И все это отъѣвшееся, жирное, хоть сейчасъ на убой.

Завидѣвъ нескладную фигуру Надежды Ларіоновны, съ ключами у пояса и въ грубыхъ добротныхъ башмакахъ, вся эта живность съ кудахтаньемъ, гоготаньемъ, мыча и хрюкая, устремлялась къ своей поилицѣ и кормилицѣ. Надежда Ларіоновна знала ихъ всѣхъ по именамъ, знала характеры, семейную жизнь.

Надежда представляла собой Мароу, Вѣра — Марію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ Вѣра жила духовной жизнью. Просто, она ничего не дѣлала и по цѣлымъ днямъ читала переводные романы, возложивъ на сестру всѣ тяготы по дому.

Надеждѣ — сорокъ шесть, Вѣрѣ — пятьдесятъ. Вѣра — полная, пепельно сѣдая, говорила баскомъ и у нея росли усы. У Надежды — бородка. При нихъ состояла нянька Арина, маленькая, подвижная, морщинистая старуха, вынянчившая всѣхъ трехъ сестеръ. Рабская преданность не мѣшала ей грубить и выговаривать барышнямъ.

Въ домѣ пахло яблоками, какими-то травами, пахло краснымъ деревомъ старосвѣтскихъ пузатыхъ комодовъ. Неугасимая лампадка мерцала подъ образами въ спальнѣ сестеръ.

Обѣ тотчасъ же влюбились въ Макова. Онѣ называли его между собою «амурчикомъ», «душкой», «холосенькимъ». Вѣра, дымя папиросой и шевеля усами, раскладывала пасьянсы, задумывая, исполнится или не исполнится? Предметомъ этихъ гаданій былъ интересный сѣроглазенькій блондинъ. Набесѣдовавшись вдоволь съ мягкими засаленными картами, Вѣра говорила сестрѣ:

— Ты не думай, Надинъ, я тебѣ поперекъ дороги не стану. Я для тебя готова пожертвовать всѣмъ.

Вѣра, стыдливо потупившись, перебирала у пояса ключи, либо теребила пучекъ волосъ на костлявомъ выдавшемся подбородкѣ.

— Нѣтъ ужъ, Вѣрунчикъ, предоставляю тебѣ, ты болѣе красивая, свѣтская. Какой онъ холосенькій, Боже, какой холосенькій! Зубы ты замѣтила? А руки?

Къ семейному совѣту привлекалась нянька.

— Ариночка, якъ ты думаешь?

— А годи вамъ! Пипъ свое, а чортъ свое! Де-жъ таки видано? Молодый хлопецъ, винъ вашимъ сыномъ могъ бы бути. Хиба-жъ се видано?

— Ну, иди иди себѣ съ Богомъ, старая! Ты изъ ума выжила. Чи-жъ ты понимаешь въ чувствахъ?

— А якъ не понимаю, такъ не пытайте. Шкода, вмеръ полковникъ: винъ бы васъ лозою. По батьковски! Та не гнивайтесь же, паннычки, на мене, бо я васъ обоихъ люблю.

И маленькая, вѣчно растерзанная, похожая на какую-то нелѣпую птицу, нянька принималась цѣловать сестеръ.

Фруктовый садъ ихъ почти примыкалъ къ усадьбѣ Лидіи Петровны Агроновичъ или генераловой, какъ называла ее Берманова. Дипломатическія отношенія между сестрами и вдовой покойнаго брата небыли прерваны, но встрѣчались обѣ стороны весьма рѣдко.

Лидія Петровна не пользовалась любовью у Надежды и Вѣры. Не любили ее онѣ за то, что много принесла она горя ихъ покойному брату и не любили за то, что въ сорокъ лѣтъ она была еще красавица и кружила мужчинамъ головы.

И въ то же время ихъ тянуло думать объ «этой Лидкѣ», говорить о ней. Она, эта женщина, которая бурно и празднично сожгла свою молодость, у которой были такіе красивые романы, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ мѣста дѣйствія, казалось Надеждѣ и Вѣрѣ какой-то обстоятельной грѣшной сиреной. Дѣвушки, не знавшія никогда любовнаго поцѣлуя и ласки, вѣрили въ неотразимость плѣнительныхъ чаръ Лидіи Петровны.

Однажды заѣхалъ къ нимъ тринадцатилѣтній гимназистъ-племянникъ. Онѣ долго не хотѣли его отпускать «туда». Не пустить совсѣмъ — неловко: все же родня. И когда мальчикъ вернулся оттуда и разсказывалъ съ сіяющимъ личикомъ какая славная, добрая тетя Лида, онѣ цѣловали ему глаза и крестили, шепча заклинанія.

— Чтобъ не влюбился!

Образъ Лидіи Петровны прочно жилъ въ пахнущемъ яблоками и краснымъ деревомъ домикѣ съ зелеными ставнями. Мало того, что объ ней говорили и думали, переживали ея романы, расцвѣченные наивной пылкой фантазіей старыхъ дѣвъ, — было еще около дюжины фотографическихъ портретовъ Лидіи Петровны въ альбомахъ и на стѣнахъ. И вездѣ то юная, молодая, то зрѣлая женщина, всюду была она хороша яркой восточной красотой. По этимъ портретамъ можно было легко прослѣдить переходящія дамскія моды конца семидесятыхъ, восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. То бѣлые отложные воротнички, то четырехугольные карре, то высокія и низкія при-

чески съ кольцами густыхъ великолѣпныхъ косъ. Но нигдѣ не производила она впечатлѣнія модной картинки. Какой-нибудь выбившійся локонъ, небрежно, искусными складками драппирующая плечо шаль, сообщали всему облику что-то живописное и граціозное, иногда вызывающее, декоративное.

— Вотъ женщина! — не могъ сдержать своего восхищенія Маковъ.

— О, вы не знаете, Иванъ Алексѣевичъ, это такая волшебница! Гдѣ-то въ Италіи въ нее разъ влюбился какой-то маркизъ.

— Та ну бо, Надинъ, не говори, когда не знаешь, — густымъ басомъ перебила Вѣра: —не маркизъ, а лордъ, англійскій лордъ. Яхту свою предлагалъ. Хотѣлъ тигровъ ей настрѣлять, хотѣлъ устроить ей такую палатку изъ тигровыхъ шкуръ!

— Понесла!

— Понесла! Чи я хуже тебя знаю?

Маковъ наслушался подобныхъ легендъ безъ числа. Интересъ къ генераловой разгорался больше. Онъ видѣлъ ее во снѣ, принимающей молочную ванну.

— Боже васъ сохрани и помилуй знакомиться!

— А что?

— Пропадете. Погубитъ!

— Ну, меня погубить не такъ-то легко! — съ чисто-юношескимъ задоромъ, краснѣя, возражалъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Вѣрунчикъ, гдѣ она теперь?

— Въ Петербургъ, а, може, и за границу махнула.

Каждый вечеръ сестры тщательно обдумывали меню для «холосенькаго амурчика». Сочинялись жирныя вкусныя шарлотты, коржики съ медомъ, зразы, борщи, воздушные пироги, пудинги.

Къ стыду своему, Маковъ началъ замѣчать, что полнѣетъ. Каждый разъ онъ шелъ обѣдать съ твердой рѣшимостью ѣсть возможно меньше. Но влюбленныя сестры смотрѣли ему въ ротъ, въ тарелку, были на сторожѣ и подкладывали безъ конца.

Маковъ и не подозрѣвалъ, какой онъ переполохъ поселилъ въ птичьемъ царствѣ сестеръ Агроновичъ. Курочки и гуси, которыхъ Надежда Ларіоновна берегла, какъ зѣницу ока, уже обрекались на гибель.

## IV.

Погода испортилась. Шли дожди. Мѣстечко утопало въ грязи. Даже въ юго-западномъ краѣ Покута славилась своей классической грязью. Это была особенная грязь, черная, жидкая, засасывающая. Обыватели ходили въ высокихъ охотничьихъ ботфортахъ. Везли разъ въ осеннюю распутицу изъ города почту. Лошади еле двигались по брюхо въ грязи. Наконецъ изнемогли, выбились изъ силъ и стали. А тутъ еще хватило морозцемъ. Ямщикъ и почтальонъ ушли, унесли сумки. Но лошадей вытащить нельзя было. Такъ онѣ и полегли, примерзли. Только весною можно было убрать ихъ скелеты.

Маковъ смѣялся надъ собой, зачѣмъ привезъ сюда мелкія щегольскія калоши.

Въ ботфортахъ, выбирая спасительныя тропинки, пошелъ онъ къ Лащу отдавать визитъ. Объѣздчикъ жилъ въ древней хаткѣ съ поросшей мохомъ соломенной крышей, жилъ у отставного москаля Максима Кресала.

— Дома Ромуальдъ Викентьевичъ? —кутаясь въ непромокаемый плащъ, по которому стекала дождевая вода, спросилъ Маковъ Кресала.

— А ни, десь пишовъ. Скоро вернется.

Максимъ увидѣлъ кокарду. Онъ вынулъ изо рта коротенькую люльку и безсознательно, по старой привычкѣ, опустилъ руки по швамъ.

Это было какое-то ископаемое двуногое существо. Съ любопытствомъ Иванъ Алексѣевичъ разсматривалъ его. И безъ того маленькій, по милости коротенькихъ ногъ Кресало казался еще меньше. Длинный пиджакъ, цвѣтная рубаха и подпоясанныя веревкой штаны. Расшлепанная, когда-то бѣлая, фуражка съ громаднымъ глубокимъ козырькомъ. Но козырекъ не могъ прикрыть пухлаго носа буквально царившаго на крохотномъ морщинистомъ землистомъ лицѣ съ сѣдой колючей щетиной. Глаза давно выцвѣли, помутнѣли и непрерывно слезились, увлажняя щеки и носъ. Верхняя челюсть была беззуба, внизу же торчало нѣсколько желтыхъ корешковъ. Нижняя губа толстая, вздутая, свинцозаго цвѣта, отвисла и дрожала. Сѣдые височки были зачесаны къ ушамъ, по-николаевски.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Много, барынька, годовъ восемьдесятъ будэ, а то и большъ.

— Ого! — проникся невольнымъ уваженіемъ Маковъ. — Гдѣ вы служили?

— А у въ гарнизоны.

— Вы, вѣрно, многое помните?

— Щобы много, то не, — Максимъ уставилъ мутные глаза въ пространство: — не, барынька. Помню я, якъ мене били. И по зубамъ, и лозою, и фухтелями, аккуратно били, по-николаевски.

Кресало выковырялъ изъ люльки погасшій пепелъ, сунулъ ее въ карманъ штановъ и дрыгая, въ воздухѣ двумя узловатыми обрубками — пальцами лѣвой руки, ударялъ по нимъ указательнымъ правой, спѣшно причитывая, словно въ тактъ барабанному бою.

Чики-чики, чикъ-чикъ-чикъ!

Чики-чики, чикъ-чикъ-чикъ,

— Тяжело было вамъ?

— А не, барынька, не дуже. Спервоначалу тяжело, а тамъ привыкъ.

— Что жъ вы еще помните?

— А большъ ничого не помню.

Маковъ почувствовалъ какой-то холодный тоскливый ужасъ. Человѣкъ помнитъ, какъ его били; били на протяженіи двадцати пяти лѣтъ... И больше ничего, ни одного пятна, ни одного воспоминанія!..

— А вонъ и панъ объѣздчикъ идуть.

Промокшій въ своей солдатской шинели, Лащъ издали махалъ черной шапочкой.

— Виватъ, пане контролеже! А я тутъ у Заградки былъ. Вы еще не были у Заградки? Первый ресторанъ въ Покутѣ! Можно съѣсть, выпить и поиграть на билліардѣ. Вы съ этой гарнизонной крысой разговариваете? Виноватъ, какая онъ гарнизонная крыса! Это послѣдній изъ могиканъ, доблестныхъ русскихъ орловъ николаевской эпохи. Чѣмъ не орелъ? Высокъ, статенъ, красивъ, зубы, какъ жемчугъ. И навѣрное брехалъ, чертовъ сынъ, что ему ихъ выбили?

— А вже жъ повибивали, — возразилъ Кресало обиженнымъ тономъ. — А вже жъ.

— Слушайте вы его! Зубовъ нѣтъ — самъ виноватъ: много сладкаго ѣлъ. Вотъ если бы пилъ водку, какъ я, зубы были бы цѣлы! Пойдемъ, пане контролеже, я вамъ Заиру покажу. Бобыль, круглый бобыль, — кивнулъ Ромуальдъ Викентьевичъ на оставшагося позади Максима. — Вернулся домой со службы — все вымерло. Родная хата — пуста. Двери паутиной заткало. Вотъ онъ и живетъ, живетъ и умирать не хочетъ. Все вспоминаетъ, какъ его лу-

пили, а пора бы забыть, кажется, тѣмъ болѣе, что воспоминанія не изъ пріятныхъ.

Они подошли къ сколоченной изъ старыхъ солдатскихъ мишеней конюшнѣ. Сдѣланныя пулями отверстія забиты колышками. Веселое, привѣтственное ржанье послышалось оттуда.

Носатое мокрое лицо Лаща со слипшимися прядями бороды сдѣлалось вдругъ нѣжнымъ, любящимъ.

— Слышите? Чуетъ, шаги чуетъ. Мои шаги. Мечта, а не конь. На ночь запираю. А если въ подозрѣніи — самъ ложусь въ конюшнѣ. Сколько разъ ее хотѣли уворовать! Борони Богъ, горе тому! Нарочно говорилъ при конокрадахъ — я ихъ всѣхъ знаю — если да когда-нибудь, — подъ землей найду! Со дна морского вытащу! И ужъ тогда excusez! На куски порѣжу, солью посолю и псамъ на съѣденіе кину!

Лащъ былъ свирѣпъ въ этотъ моментъ. И видно было, что онъ способенъ исполнить свою угрозу.

«Онъ опоздалъ родиться! — подумалъ Маковъ — Эта любовь къ оружію, къ лошадямъ, эта жестокость вмѣстѣ съ добротою. Онъ долженъ былъ бы жить въ эпоху забубеннаго шляхетскаго молодечества, когда бражничали, рубились на сабляхъ и жили отъ одного набѣга до другого».

— Кось-кось-кось!

Дѣйствительно, красавецъ-конь была Заира. Сѣрая, въ яблокахъ. Тонкія сухощавыя ноги, крутая упругая шея. Когда, вращая бѣлками, она косилась на хозяина, въ гордыхъ глазахъ свѣтился почти человѣческій умъ. Ходуномъ ходили тонкія нервныя ноздри; отъ благороднаго рисунка головы, морды вѣяло породой. Лащъ цѣловалъ ее, хлопалъ, прижимался щеками и бородой къ ея шеѣ.

— Шельмочка, ахъ ты шельма, ты думаешь, я тебя люблю. Поганка! Уродина сатановская!

Все убранство комнаты Лаща заключалось въ жесткой койкѣ и въ табуретѣ, на которомъ лежало сѣдло.

— Вотъ мой пáлацъ, прошу садиться! — и освободивъ отъ сѣдла табуретъ, Ромуальдъ Викентьевичъ подвинулъ его гостю.

Надъ койкой висѣли пистонныя ружья, кинжалы и кожаная сумка съ пороховницей. На подоконникѣ рядомъ съ клещáми валялась пожелтѣвшая отъ времени книжка. Маковъ заглянулъ въ нее. Это была какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая французская грамматика того далекаго, уже легендарнаго времени, когда гувернантка водила въ костелъ маленькаго, одѣтаго въ бархатную курточку, Ромуальда.

«Полно было ли когда-нибудь это время»? — даже усомнился Маковъ.

Кресало смиренно стоялъ передъ нимъ и протягивалъ что-то въ синей сахарной бумагѣ.

Иванъ Алексѣевичъ развернулъ и увидѣлъ двѣ медали.

— Нѣтъ, какое у этой гарнизонной крысы сатанинское тщеславіе! Знаками служебнаго отличія вздумалъ кочевряжиться. Посмотрите, полюбуйтесь на эту старую обезьяну. Бельведеръ Аполлонскій. Давно пилю: выкинь! Въ амбицію! Это, говоритъ, за вѣрную службу отечеству. А вся его служба отечеству въ томъ, что лупили этого дурня, какъ сидорову козу, лупили въ два кія. Да не по кожуху, а по его ослиной шкурѣ. Я тоже получилъ медаль за спасеніе Володковскаго. А спросите — гдѣ она? — ей-Богу не знаю. Крыса, хочешь я самъ выкину? Давай.

Отставной солдатъ пугливо попятился, завернулъ медали въ сахарную бумагу и — въ карманъ.

— А, не хочешь? Пошелъ къ чертямъ!

— И пиду.

— Ну и пошелъ!

— И пиду!

— Видѣли урода? Любитъ меня, привязанъ, а въ этомъ пунктѣ расходимся. Кончится тѣмъ: я ихъ выкраду у него. Ей-Богу, выкраду! Вѣдь, все равно сдохнешь, говорю. «А сдохну — попрошу въ могилку съ собой закопать». Какія сентименты! Рабья душа!.. Вы такъ сидите, пане контролеже, неначе замараться боитесь. Здѣсь не петербургская гостиная, духами не пахнетъ. Конюшней пахнетъ, правда?

Лащъ подошелъ къ низенькой двери, что скривилась на петляхъ, и распахнулъ ее:

— Кресало, гопъ-гопъ! Тютюну дай! — обернувшись къ гостю, онъ пояснилъ: — курю султанскій, десять карбованцевъ фунтъ. Да вышелъ, такъ я махорочки пососать... Звѣробой.

Комната наполнилась тяжелымъ сизымъ дымомъ. Махорка — звѣробой настоящій — съ непривычки ѣла глаза Макову. Онъ собрался уходить.

— Ну, бувайте здоровеньки! Обкурилъ я васъ. А я чую, нюхомъ чую: на-дняхъ будетъ у насъ работа. Будутъ провозить спиртъ. Надо поживиться. Безъ грошика сижу. Мое жалованье знаете: пятнадцать бумажныхъ. За такую-то собачью службу! Не раскутишься, а? Готовьтесь!

— Это интересно! Пожалуйста, извѣстите меня, Ромуальдъ Викентьевичъ! — сказалъ Маковъ.

— Будьте благонадежны. У графа Булгака на заводѣ были? Шуточка, этотъ графъ. Восемьдесятъ комнатъ, а жалуется — негдѣ спальню устроить. Сейчасъ въ Ниццѣ. Вѣрно, свой позвоночникъ разстраиваетъ. Лѣтомъ чинитъ его, чуть ли не пожарной кишкой поливаетъ, а осенью... ну, бувайте здоровеньки!

На дворѣ возился Кресало. Поправлялъ дряхлыя подгнившія ворота, которыя все падали.

— О, барынька, се такій чоловикъ, такій чоловикъ! Его треба знати, — съ таинственнымъ видомъ закивалъ онъ по направленію хатки. — Самъ не доистъ, а для Цаиры щобъ булъ овесъ. Джальма сдохла, — собака до полеванія. Такъ плакалъ, ей-Богу, барынька, плакалъ якъ дытына.

Иванъ Алексѣевичъ далъ ему гривенникъ. Кресало бросился ловить его руку.

Дождь утихъ, но моросилъ. Маковъ подвигался съ трудомъ. Облѣпленные грязью сапоги вязли въ жирномъ черноземѣ. Разоренный, пустынный видъ имѣли огороды. Словно дикая орда истребителей прошла по нимъ, оставивъ за собой выворoченные съ корнемъ стебли подсолнуховъ, бугры, ямки картофельныхъ могилъ и прутья, по которымъ взвивался горохъ, теперь безпомощно повисшій желтыми высохшими плетями.

Маковъ мѣсилъ грязь, проклиная эту захолустную дыру, а отставной солдатъ мастерилъ у воротъ и, стуча топоромъ, подпѣвалъ въ тактъ:

Чики-чики, чикъ-чикъ-чикъ.
Чики-чики, чикъ-чикъ-чикъ.

Онъ вспоминалъ, какъ его били...

## V.

Въ первые дни Макову некогда было скучать. Слишкомъ необычными, своеобразными показались новыя впечатлѣнія. Онъ заглянулъ въ пестрый мірокъ непокрытой еврейской бѣдноты, съ которымъ его познакомила Берманова. И сама Берманова съ ея покойнымъ мужемъ, котораго она любила до смѣшного и вмѣстѣ трогательнаго обожанія, съ «фотографщикомъ» сыномъ, которому грозила опасность

уйти въ солдаты, со своей нервной безостановочной перескакивающей рѣчью — сначала интересовала его. Онъ ходилъ по базару, гдѣ по колѣно въ грязи понуро стояли у возовъ намокшія мужицкія лошадки. У каменныхъ корчмъ и лавокъ съ наивно-безграмотными вывѣсками слышалась громкая гортанная рѣчь вперемежку съ мягкимъ украинскимъ говоромъ. Одну вывѣску онъ не могъ вспомнить безъ смѣха и написалъ про нее матери:

«Мужѣскій портной, онже и Мадамъ».

Заходилъ Иванъ Алексѣевичъ къ Заградкѣ. Тамъ, въ этихъ выкрашенныхъ синей краской стѣнахъ, было грязно, чадно, дымно, пахло сквернымъ кушаньемъ. На косомъ билліардѣ съ громадными обвислыми лузами, днемъ и вечеромъ, безконечнымъ осеннимъ вечеромъ, стучали шары. Играли почтовые чиновники, конторщики винокуреннаго завода, фольварковые парны въ свѣтло-желтаго славуцкаго сукна венгеркахъ и курткахъ.

Появлялись, звеня шпорами, предводительствуемые фонъ-Гогелемъ драгуны и «вся эта сволочь», какъ называлъ ихъ фонъ-Гогель, должна была сейчасъ же безпрекословно уступать поле дѣйствій. Въ случаѣ протеста молодыхъ людей въ сюртукахъ почтоваго вѣдомства и венгеркахъ, офицеры, грозя шашками, выталкивали ихъ въ шею. Выталкивали съ крутой узенькой лѣсенки прямо въ базарную грязь. А сами нераздѣльно владѣли билліардомъ до утра. Снявъ сюртуки и тужурки, красные, возбужденные, потные, перепачканные мѣломъ, они играли, пили, опять играли и опять пили.

Поручики и корнеты пропадали у Заградки. Эскадронный командиръ Ивановъ 1-й недѣлями гостилъ у русскихъ помѣщиковъ. Фактически командовалъ эскадрономъ вахмистръ. Ивановъ 1-й дружилъ

съ подрядчиками. Отъ солдатъ онъ требовалъ, чтобъ ихъ лошади были накормлены и сыты. Солдаты, вымазавъ лицо сажей, «добывали» по ночамъ сѣно. Были два-три случая убійствъ; ихъ спѣшили замять, но лошади все же оставались худыми.

Бригадный командиръ однажды замѣтилъ Иванову:

— Ротмистръ, у васъ не лошади, а скелеты?

— Ваше превосходительство, я принималъ всевозможныя мѣры...

— Хотите испробовать еще одну: давайте имъ побольше овса.

Иванову сдѣлали выговоръ, но эскадрона не отняли.

Богатые польскіе помѣщики-магнаты жили своей красивой замкнутой жизнью. Чѣмъ-то случайнымъ и чуждымъ казались появлявшіеся въ мѣстечкѣ элегантные вѣнскіе шарабаны и коляски, запряженные инглизированными четверками цугомъ. Осень и зиму помѣщики жили заграницей, въ Варшавѣ, и только раннимъ лѣтомъ возвращались въ свои замки.

Однажды Маковъ долго провожалъ съ тоскливой завистью щегольскій фаэтонъ, гдѣ рядомъ съ энергичнымъ горбоносымъ профилемъ породистаго мужчины, мягко намѣчались подъ вуалью нѣжныя черты хрупкой бѣлокурой женщины.

— Стоитъ имъ пожелать и черезъ трое сутокъ они въ теплой благоухающей цвѣтами Ниццѣ. А я — сиди здѣсь, въ этомъ невылазномъ болотѣ.

Въ Петербургѣ Маковъ не придавалъ особеннаго значенія газетамъ и письмамъ. Жизнь была такъ полна пестрыми, мгновенно смѣнявшими другъ друга впечатлѣніями. А здѣсь, въ Покутѣ, каждое письмо, каждый номеръ газеты выростали чуть ли не въ событіе.

Большую столичную почту привозили въ одиннадцать часовъ вечера. Разносили ее утромъ. Желая выиграть почти полсутокъ, Иванъ Алексѣевичъ, несмотря на погоду и непроглядную темень осеннихъ ночей, ходилъ въ контору къ прибытію почты. Ходилъ съ фонаремъ.

Еще издали, при видѣ освѣщенныхъ оконъ тускло горѣвшихъ во мракѣ пустынной и черной ночи, онъ испытывалъ какое-то волненіе.

Въ теченіе часа, пока раздѣлывалась почта и вынималась корреспонденція изъ кожаныхъ сумокъ, эти душныя, пропахшія сургучемъ, клеемъ и еще чѣмъ-то затхлымъ и кислымъ комнаты съ желтой рѣшеткой и портретомъ Государя, — жили интересной лихорадочной жизнью. Чиновники, плохо одѣтые, заросшіе волосами, не бритые, изможденные, словно просыпались отъ своей безстрастной и вялой спячки.

Эти вѣстники изъ другого далекаго міра, о которомъ они имѣютъ смутное понятіе, и котораго никогда не увидятъ, вѣстники въ видѣ чужихъ писемъ съ заграничными и петербургскими штемпелями, въ видѣ свѣжихъ газетъ и журналовъ, какъ-то платонически наэлектризовывали ихъ. Они перекликались отрывисто возбужденно. Мелькали въ воздухѣ руки съ письмами, стучали штемпеля, отпечатывая на конвертахъ кружочки.

Слабый свѣтъ казенныхъ лампъ выхватывалъ изъ дрожащей полутьмы головы, руки.

Этимъ людямъ въ черныхъ засаленныхъ и закапанныхъ сургучемъ курткахъ съ когда-то желтыми кантами казалось, что соприкасаясь съ залетѣвшими почти изъ легендарнаго для нихъ далека письмами, они сами становятся красивѣй, умнѣй, интереснѣй.

Сѣдой, въ темныхъ очкахъ, почтмейстеръ Шмидтъ считалъ своимъ долгомъ являться къ приходу почты.

Онъ ничего не дѣлалъ и ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы.

Маковъ получалъ свою корреспонденцію у сортировщика Безштанько, худого, сутуловатаго человѣка съ вѣчно подвязанными зубами и рѣденькой — можно было всѣ волоски пересчитать — бородкой.

Общій подъемъ не захватывалъ Безштанько. Наоборотъ. Прибытіе почты дѣлало его угрюмѣй, злѣе.

Если къ его столу съ черной изрѣзанной клеенкой, чугунной чернильницей и песочницей подходилъ Маковъ и, учтиво облокотившись на желтую рѣшетку. вѣжливо спрашивалъ, нѣтъ ли писемъ, мрачный сортировщикъ мрачнѣлъ еще больше. Безштанько возненавидѣлъ Макова и за то, что онъ — строенъ, хорошо одѣтъ, и за великолѣпные зубы, сверкавшіе въ моментъ учтивой улыбки, и за то, что онъ лодарничаетъ, когда «люди» въ работѣ по горло, и за то, что онъ получаетъ при легкой службѣ девятьсотъ рублей, а не двѣсти семьдесятъ.

И ежели Макову ничего не было, Безштанько уже напередъ бросалъ ему съ тихой злобой, отъ которой слипались въ вынужденной улыбкѣ его блѣдныя губы:

— Нич-чего вамъ нѣту, нич-чего!

Разъ онъ пробормоталъ при этомъ:

— Что за нетерпѣніе, подумаешь! Трудно подождать до завтра. Только людей понапрасну тревожатъ.

Иванъ Алексѣевичъ вспыхнулъ, хотѣлъ отвѣтить чѣмъ-нибудь рѣзкимъ, обиднымъ, но посмотрѣлъ въ невыспавшееся лицо подвязанное платкомъ съ тугимъ узломъ на вихрастой макушкѣ, и сдержался.

Со службой Маковъ освоился быстро, но не могъ отдѣлаться отъ брезгливаго чувства. Особенно, когда въ грязныхъ и вонючихъ шинкахъ приходилось измѣрять вино. На заводѣ графа Булгака онъ познако-

мился съ винокуреніемъ. О чемъ онъ дѣйствительно мечталъ съ какой-то манящей тревогой — это объ рискованной, непремѣнно рискованной, авантюрѣ съ Лащемъ противъ контрабандистовъ.

— Когда же, Ромуальдъ Викентьевичъ?

— Отчепитесь вы, пане контролеже! Который разъ спрашиваете? Будетъ время. Приду и скажу Скажу, какъ въ романахъ Майнъ-Рида: «Черный Лось, часъ насталъ». Чортъ бы его ободралъ этого самаго Майнъ-Рида! Черезъ него меня изъ гимназіи колѣнкой въ спину. Впрочемъ, все равно, и такъ протурили бы

Изъ спальни своей Иванъ Алексѣевичъ видѣлъ дворикъ и флигель, въ которомъ жилъ сортировщикъ Безштанько. Жена, ребенокъ и онъ. Прислуги не держали, если не считать ходившей за ребенкомъ семилѣтней дѣвчонки, что нуждалась сама въ нянькѣ.

Изъ своихъ оконъ Маковъ часто замѣчалъ, какъ тамъ, во флигелѣ, тоже стоитъ у окна и смотритъ молодая женщина съ высокой прической и продолговатымъ оваломъ розоваго лица. И такъ они смотрѣли другъ на друга, молча и долго, не отходя отъ окна. Иногда жена почтоваго чиновника выходила на крылечко и Маковъ могъ разсмотрѣть ее лучше. Ему нравилась ея широкая въ плечахъ, въ груди и тонкая въ таліи фигура, охваченная простымъ ситцевымъ платьемъ. Нравились густые волосы и нѣжный, здоровый румянецъ. Косо прорѣзанные, какъ миндалины, китайскіе глаза сообщали ей что-то оригинальное, непохожее на другихъ.

Въ сухую погоду молодая женщина тихо гуляла по двору взадъ и впередъ мимо флигеля. Въ черномъ бурнусѣ и черномъ платкѣ она походила на монахиню. И вся ея черная фигура такъ рельефно и строго рисовалась на тоскливомъ фонѣ вечерняго осенняго пейзажа съ чернымъ кружевомъ древесныхъ вѣтвей

и съ отгорающимъ гдѣ-то далеко холоднымъ кровавымъ закатомъ...

Такія минуты случалось, выростали въ часы. Маковъ съ какимъ-то острымъ сочувствіемъ наблюдалъ сосѣдку, стерегъ ея малѣйшее движеніе. И она казалась ему одинокой, непонятой прозаическимъ нескладнымъ человѣкомъ съ вѣчно подвязанной щекой. Случалось, по субботамъ, во время этихъ медленныхъ прогулокъ закутанной въ черное женщины, доносился глухой протяжный звонъ колоколовъ стараго костела. И у Макова закипало желаніе писать какую-то смутную элегію о чьемъ-то невыплаканномъ горѣ.

## VI.

На заборахъ и въ лавкахъ появились рукописныя афиши, извѣщавшія, что «съ дозволенія начальства въ мѣстечкѣ Покутѣ имѣетъ быть дано блистательное представленіе при благосклонномъ участіи извѣстнаго негритянскаго фокусника Боба-Али-Шейхъ-Мамеда и дикаго человѣка — послѣдняго вождя американскихъ папуасовъ»...

Конечно, было прибавлено, что темнокожія знаменитости «проѣздомъ чрезъ многоуважаемое мѣстечко дадутъ всего лишь одно представленіе, которое имѣетъ быть въ заѣздномъ домѣ купца третьей гильдіи Зусьмана».

Эти гастролеры всколыхнули Покуту. Являлась возможность развлечься и не безъ пріятности убить долгій-предолгій осенній вечеръ.

Сначала Маковъ и не думалъ идти, но когда Берманова сказала ему, что на комедіи будутъ супруги Безштанько, онъ рѣшилъ посмотрѣть изъ любопытства.

Всѣ заѣздные дворы юго-западнаго края похожи другъ на друга. Это длинное одноэтажное зданіе съ широкимъ, безъ потолка, во всю длину коридоромъ посрединѣ. Вверху подъ угломъ сходятся стропила крыши. Коридоръ дѣлитъ зданіе на двѣ части. По обѣимъ сторонамъ — снабженныя высокими порогами двери въ комнаты гостей. Удаляясь къ черной половинѣ дома, коридоръ съ землянымъ поломъ расширяется въ конюшню. Тамъ стойла, ясли, тамъ фыркаютъ лошади и находятся брички, балагулы, тамъ калякаютъ кучера. И парадный и черный ходъ замыкаются «брамой» — воротами съ калиткой, въ которую можно пройти согнувшись.

Самый большой изъ своихъ номеровъ, съ мѣдной люстрой у потолка, Зусьманъ отвелъ подъ «блистательное представленіе». Были зажжены тоненькія сальныя свѣчки. Чадила люстра немилосердно. Изъ ящиковъ соорудили эстраду и покрыли ее краснымъ кумачемъ. Въ первомъ ряду стояли для почетной публики собранныя со всего заѣзднаго дома разномастныя кресла: и клеенчатыя, и ситцевыя и вовсе безъ всякой обивки. Второй рядъ — изъ покрытыхъ ватными одѣялами скамеекъ. Третій — изъ голыхъ, прожженныхъ утюгами скамеекъ.

Раньше всѣхъ явились двѣ дѣвушки въ платочкахъ, — мѣщаночки. Онѣ смущенно хихикали и украдкой лущили арбузныя сѣмечки. Въ углу пріютился оркестръ изъ трехъ еврейчиковъ: двѣ скрипки, первая и вторая, и флейта. Долго настраивали, пиликали и, наконецъ, съ рѣшительнымъ видомъ грянули «Дунайскія волны».

Половина публики была даровая: становой съ женою, урядникъ, прислуга становового, письмоводитель, многочисленная семья Зусьмана и мишурисы заѣзднаго дома.

Маковъ сидѣлъ въ первомъ ряду возлѣ станового Зозулевича, съ которымъ еще не успѣлъ познакомиться, но о которомъ былъ много наслышанъ. Этотъ длинный, какъ высосанная спаржа, съ крохотной головкой худой человѣкъ не гнушался полтинникомъ. Еврейскія лавочки онъ обложилъ данью. Разъ въ недѣлю Берманова таскала ему яйца и масло. Лащъ терпѣть не могъ Зозулевича и всякій разъ, при встрѣчѣ, громко пѣлъ ему прямо въ физіономію:

— Ихавъ, ихавъ становой... на свою бѣду, заломився середь ставу на тонкемъ леду...

Эта народная украинская пѣсня, сложившаяся подъ гнетомъ безпросвѣтнаго взяточничества. Къ попавшему въ бѣду начальству бѣгутъ на помощь сотскіе и разсыльные. Проходившій мимо еврей успокаиваетъ ихъ, совѣтуя показать становому карбованецъ. У сотскихъ только мѣдныя деньги.

...Що покажешь, то винъ приме,
Не пійдетъ пидъ лйдъ.

И дѣйствительно, не успѣли сотскіе развязать свои кошели, надъ водою уже обрисовалась голова станового, съ жадно устремленными глазами.

Зозулевичъ въ свою очередь ненавидѣлъ дерзкаго Лаща, точилъ на него зубы, но побаивался.

— Свяжись съ такимъ чортомъ, не радъ будешь!

Съ Зозулевичемъ сидѣла его супруга, полная, напудренная дама, затянутая въ корсетъ съ такимъ усердіемъ, что лицо ея посинѣло даже сквозь толстый слой пудры, а глаза безсмысленно выпучились... Шляпа представляла какое-то вавилонское столпотвореніе изъ перьевъ, алыхъ піоновъ, дубовыхъ листьевъ, стеклярусныхъ блестокъ, бархатныхъ лентъ, колосьевъ и молодого, всѣми цвѣтами радуги отливавшаго вороненка. Свѣсившись клювомъ внизъ, онъ

какъ будто прицѣливался въ широко раскрытый выпученный глазъ своей обладательницы.

За длинной и плоской, какъ гладильная доска, спиной Зозулевича сидѣлъ благообразный, съ густыми бакенами, урядникъ Бороздичъ. Его выгнали изъ четвертаго класса кадетскаго корпуса. Затѣмъ онъ служилъ фигурантомъ въ балетѣ кіевской оперы и свою довольно пеструю карьеру закончилъ урядникомъ. Зозулевичъ тыкалъ его и билъ по зубамъ. На мѣщанскихъ вечеринкахъ Бороздичъ — и онъ имѣлъ на это полное право — считался первымъ танцоромъ. Въ Покутѣ говорили объ его близости къ мадамъ Зозулевичъ. Можетъ быть, поэтому становой и билъ его по зубамъ

Громко разговаривая, въ фуражкахъ и съ хлыстами, прошли въ первый рядъ три кавалериста: поручикъ фонъ-Гогель и два юныхъ корнета. Фонъ-Гогель привелъ бѣлаго въ коричневыхъ пятнахъ сеттера. Собака встряхивалась и жидкая грязь летѣла во всѣ стороны. Становой заискивалъ въ офицерахъ и поведеніе сеттера вызывало благожелательную улыбку на его крохотномъ личикѣ.

Въ третьемъ ряду, между молодыми людьми въ желтыхъ курткахъ и хихикающими паненками, сидѣли на пятнадцатикопѣечныхъ мѣстахъ супруги Безштанько. Иванъ Алексѣевичъ незамѣтно косился въ ихъ сторону.

«Вотъ пара!» — мелькнуло у него съ грустью.

Теперь совсѣмъ близко онъ разсмотрѣлъ, какая у молодой женщины нѣжная кожа лица и какъ идутъ къ китайскимъ глазамъ ея тяжелыя полуопущенныя вѣки. Она сняла голубенькій фуляровый платокъ и можно было любоваться свѣтлыми, густыми, высокозачесанными волосами съ проборомъ посрединѣ.

Корнеты пощипывая мѣсто, гдѣ вырастутъ у нихъ со временемъ усы, оборачивались и смотрѣли на молодую женщину съ подчеркнутой вызывающей наглостью мальчишекъ, претендующихъ казаться мужчинами. Безштанько хмурился... Онъ сознавалъ себя неуклюжимъ и бѣдно одѣтымъ, въ сравненіи съ этими щеголявшими красивой формой развязными корнетами. Жена опускала вѣки. Это дѣлало ее еще краше въ глазахъ Макова и подчеркивало неинтересность мужа съ землистыми ввалившимися щеками.

Музыка играла маршъ. Подъ звуки его вышелъ, приплясывая, изъ боковыхъ дверей кудластый бритый человѣкъ съ чернымъ лоснившимся лицомъ. На немъ была измятая, общитая растрепавшейся тесьмой, визитка. Улыбаясь и блестя синеватыми бѣлками, онъ ожесточенно раскланивался. Потомъ ломанымъ русскимъ языкомъ заговорилъ о своемъ негритянскомъ происхожденіи, въ доказательство котораго закаталъ по локоть грязныя манжеты, дабы почтеннѣйшая публика могла убѣдиться въ чернотѣ его рукъ. Но ему никто не повѣрилъ и всѣ видѣли, что онъ вымазался нарочно. Негритянскій фокусникъ захлопалъ въ ладоши. Одинъ изъ мишурисовъ, гордый своей ролью помощника, принесъ зеленый сундучекъ.

Представленіе началось. Фокусникъ подъ музыку вытягивалъ изо рта безконечную бумажную ленту, приготовилъ въ фуражкѣ станового яичницу и съ почтительными ужимками вынулъ изъ корнетскаго носа двугривенный.

— Покажи, покажи твои руки! — сказалъ фонъ-Гогель. — Да ты вымазался каналья!

— Ей-Богу, нѣтъ, чтобы я такъ жилъ. Я — такой уродился.

Собака недружелюбно заворчала на темнокожаго фокусника. Бобъ-Али-Шейхъ-Мамедъ испуганно попятился.

— Не бойся, не укуситъ! Османъ, кушъ! — попридержалъ фонъ-Гогель сеттера за ошейникъ.

На сцену появился дикій человѣкъ — «американскій» папуасъ. Полуголое коричневое существо съ перьями въ волосахъ, длинной курчавой бородой и съ чѣмъ-то несуразнымъ, косматымъ на ногахъ. Не то индійскія мокасины, не то старыя обтрепавшіяся лакейскія гетры. Американскій папуасъ издалъ нѣсколько пронзительныхъ горловыхъ звуковъ. Онъ прыгалъ, кривлялся, дѣлалъ воинственные выпады, поражалъ невидимаго врага. На правахъ существа, которому все можно и для котораго не существуетъ положеній и общественной лѣстницы, онъ выхватилъ у Макова горящую папиросу и положилъ ее огнемъ въ ротъ. Онъ завылъ и отъ этого нечеловѣческаго воя многимъ зрителямъ сдѣлалось жутко. Османъ ощетинился, рычалъ и готовъ былъ броситься на дикаря. Фонъ-Гогель едва сдерживалъ его. Сдерживалъ противъ воли. Онъ съ удовольствіемъ потравилъ бы собакой американскаго папуаса. Дико вращая глазами, краснокожій человѣкъ пожевалъ папиросу, проглотилъ ее и въ видѣ удовлетворенія — «вкусно молъ» — погладилъ себя по животу.

— Хочешь еще? — раскрылъ Зозулевичъ массивный серебряный портсигаръ.

Дикарь радостно замоталъ головой и съѣлъ вторую папиросу. Раздались аплодисменты.

Мишурисъ принесъ живую, испуганно кудахтавшую, курицу. Американскій папуасъ жадно схватилъ ее и вонзилъ въ куриное горло острые бѣлые зубы. Брызнула кровь, полетѣлъ пухъ. Курица трепыхалась, хлопала крыльями и кричала стран-

нымъ птичьимъ крикомъ. Публика протестовала: «Довольно»! Съ трудомъ вырвалъ мишурисъ полумертвую курицу изъ рукъ опьяненнаго кровью дикаря. Фокусникъ успокаивалъ товарища на какомъ-то тарабарскомъ нарѣчіи, указывая при этомъ на публику.

Американскій папуасъ приложилъ палецъ ко лбу, груди, къ полу, и, высоко поднимая ноги, ушелъ съ пронзительными горловыми звуками.

Самый блистательный фокусъ — гвоздь — Бобъ-Али-Шейхъ-Мамедъ, какъ дессертъ, приберегъ напослѣдокъ. Онъ разстегнулъ коленкоровый мѣшокъ надъ головой, бросилъ на полъ и, съ ожесточеніемъ вращая бѣлками, сталъ его топтать.

— Этотъ мѣшокъ, оставила мнѣ въ презентъ наслѣдственная бабушка. Она сказала: «Бобинька, если ты захочешь кушать, возьми этотъ мѣшокъ, скажи: ко-ко-ко-ко! и ты будешь имѣть свѣжія яйца».

Негръ поднялъ мѣшокъ, сунулъ въ него руку и произнесъ заклинанье:

— Але пасе тита хипа спирпусъ интервалусъ пакуль... ко-ко-ко-ко-ко...

И онъ вынулъ изъ мѣшка одно яйцо, другое, третье, вынулъ ихъ цѣлый десятокъ.

Чернокожій и краснокожій товарищи выручили около четырехъ рублей, съ тарелочнымъ сборомъ включительно. Кажется, они не подѣлили чего-то, ибо на другой день урядникъ Бороздичъ былъ приглашенъ разсудить ихъ. Вчерашній американскій папуасъ, такой воинственный и грозный въ своихъ мокасинахъ, сегодня превратился въ мирнаго человѣка въ долгополомъ сюртукѣ и плисовомъ картузѣ.

— Гошподинъ урядникъ, вы его не слушайте. Это такой халамейзаръ, это такой мошенникъ! Ты думаешь, что ты Бобъ-Али-Шейхъ-Мамедъ? Ты ду-

маешь, что ты — брунетъ, или блондинъ? Ты просто шволочь! Нѣтъ, вы только подумайте себѣ: онъ, этотъ паршивый Янкель, заставляетъ меня кушать всякое паскудство: папиросы, дамскія галоши съ барашкомъ, заставляетъ ѣсть живую курку и за все это далъ мнѣ четыре злота. Халамейзаръ?!

Янкель, который во время своихъ гастролей никогда не умывался и поэтому пребывалъ въ чернокожемъ состояніи, уничижительно скосилъ свои бѣлки на жалобщика.

— Ха, онъ еще недоволенъ, ха! Кто тебя витащилъ изъ грязи? Кто тебя сдѣлалъ артистомъ, кто? Гошподинъ урядникъ, я его вигоняю изъ своей труппы!

Бороздичъ примирилъ артистовъ и спросилъ паспорта. И когда ихъ не оказалось, взялъ съ обоихъ полтинникъ. Въ этотъ же день товарищи укатили на двухколесной бидѣ въ сосѣднее мѣстечко. Когда они проѣзжали черезъ села, бабы, при видѣ чернаго Янкеля, крестились и шарахались въ сторону.

— Молодыци, втикайте, чертяка иде!

## VII.

Какъ сказалъ о немъ въ веселую минуту почтмейстеръ Шмидтъ — Поликарпъ Еремѣевичъ Безштанько служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ «въ силу семейныхъ традицій». Отецъ его разносилъ по городу въ сумкѣ газеты и письма. Онъ былъ горькій пьяница и обыватели нерѣдко видѣли его безмятежно храпящимъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Туго набитая сумка служила подушкой. Такъ онъ и умеръ, жестоко простудившись въ сырой и дождливый осенній день. Поликарпъ Еремѣевичъ, тогда ученикъ уѣзднаго училища, хорошо помнитъ, какъ принесли до-

мой тѣло отца, перепачканное грязью, съ темнофіолетовымъ вздувшимся лицомъ.

Жалѣя осиротѣвшую семью, почтмейстеръ передалъ отцовскую сумку «старшему въ родѣ». И бросивъ училище, Поликарпъ бѣгалъ по городу съ этой тяжелой, оттягивавшей его четырнадцатилѣтнее плечо, сумкой. Онъ бѣгалъ и въ осеннюю непогодь, и въ зимнюю стужу, и въ весеннюю распутицу. Въ теченіе семи лѣтъ онъ изуродовалъ правое плечо, нажилъ ревматизмъ и получилъ вѣчный флюсъ. Но получилъ и возвышеніе. Его сдѣлали разъѣзднымъ почтальономъ. Ему дали тяжелую шашку, которую онъ съ трудомъ вытаскивалъ изъ ноженъ, и громадный револьверъ системы Лефоше, съ которымъ онъ не умѣлъ обращаться. Въ немъ не было ничего воинственнаго и онъ былъ смѣшонъ въ этомъ допотопномъ оружіи. Три четверти своего существованія онъ проводилъ то на саняхъ, то въ тряской телѣгѣ, въ сообществѣ рванаго ямщика съ мѣдной бляхой и павлиньими перьями. Не попадая зубъ на зубъ, онъ пытался дремать долгими и безконечными предразсвѣтными ночами. И злой невыспавшійся, онъ думалъ, что вся его жизнь должна пройти въ тряской прыгающей по замерзшимъ кочкамъ телѣгѣ, подъ унылый звонъ колокольчика и подъ леденящимъ дыханіемъ угрюмой ночи.

Жена Поликарпа Еремѣевича, Маланья Ѳоминична, почти выросла на его глазахъ. Онъ помнилъ ее дѣвочкой въ бѣлой перелинкѣ, помнилъ еще, когда она была на побѣгушкахъ въ модной мастерской пани Ядвиги Болтуць, именовавшей себя на вывѣскѣ «Мадамъ Аннетъ». Поликарпъ Еремѣевичъ носилъ туда письма и газету «Kurjer Warszawski». Года черезъ три Малаша выравнялась въ стройную дѣвушку и была мастерицей. Къ этому времени Безштанько

уже отвозилъ почту на желѣзнодорожную станцію. И въ своихъ дремахъ онъ часто видѣлъ розовое личико съ китайскими глазками. И это скрашивало его томительный путь.

Прошло еще два года. Только получивъ должность младшаго сортировщика, отважился онъ сдѣлать предложеніе. Ему сказали «да» и онъ женился къ великому неудовольствію своей матери. Женатый сынъ уже такъ не будетъ ей помогать, какъ прежде. Но Поликарпъ Еремѣевичъ оказался хорошимъ сыномъ и давалъ матери три рубля въ мѣсяцъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не явился собственный сынъ. Тогда трехрублевую пенсію онъ сократилъ до двухъ. Вскорѣ его сдѣлали старшимъ сортировщикомъ и перевели въ Покуту.

Въ тѣ немногіе, свободные отъ службы, часы, что имѣлись въ его распоряженіи, Безштанько устраивалъ женѣ сцены.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и неровныя некрашенныя половицы скрипѣли и дрожали подъ его сапогами съ желтыми голенищами, съ которыхъ свѣшивались обтрепанныя ушки.

Онъ говорилъ:

— Есть такая французская пословица; «шершо ла фоммъ». Вы думаете, я не вижу? Я все вижу. Вы думаете, я не знаю? Я все знаю!

— Ничего ты не видишь и не знаешь. Все ты брешешь. Оставь ты меня ради самого Господа. Дай мнѣ спокой! Надоѣло, опротивѣло! Даже на капельку нѣтъ никакой причины.

— А, надоѣло, опротивѣло! А мнѣ, думаешь, не надоѣло? Скажите, мнѣ, сударыня, пожалуйста, за какимъ такимъ бѣсомъ, прости Господи, повадились вы шляться въ костелъ?

— У тебя все мужицкія слова: бѣсъ, шляться. Въ костелѣ я отдыхаю. Тамъ все по другому, чѣмъ дома, чѣмъ на улицѣ. Тамъ такъ спокойно, и служба такая... органъ играетъ... картины, фигуры...

— Скажите, какая поэзія! Отдыхаете отъ житейской прозаичности? Вамъ бы, глубокоуважаемая мадамъ, родиться женою виконта. А съ кѣмъ вы перемигивались въ костелѣ? А кому офицеръ посылалъ воздушный поцѣлуй?

— Господи! Я же чѣмъ виновата? Я жъ ему ничего не посылала. Чи я могу запретить людямъ?

— Ну, конечно, всенепремѣнно! Мужъ — вьючная скотина. Я — не красавецъ, не герой. Ты же это видѣла. Такъ зачѣмъ же ты пошла за меня, зачѣмъ?

Съ непріятнымъ перекосившимся лицомъ, Поликарпъ Еремѣевичъ подходилъ къ Маланьѣ Ѳоминичнѣ и мучительно ждалъ отвѣта, хотя отлично зналъ его напередъ.

— Какъ мнѣ жилось у Болтуцихи? Она меня била, ѣсть не давала, ну я думала, — будетъ лучше.

Безштанько иронически расшаркивался.

— Покорнѣйше васъ благодарю! Покорнѣйше! По какому же такому праву, сударыня, вы испакостили мою жизнь?

— Самъ же просилъ, руки цѣловалъ... Я жъ не говорила, что я тебя люблю, не обманывала.

— Фа-ха-ха! — пытался Поликарпъ Еремѣичъ демонически разсмѣяться. —Гдѣ ужъ, куда намъ грѣшнымъ? Развѣ я смѣлъ разсчитывать на нѣжныя чувства такой фрикасе, какъ вы? Ну, это стара шутка, бросимъ! А скажите, зачѣмъ вы обтягиваете платьемъ ваши прелестныя формы? Для какихъ рандеву?

Тутъ онъ не выдерживалъ и билъ Маланью Ѳоминичну по щекѣ разъ-другой, она плакала и сквозь слезы бросала ему:

— Я тебя ненавижу, я тебя презираю! Ахъ, если бъ ты зналъ, какъ я тебя презираю! Мужикъ, мерзавецъ, хамъ! Синяки мнѣ надѣлалъ!

— Синяки! Тѣльце свое сохранить желаете?

Эти сцены завершились обычнымъ финаломъ. Поликарпъ Еремѣевичъ валялся у нея въ ногахъ, цѣловалъ платье, проклиная себя, умоляя простить и забыть...

## VIII.

Былъ ноябрь. Совсѣмъ голыя стояли деревья, и въ просвѣтахъ были видны ясныя выцвѣтшія дали. Внезапно хватившій морозъ превратилъ грязь Покуты въ какое-то застывшее каменистое море. Невозможно было ѣздить по этимъ глыбамъ и рогулькамъ.

Рано темнѣло, и рано зажигались лампы. На воздухѣ изо рта клубился паръ, и было пріятно войти въ теплую комнату съ шипящимъ самоваромъ. У сестеръ Агроновичъ топились по цѣлымъ днямъ печи. Нянька то и дѣло таскала дрова и температурой домикъ напоминалъ баню.

Пасьянсы Вѣры Иларіоновны стали еще безконечнѣй. Она выкуривала несмѣтное количество папиросъ, гадала о «холосенькомъ сѣлоглазенькомъ» и «когда вернется Лидка»? Лидія Петровна не возвращалась, и гдѣ она была, что съ ней, — ни слуху, ни духу.

— Закрутила кого-нибудь, — махнула рукой Надинъ.

По улицамъ толпами, горланя пьяныя пѣсни, бродили новобранцы въ кожухахъ и свиткахъ. Они шумно справляли свой мальчишникъ битьемъ еврейскихъ оконъ и легкимъ, больше изъ одного озорства, грабежомъ лавокъ.

Утромъ, подавая Макову самоваръ — Иванъ Алексѣевичъ былъ еще въ постели — Берманова упала и, обхвативъ стулъ, громко разрыдалась. Ея сына, который былъ у фотографщика, взяли въ солдаты. Другихъ евреевъ, здоровыхъ, сильныхъ, не взяли, а его, слабаго, маленькаго, взяли.

Горе Бермановой кольнуло Макова. Онъ пробовалъ утѣшить ее.

— Вы напрасно такъ убиваетесь... Ну, взяли... послужитъ. Теперь не то, теперь легче.

Берманова замотала головой.

— Ай, нѣтъ! Ай, нѣтъ! Ай, Янкель, несчастный Янкель, зачѣмъ онъ родился?

Янкель пріѣхалъ изъ города повидаться съ матерью, уже въ формѣ пѣхотнаго армейскаго полка. Худенькій, тщедушный, узкоплечій, онъ былъ смѣшонъ и жалокъ въ своей не по росту шинели. Большія тонкія прозрачныя уши казались еще больше на выстриженной головѣ.

— Вы посмотрите на него! Ну, какой онъ солдатъ? Ну, какой онъ вояка? — настойчиво спрашивала мать всѣхъ, кто приходилъ въ лавку и видѣлъ ея сына.

Дни уплывали. Выпавшій снѣгъ запорошилъ острое горе Бермановой. И хотя она также вздыхала, но вспоминала своего Янкеля рѣже. Тѣмъ бо-

лѣе, онъ писалъ ей, что живется ему не такъ ужъ сурово.

Однажды еврейка явилась къ Ивану Алексѣевичу съ порученіемъ отъ Маланьи Ѳоминичны.

— Безштанькова проситъ у васъ книжекъ читать. У нихъ нема никакихъ книжекъ.

Макову стало вдругъ хорошо, пріятно. Онъ заволновался.

— Я съ большимъ удовольствіемъ, только что дать? Вѣдь, я же не знаю, какой у нея вкусъ?

— Э, какой тамъ вкусъ у молодой женщины! Дайте ей про красивыхъ паненокъ, про кавалеровъ, разныхъ тамъ бароновъ, — тамъ какую-нибудь уворовали — чтобы былъ интересъ!

— Ну, такъ нельзя, надо спросить. Нельзя ли ее повидать? Я спрошу.

Иванъ Алексѣевичъ вспыхнулъ.

Берманова задумалась.

— Хе, идти пану туда не годится. Онъ такой, борони Богъ, какъ узнаетъ — пану можетъ выйти кепско!

— Ну, я не очень-то боюсь! Я никого не боюсь!

— Ну, конечно, панъ мужчизна. Панъ можетъ за себя стать. А ей вы думаете, будетъ солодко? Это такой хамула, такой дикій звѣрь. Знаете что? Берманова никогда плохо, криво не скажетъ. Приходите вы за четверть часа до моей лавочки.

Онъ видѣлъ, какъ Берманова прошла во флигель, видѣлъ, какъ она вышла съ женщиной въ темномъ бурнусѣ и темномъ платкѣ. Черная фигура рѣзкимъ траурнымъ пятномъ двигалась на фонѣ бѣлаго снѣга. Маковъ хотѣлъ быть точнымъ, но его терпѣнія хватило лишь на десять минутъ. Онъ торопливо накинулъ пальто, фуражку, и когда поднимался по ступенькамъ лавки съ твердымъ обледенѣлымъ снѣгомъ,

сердце его стучало. — Легко и свободно чувствовавшій себя съ петербургскими барышнями, онъ не зналъ, что скажетъ Маланьѣ Ѳоминичнѣ.

Берманова въ теплой ватной кофтѣ грѣла надъ горшкомъ съ тлѣющими угольями коричневыя руки. Маланья Ѳоминична стояла потупившись и не подняла на Макова своихъ тяжелыхъ, сообщавшихъ всему лицу какую-то тихую затаенную страстность вѣкъ. И только совсѣмъ близко, снявъ фуражку и пробормотавъ «здравствуйте», онъ увидѣлъ косо прорѣзанные китайскіе глаза, съ той чуть уловимой, какъ прозрачный жемчужный туманъ, поволокой, что бываетъ у высокихъ пышноволосыхъ блондинокъ.

Въ кругу Маланьи Ѳоминичны мужчины первые протягивали дамамъ руки. Маковъ не сдѣлалъ этого. Она не рѣшилась первая и знакомство состоялось безъ рукопожатія.

Берманова исчезла сквозь маленькую дверку въ своихъ внутреннихъ покояхъ и они остались вдвоемъ.

— Вы хотѣли книгъ? Я очень радъ быть полезнымъ — (голосъ его дрожалъ), но, право, не знаю, что предложить вамъ. Мой выборъ... что жъ у меня есть: Гоголь, Тургеневъ, Лермонтовъ, книжки «Недѣли», «Русская Мысль»...

— Я сама не знаю. У насъ нѣту книгъ. Кромѣ календаря и лѣчебника, ничего нѣту. Ахъ, дайте мнѣ, прошу васъ, что-нибудь красивенькое. Чтобъ была фантазія, герои. Чтобы не было похоже на жизнь. Вы извините, можетъ, я глупо говорю?

— Нѣтъ, вы отлично говорите. Я васъ понимаю. Вы Лермонтова не читали?

— Нѣтъ.

— Непремѣнно прочтите. Тамъ и красота, и возвышенныя страсти, и титаническіе герои. Тамъ вы

найдете другую жизнь, благородную, прекрасную, которая не имѣетъ ничего общаго... — Маковъ подумалъ: «кажется я очень книжно говорю», — и осѣкся.

Маланья Ѳоминична теребила пальцами широкіе бахромчатые рукава бурнуса. Въ глазахъ ея было и смущеніе и вмѣстѣ что-то манящее, отъ котораго у Макова кружилась голова.

— А вы не читали, Маланья Ѳоминична «Тараса Бульбу»?

Она вздохнула.

— Не читала, я очень мало читала.

— Я вамъ тоже дамъ. Это — Гоголя. Величайшій писатель.

«Опять книжно» — поймалъ себя Иванъ Алексѣевичъ.

— Вы уже тамъ сами выберете. Вы — такой умный. Я буду васъ слушаться.

— Такъ Берманова занесетъ вамъ. А то, можетъ быть, я, если позволите...

Маланья Ѳоминична испугалась.

— Борони Боже! Мнѣ такого будетъ, потомъ не выплачешься. Нехай уже Берманова.

— Онъ — ревнивъ, супругъ вашъ? Да, впрочемъ, какъ и не ревновать такую красавицу.

— Годи вамъ смѣяться! Ну и гдѣ жъ таки я красавица? Развѣ такія красавицы буваютъ?

— Ой, будетъ мнѣ отъ пана Безштанько! — появилась Берманова съ покровительственной улыбкой заговорщицы.

— Что съ вами, Маланья Ѳоминична? Чѣмъ вы недовольны? — озабоченно спохватился Маковъ.

— Не люблю я нашей фамиліи! Такая гадкая, такъ мнѣ стыдно черезъ нее...

## IX.

Для обезпеченія графскаго завода изъ города пріѣхало ближайшее начальство Макова — помощникъ надзирателя Христофоръ Ивановичъ Чернобантовъ. Большую часть времени Чернобантовъ проводилъ не на заводѣ, а у Зусьмана, играя тамъ въ карты съ драгунами и проѣзжимъ господиномъ въ фуражкѣ министерства финансовъ, бессарабскимъ помѣщикомъ Аристидомъ Николаевичемъ Никифораки. Помѣщикъ сдѣлалъ крюкъ, чтобъ заѣхать въ Славуту и купить у Сангушки арабскую лошадь.

Никифораки, — плотный и крѣпкій, носилъ, туго стянутый въ таліи, теплый и длинный, какъ пальто, сюртукъ. У него была крупная голова съ широкимъ костистымъ лбомъ и скуластое, заостренное книзу, лицо. Черные волосы, черная клиномъ бородка, густыя, пучками, брови, изъ которыхъ одна была разсѣчена шрамомъ.

Для удобства, игроки соединили, открывъ дверь, два смежныхъ номера. У стола съ изодраннымъ вылинявшимъ зеленымъ сукномъ сидѣли Чернобантовъ, Никифораки, Иванъ Алексѣевичъ поручикъ фонъ-Гогель и корнеты Ивановъ II-й и Друве. Въ сизомъ туманѣ табачнаго дыма слабо мерцали свѣчи. Рыжій веснущатый мишурисъ то и дѣло приносилъ на желѣзномъ подносѣ чай, куда игроки лили ромъ и коньякъ.

— Я пью не чай съ коньякомъ, а коньякъ съ чаемъ, — громкимъ, похрипывающимъ голосомъ говорилъ фонъ-Гогель, опухшій, съ воспаленными глазами и аккуратно подбритыми у висковъ котлетками. У ногъ, свернувшись калачикомъ, лежалъ Османъ.

Корнеты явились играть съ эскадронной прогулки.

На диванѣ валялись небрежно кинутыя шинели, шашки, ледунки.

Играли въ ландскнехтъ или, какъ называли его въ этомъ краѣ, — дзябелекъ. Въ натопленной комнатѣ было душно. Корнеты разстегнули тужурки. Фонъ-Гогель сидѣлъ въ рубахѣ, рейтузахъ и туфляхъ, за которыми бѣгалъ на квартиру денщикъ. Этотъ денщикъ, рябой татаринъ Кудашовъ, долженъ былъ дежурить неотлучно у дверей. Онъ не смѣлъ ни сѣсть, ни выйти въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Макова затащилъ Чернобантовъ.

Какъ вы не играете? Какой же вы акцизный! Вздоръ! Дзябелекъ — сущіе пустяки! Мы васъ, батенька, научимъ!

Эта наука обошлась Ивану Алексѣевичу не дешево. Онъ проигралъ всѣ свои деньги и занялъ еще сто рублей подъ вексель у Зусьмана.

— Пейте, батенька, пейте! — подливалъ ему ежеминутно Чернобантовъ. — Какой же вы акцизный чиновникъ? Не даромъ же говорятъ: пьетъ какъ акцизникъ.

Маковъ охмелѣлъ. Лицо горѣло. Блестѣли глаза. Видъ у него былъ наивный, смѣшной, какъ у всѣхъ непьющихъ людей. Онъ чрезмѣрно суетился и былъ со всѣми подчеркнуто вѣжливъ. Его петербургскій костюмъ, воротнички, галстукъ, манеры расположили къ себѣ кавалеристовъ, смотрѣвшихъ сверху внизъ на партикулярную молодежь захолустнаго мѣстечка.

Толстый Чернобантовъ, съ прямыми, жирными волосами и болѣзненнымъ обрюзгшимъ лицомъ, покровительствовалъ Макову.

— Пріѣзжайте, батенька, въ городъ! Какимъ я васъ малороссійскимъ борщомъ угощу — пальчики оближите! — онъ чмокалъ концы собственныхъ паль-

цевъ, а его влажные безцвѣтные глаза смотрѣли уныло.

Никифораки игралъ серьезно, дѣловито; когда онъ металъ банкъ, что-то спокойное, безстрастное было въ его крупныхъ бѣлыхъ рукахъ съ чугуннымъ кольцомъ на мизинцѣ. Все у него было прочное, солидное: и сюртукъ, и запонки, и портсигаръ. Ему везло. Фонъ-Гогель проигрывалъ вторую тысячу недавно полученнаго маленькаго наслѣдства. Поручикъ горячился, чертыхался и съ ненавистью смотрѣлъ въ смуглое восточное лицо Никифораки съ разсѣченной бровью. Фонъ-Гогель срывалъ свою злость на Османѣ, котораго билъ ногой, и на Кудашовѣ, котораго называлъ мерзавцемъ, дуракомъ и скотиной, если тотъ къ погасшей въ зубахъ поручика папиросѣ неловко подносилъ зажженную спичку.

У Чернобантова затекли ноги. Ему была очередь метать; онъ сказалъ «мимо», передалъ карты Иванову II-му и вышелъ въ холодный коридоръ съ терявшейся надъ головою въ потемкахъ крышей. Чернобантовъ тихо пошелъ въ конюшню на свѣтъ большого фонаря, подъ которымъ сидѣли на разостланныхъ попонахъ кучера. Они тоже играли въ карты, но не на деньги. Побѣдитель пользовался правомъ щипать всѣхъ остальныхъ за носъ. Только Василь, чернобантовскій кучеръ, молодой хлопецъ съ косыми шельмовскими глазами, не рисковалъ ничѣмъ. Его крохотный вздернутый носъ, при всемъ желаніи выигрывавшаго ущипнуть, — ускользалъ изъ-подъ пальцевъ. И приходила очередь до Василя, — вся компанія заливалась хохотомъ, не исключая мрачнаго и важнаго кучера въ широкихъ штанахъ съ цвѣтными лампасами.

Незамѣченный Христофоръ Ивановичъ подошелъ ближе. Игра затихла. Всѣ со вниманіемъ слушали

Василя, видимо разсказывавшаго что-то весьма интересное.

Къ Чернобантову долетало:

— Ото люди кажуть, немае видьмъ. Брехня, — видьмы завше булы и будуть. Отъ у нашему сели иде соби разъ въ ночи сира кобылка. Коваль взявъ и подковавъ іи на уси чотыре. Ажъ встае винъ, вранци, лышенько, нехай воно скрутится! Ковалева жинка лыжить била-била и руки та ноги тряпкамы пообмотаны. Поскидавъ коваль тряпки, ажъ бачить его жинка подкована на руки и на ноги.

— Брехня! — коротко отозвался угрюмый кучеръ въ лампасахъ.

— Добра брехня, колы я самъ бачывъ, ей-Богу, бачывъ! Отъ щобъ я на карячкахъ повзалъ! — и Василь ударилъ себя кулакомъ въ грудь и перекрестился.

Улыбаясь, Чернобантовъ думалъ «по Шекспиру»:

— Да другъ Горацiо!..

Помощникъ надзирателя вѣрилъ въ чудесное — онъ занимался спиритизмомъ.

Группа кучеровъ живописно освѣщалась красноватымъ свѣтомъ фонаря. Вся конюшня была во мракѣ, который казался живымъ и дрожалъ, колебался вмѣстѣ съ исполинскими тѣнями пофыркивающихъ и жующихъ овесъ лошадей.

— Ну, Васыль, разсказывай ще! — попросилъ мордастый, съ серьгой въ ухѣ, кучеръ судебнаго слѣдователя Таранова.

— Що я буду разсказуваты, колы вы не вирыте! — ломался избалованный Василь.

— Хиба разсказать вамъ про хвармазоньскый рубель? Я тоди служилъ за фурмана у батюшки. Иду я соби верхи на коняхъ черезъ поле. Ажъ взявся виткилясь витеръ-завируха. Дывлюсь, щось кру-

тыться. Бачу — рубель. Я его накрывъ шапкой, та въ кишеню. Отъ я бувъ соби тоди паномъ на усю губу. Кинувъ до биса мого батю и живъ якъ магнатъ. Розмѣняешь рубель, а черезъ хвилю винъ зновъ у кишени.

— Дежъ винъ?

Василь почесалъ затылокъ и свистнулъ.

— Шукай витра въ поли! Нема бо дурный бувъ! Треба було зоставляти чи дви, чи три копійки. Я такъ завше и робывъ. Ну, разъ съ дывчатыми закрутывься, розмѣнявъ та ничого и не зоставивъ. Такъ винъ и сгинувъ.

— Шкода!

— А вже-жъ шкода!

«Талантливая шельма» — думалъ, возвращаясь въ номеръ, Христофоръ Ивановичъ. — «Изъ него могъ бы выйти разсказчикъ, писатель... Фатумъ».

Появился новый человѣкъ — судебный слѣдователь Тарановъ. Молодой, чистенькій, выбритый, низко остриженный, съ иголочки одѣтый. Онъ еще не уходился, считалъ себя необычайнымъ прозорливцемъ, физіономистомъ и психологомъ. Подъ самой благонадежной внѣшностью ему часто мерещился преступникъ. Никифораки съ первой же встрѣчи внушилъ Таранову подозрѣніе. Воспользовавшись перерывомъ, судебный слѣдователь увелъ фонъ-Гогеля въ другую комнату и, держа его за пуговицу сорочки, тоненькимъ, но авторитетнымъ голосомъ началъ излагать свою теорію.

— Вы знаете, я принципіальный и безпощадный врагъ Ломброзо. Ассемитричность лица, выдавшіяся скулы, форма черепа — все это вздоръ! Даже, — онъ поднялъ палецъ, — даже Толстой допустилъ, по моему, громадную ошибку. Вы читали «Воскресеніе»? Не читали, нѣтъ? Все равно. Тамъ есть Катюша Маслова,

дѣвица изъ института безъ древнихъ языковъ. Такъ вотъ у этой Катюши все время коситъ одинъ глазъ, т. е. не все время, а всегда. Понимаете, по рецепту Ломброзо! Зачѣмъ, спрашивается? Зачѣмъ, когда мы видимъ сплошь да рядомъ такія милыя и правильныя личики... и еще Лермонтовъ сказалъ:

„Какъ ангелъ, небесный прекрасна,
Какъ демонъ коварна и зла“.

— Хотите коньяку? — уставилъ на него тупой пьяный взглядъ фонъ-Гогель.

— Благодарствуйте, не хочется. Одну минуточку, минуту вниманія. Такъ вотъ. Моя теорія такова: подъ внѣшностью Пульхеріи Ивановны (Гоголь, «Старосвѣтскіе помѣщики») — можетъ скрываться отравительница и дѣтоубійца, да, да какъ это не странно... Минутку вниманія. Перехожу отъ общаго къ частному. Скажите, пожалуйста, кто этотъ папуасъ? Черномазый съ разсѣченнымъ лбомъ? Никифораки? Но я... мы его не знаемъ. Онъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ назваться Алфераки, Цукураки, Родоконаки. Откуда, кто онъ? Что за человѣкъ? Бессарабскій помѣщикъ? Онъ у меня на большомъ подозрѣніи.

— Онъ обыгралъ меня! —оживился поручикъ.

— Видите! Обыгралъ! Это разъ. Шрамъ — два! пари держу, что онъ получилъ его не въ честномъ бою, а за картами. Добрый ударъ добраго тяжелаго подсвѣчника. Чуетъ сердце, посажу я этого папуаса въ тюрьму. Какъ пить дать — посажу! Темная личность. Надо слѣдить за нимъ. Османъ не ворчалъ на него?

— Нѣтъ.

— Удивительно! Собаки — народъ чуткій. Ну, да мы еще увидимъ.

Слѣдователь отпустилъ пуговицу сорочки. Онъ радостно улыбался, потирая руки. Онъ предвкушалъ удовольствіе посадить въ тюрьму «этого папуаса»...

## X.

— Черный лось, часъ насталъ!

Маковъ поднялъ глаза, увидѣлъ громадный носъ и всклокоченную, запорошенную инеемъ, бороду. Въ солдатской шинели и съ шашкой черезъ плечо передъ нимъ стоялъ Ромуальдъ Лащъ.

— Черный лось, часъ насталъ!

— Какой лось? гдѣ? что? — недоумѣвалъ Иванъ Алексѣевичъ.

Нетрезвый и проигравшійся, онъ былъ страшно далекъ сейчасъ и отъ Лаща, и отъ всего соприкасавшагося съ нимъ. Пограничный стражникъ показался ему вынырнувшимъ изъ-подъ земли.

Лащъ укоризненно покачалъ головой.

— Ай да пане контролеже! Не пью, не пью, а самъ... — онъ увидѣлъ Чернобантова: — вашему спиритическому превосходительству мое почтеніе!

— Вы какъ сюда попали, башибузукъ? — добродушно спросилъ Христофоръ Ивановичъ, нисколько не обижаясь на фамильярный тонъ объѣздчика.

— По дѣламъ службы, Христофоръ Ивановичъ! По дѣламъ службы!

Въ затуманенной головѣ Макова стало проясняться. Онъ понялъ, зачѣмъ пришелъ Ромуальдъ Викентьевичъ.

Развязное поведеніе солдатской шинели безъ погонъ не понравилось кавалеристамъ. Корнеты переглядывались, что-то бормотали и выжидающе посматривали на поручика. Судебный слѣдователь ирони-

чески улыбался. Никифораки былъ спокоенъ, серьезенъ и ясенъ.

Фонъ-Гогель понялъ, что, если онъ не оборветъ Лаща и не поставитъ его на свое мѣсто, онъ уронитъ себя въ глазахъ корнетовъ. И, выпучивъ свирѣпо глаза, выпрямившись, онъ гаркнулъ, именно гаркнулъ:

— Нижній чинъ, руки по швамъ!

Лащъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Покраснѣлъ, борода его затряслась.

Эффектъ не вышелъ. Отступать фонъ-Гогелю было поздно. Онъ привсталъ и оглушительно крикнулъ:

— Эй ты, борода!

Головы испуганныхъ мишурисовъ шарахнулись прочь отъ двери.

Объѣздчикъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ, подъ которымъ клокотала буря, отчеканилъ медленно и рѣзко:

— Я тебѣ не борода и не нижній чинъ, а потомственный дворянинъ Ромуальдъ Лащъ и если ты скажешь мнѣ еще хоть слово, я вышибу твоей пьяной и глупой башкой дверь. Понялъ?

Фонъ-Гогель заметался.

— Нижній чинъ! Связать! Кудашовъ, шашку! Шашку мнѣ!

Онъ уже вытаскивалъ изъ кармана рейтузъ револьверъ, но къ нему бросились и схватили за руки Чернобантовъ и слѣдователь.

— Что вы? Успокойтесь, Викторъ Эдуардовичъ!

Въ Лащѣ проснулся звѣрь. Лицо покривилось, глазки блестѣли, на лбу вздулась жила, пальцы скрючились.

— Гаа!.. Пустите его! Трусъ! Онъ храбръ съ беззащитными жидами. Пустите! Нехай! Нехай защищаетъ честь мундира! Пачкаетъ мундиръ, портному не

платитъ. Гаа!.. Пополамъ разрублю, шесть пуль всажу, посолю и выкину собакамъ!..

Блѣдный и трезвый — весь изъ него хмель выскочилъ — Маковъ вцѣпился въ шинель Лаща.

— Голубчикъ, Ромуальдъ Викентьевичъ, ради Бога, уходите, уйдемъ! Помните, вы сказали «Черный лось». Что, открыли? Пойдемъ, бросьте! Такой ужасъ! — и онъ увелъ объѣздчика въ другую комнату.

А фонъ-Гогель продолжалъ бѣсноваться.

— Запорю! Нагайками запорю! Взводъ сюда! Оцѣпить домъ!

— Мы еще сведемъ счеты, о, сведемъ! — рычалъ Ромуальдъ Викентьевичъ лепечущему что-то успокаивающее Макову. — Ну, все это къ черту! Потомъ! Дѣло прежде всего! Позовите сюда Чернобантова!

— Батенька, что вы надѣлали? Что вы надѣлали? — разводилъ руками Христофоръ Ивановичъ.

— Батенька, батенька! А чего онъ ко мнѣ лѣзъ? Кто кого трогалъ? Кто?

— Я жъ ничего не говорю, — присмирѣлъ Чернобантовъ. — Не люблю я такихъ страшныхъ исторій. Люблю по хорошему. Поговорили крупно и довольно. А то револьверы, шашки...

— Будетъ вамъ, Христофоръ Ивановичъ, сентименты разводить, а то еще, чего добраго, заплачете. Вонъ вы тамъ за зеленымъ полемъ развлекаетесь. Хотите сильныхъ ощущеній, настоящихъ?

— А что? Дѣвицы? — оживился Чернобантовъ.

— Нѣтъ, — молодые люди.

— Молодые люди?

— Ну да. Сильные, плечистые, у каждаго по игрушкѣ — бучокъ съ оловянной балабухой.

— Это что же? Контрабандисты?

— Вы угадали. Будутъ сегодня спиртъ везти черезъ границу. Хотите на облаву?

— Нѣтъ, благодарю покорно. Еще убьютъ.

— Все можетъ быть. Вотъ мы съ Иваномъ Алексѣевичемъ ѣдемъ.

— И съ Богомъ! Благословляю. А я останусь. Здѣсь спокойнѣе. Хотя, знаете, не совѣтую и вамъ. У меня предчувствіе.

— Э, какое тамъ предчувствіе! Бувайте здоровеньки! Можетъ, и не увидимся? Вашу ручку! Ну, старый охотникъ за черепами, время бѣжитъ, поѣхали! — и Лащъ взялъ Макова подъ руку. — Да, Христофоръ Ивановичъ, можно забрать вашихъ лошадей и Васыля? Верстъ пять придется ѣхать. Ночуете здѣсь? Когда картежъ, васъ дымомъ не выкуришь.

— Берите, батеньки, и Васыля, и сани, и коней, только меня оставьте. Отпустите душу на покаяніе.

Лащъ и Маковъ вышли другими дверями. Уже въ коридорѣ объѣздчикъ что-то вспомнилъ и шепнулъ Макову:

— Вертайтесь живенько и вызовите по секрету Чернобантова. Пусть этотъ спиритъ не блягускаетъ про нашу экспедицію, потому, стоитъ услышать какому-нибудь мишурису — ферфаленъ ди клячкесъ митъ ди ганценъ постройкесъ. Все разлетится! У этихъ чертей такой безпроволочный телеграфъ, что ой-вай!

Василь разсказывалъ своимъ слушателямъ, какъ онъ бродилъ по кіевскимъ пещерамъ.

— Ото я, знаете, хлопцы, взявъ хлиба, фляжку горилки, тай и пошовъ соби — геть-геть пишовъ! Иду день, иду два, иду три, ажъ на четвертый пришовъ до Почаева, да все пещерами пидъ водою да пидъ землею...

Лащъ прервалъ его:

— Годы, Васыль! Вотъ разбрехался. А вы развѣсили уши. Одурѣли, что ли? Онъ вамъ еще не такого разскажетъ.

— Та, ей-Богу, пане Лащъ, правда! Отъ щобъ я разсыпався, якъ брешу!

Василь смѣялся шельмовскими глазами и видно было, что онъ издѣвается надъ слушателями.

— Ну, ну будетъ блягускать. Запрягай коней да живо!

Черезъ нѣсколько минутъ путники ѣхали въ широкихъ чернобантовскихъ саняхъ по тихому уснувшему мѣстечку. Погасли огни. Ослѣпли закрытыя ставнями окна. Снѣжные сугробы на улицѣ и на крышахъ сообщали впечатлѣніе какого-то глубокаго неподвижнаго спокойствія.

Сиротливо, одиноко, позванивалъ у дышла колокольчикъ.

— Это еще что? — встрепенулся Лащъ. — Сейчасъ же къ чортовой матери эту балаболку!

Василь подвязалъ колокольчикъ и уже съ козелъ обернулся къ Лащу:

— Хиба я не знаю, куды мы идемъ?

— А ты помалкивай. Кшш! Вамъ не холодно, Иванъ Алексѣевичъ, въ пальто?

— Нѣтъ, ничего.

— То-то. Шубу не совѣтую. Въ шубѣ ни черта не сдѣлаешь.

— Тутъ роkивъ чотыре одному акцызныку кишки выпустилы. Положилы на землю, а сами возомъ по немъ издять та издять, издять та издять! Кишекъ мало что на пивъ-версты вымоталы.

Отъ Лаща не укрылось, какъ вздрогнулъ Маковъ.

— Васыль, заткни клепало! Вотъ вральманъ! Ничего подобнаго не было. Добрый же твой панъ! Я бъ тебя лупилъ, какъ сидорову козу.

Хлопецъ весело заржалъ.

Остановились у дома, въ которомъ жилъ Маковъ. Онъ забѣжалъ взять револьверъ и шашку. Уже съ крыльца онъ спросилъ:

— Ромуальдъ Викентьевичъ, можетъ, и ружье захватить?

— А пушки нѣту? Вы съ ума сошли! Понацѣпляете всякой сбруи на себя — ни рукой, ни ногой, ни папы, ни мамы. И шашки не нужно. Сломаете, а пользы ни на грошъ! Ну, живо! Одна нога здѣсь, другая тамъ!

Нащупывая у кровати револьверъ, Иванъ Алексѣевичъ по привычкѣ бросилъ взглядъ въ замерзшее окно. Во флигелѣ мерцалъ огонь. Не отдавая себѣ яснаго отчета, Маковъ стремительно выбѣжалъ черезъ кухню, пересѣкъ дворъ и остановился у освѣщеннаго окна.

Маланья Ѳоминична сидѣла съ шитьемъ на колѣняхъ. На столѣ — развернутая книга. Молодая женщина задумчиво смотрѣла куда-то въ уголъ. Онъ видѣлъ ее близко, видѣлъ румяное лицо, китайскіе глаза и бѣлую шею, видѣлъ зрачки, въ которыхъ зажигался отблескъ красноватаго свѣта кухонной лампочки. «О чемъ она думаетъ? Она и не подозрѣваетъ».

Маковъ робко постучалъ въ окно.

Маланья Ѳоминична вздрогнула, отпрянула и безъ колебанія прильнула къ холодному стеклу, пытаясь разсмотрѣть сощуренными глазами. Она узнала Макова и съ недовольнымъ лицомъ погрозила ему пальцемъ. Онъ видѣлъ — отдѣлилась отъ окна ея фигура, скрипнула дверь и Маланья Ѳоминична вышла.

— Какой вы, ей-Богу! Я же васъ просила! И такъ мнѣ вчерась попало!

— Я ничего, я на минуточку. Я только хочу вамъ сказать: я уѣзжаю ловить контрабанду. Меня убьютъ, то-есть не навѣрное, а могутъ убить...

— Та бросьте вы глупости! Выдумали — ловить! Не надо. Сидите себѣ дома умничкомъ. Голосъ ея звучалъ тревогой и лаской.

— Не могу: долгъ службы. До свиданья. Можетъ быть, прощайте. Если убьютъ, не поминайте лихомъ.

Онъ вспрыгнулъ на крыльцо, порывисто обнялъ и крѣпко поцѣловалъ прямо въ губы, обнявъ Маланью Ѳоминичну теплую, еще не успѣвшую остыть подъ холоднымъ дыханіемъ зимней ночи...

— Долго шлендраете! Долго! — укоризненно встрѣтилъ Макова нетерпѣливый Лащъ.

— Извините, Ромуальдъ Викентьевичъ, но я искалъ револьверъ...

Лащъ крякнулъ.

— Вѣрно, вы его искали не тамъ, гдѣ надо.

«Догадывается, подозрѣваетъ» — встревожился Маковъ.

Дорогой онъ думалъ о Маланьѣ Ѳоминичнѣ и рисовалъ героическія картины: кровопролитная стычка не на животъ, а на смерть. Онъ дрался какъ левъ. Онъ выпустилъ всѣ шесть зарядовъ. Двухъ контрабандистовъ положилъ на мѣстѣ, остальныхъ ранилъ. Но и самъ онъ раненъ. Его привозятъ домой, кладутъ въ постель, за нимъ ухаживаетъ Маланья Ѳоминична. Она гордится имъ — онъ такой храбрый, мужественный. Генеральша Агроновичъ заинтересовалась имъ...

— Васыль, стопъ! Тутъ насъ будешь ждать.

— Лышенько! Дайте-жъ мини хоть шаблю!

— Дурень, тебя никто не тронетъ! Фигу съ макомъ! Самому нужна шабля. Иванъ Алексѣевичъ, гайда! Пошли!

Пропадала во мракѣ снѣжная равнина. Кой-гдѣ скорѣе угадывались, чѣмъ намѣчались черныя пятна перелѣсковъ.

Лишь только онъ пріѣхалъ въ Покуту, Маковъ изъ любопытства ходилъ гулять на границу; разочарованіе было полное. Историческіе романы и учебники внушили ему представленіе о какой-то особенной легендарной границѣ съ каменными стѣнами, рвами, башнями. На самомъ же дѣлѣ — ни намека на что-нибудь подобное. Мѣстами жалкій ручей раздѣляетъ между собой двѣ великихъ державы. А то простая межа, какъ на мужицкихъ поляхъ.

Брели медленно по колѣно въ снѣгу. Сани съ лошадьми и Василемъ скоро обратились въ безформенное сливающееся пятнышко. А впереди — яснѣй обозначался и ширился лѣсокъ.

Лащъ шелъ легко и свободно, точно скользилъ. Маковъ съ непривычки усталъ, запыхался, и, несмотря на морозъ, ему было жарко.

— Ромуальдъ Викентьевичъ, а если на наши выстрѣлы подоспѣетъ пограничная стража, она можетъ вырвать изъ нашихъ рукъ побѣду?

— Ѣдятъ его мухи съ комарами, какъ онъ выражается. «Вырвать побѣду». Хоть сейчасъ въ хрестоматію. Нѣтъ, пане контролеже, пограничная стража недаромъ «безграничная кража» называется. У нихъ съ контрабандистами свои гешефты и воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Я у нихъ бѣльмо. Эта самая «безграничная кража» готова съѣсть меня. Мѣшаю. Только подавятся! Ахъ, въ какой бы они канальскій восторгъ пришли, если бъ меня утюкали... Мы станемъ на опушкѣ за первыми деревьями и будемъ ждать... Слушайте, Иванъ Алексѣевичъ, еще не поздно. Дѣло, повторяю, не шуточное. Кровью пахнетъ. Вы человѣкъ молодой. Вертайтесь-ка лучше

назадъ и ждите меня въ санкахъ. Васыль вамъ тамъ набрешетъ чего-нибудь. А?

— Ромуальдъ Викентьичъ, Бога ради! Вы меня обижаете, оскорбляете! — въ голосѣ Макова звенѣли слезы. — За что же вы меня такъ? Трусъ я, что ли? Да развѣ я васъ оставлю? Я васъ такъ люблю!

— Ну, будетъ, будетъ! Я пошутилъ. Не годится плакать на холодѣ. Слезы мерзнутъ. Я, вѣдь, почему? Чортъ его знаетъ, можетъ быть, между ними будетъ Нухимъ Каркеръ. Помните разсказъ? Головорѣзъ. Трехъ объѣздчиковъ ad patres отправилъ.

Учитель и ученикъ стояли подъ широкой раскидистой сосной. Нависали и гнулись внизъ отягощенныя снѣгомъ вѣтви. Дальше, въ глубь чащи, была непроглядная темень, да и снѣжная поляна быстро терялась во мракѣ. Чернѣющей мутью заволакивалась даль.

Маковъ чиркнулъ спичку, но тотчасъ же подъ окрикомъ Лаща кинулъ ее въ снѣгъ и даже затопталъ.

— Курить! Да я не знаю, что съ вами сдѣлаю! Вы знаете, какіе у этихъ контрабандистовъ волчьи глаза? Лучше походите, а то ноги одеревенѣютъ. Тогда какая отъ васъ подмога?

Лащъ усмѣхнулся и видно было, врядъ ли онъ разсчитывалъ на помощь Макова, — скорѣй помѣха, чѣмъ помощь.

Прошелъ часъ, долгій, выросшій въ безконечность. Иванъ Алексѣевичъ началъ скучать. А что, если доносъ оказался ложнымъ и никакой контрабанды не будетъ? Коченѣли руки. Онъ приплясывалъ въ выбитой ногами снѣжной ямкѣ и не безъ досады посматривалъ на учителя.

Вдругъ Лащъ схватилъ его за локоть.

— Ѣдутъ, видите?

Маковъ напрягалъ зрѣніе, ничего не видѣлъ, но отвѣтилъ:

— Вижу, конечно, вижу...

Только черезъ нѣсколько минутъ едва различилъ онъ смутную, казавшуюся неподвижной, точку.

— Когда они поравняются съ нами, даже нѣтъ, когда шаговъ за сто они будутъ, мы выйдемъ. Стрѣлять не смѣйте, пока не скажу. Слышите?

Но Маковъ не слышалъ. Онъ уже волновался. Его трясло лихорадочной внутренней дрожью. Стучали зубы. Сознаніе чего-то надвигающагося, важнаго и страшнаго, захлестнуло его. Онъ, который закрывалъ глаза и зажималъ уши, если при немъ рѣзали курицу, онъ будетъ сейчасъ стрѣлять въ людей за то, что они везутъ безпатентный спиртъ. Какое, въ сущности, ему дѣло до этихъ людей и до безпатентнаго спирта? Какъ это все нелѣпо!.. Вдругъ его самого убьютъ... Кому нужна его смерть?.. Онъ, такой молодой, добрый и любитъ всѣхъ людей и даже этихъ, которые везутъ спиртъ.

Точка выросла въ запряженныя одной лошадью, нагруженныя санки, рядомъ съ которыми двигались четыре фигуры. Маковъ порывисто дышалъ, стараясь не дышать совсѣмъ, изъ боязни быть преждевременно открытымъ.

— Ну, — перекрестился Лащъ и тихо осторожно двинулся впередъ.

Внутри Макова что-то сразу упало; сдѣлалось холодно и пусто, пусто... Въ немъ совершалась какая-то стремительная борьба и мозгъ работалъ съ такой стихійной энергіей, какъ если бъ Маковъ тонулъ. Ноги, отяжелѣвшія словно въ нихъ свинцу налили, отказывались идти. И весь онъ былъ разслабленный, покорный какому-то животному зову. Въ то же время онъ ясно говорилъ себѣ, приказывалъ идти рядомъ

съ Лащемъ, сознавая всю позорность своего малодушія. А Лащъ уже идетъ, не оглядывается и въ этомъ, что Лащъ не оглядывается — весь ужасъ, котораго не покроешь ничѣмъ. Маковъ напрягъ всю волю, сдѣлать сверхъестественное усиліе и, сжимая опущенный револьверъ, побѣжалъ рысцой за Лащемъ и нагналъ его.

— Стой, ни съ мѣста! — оглушительно крикнулъ Лащъ.

Въ этотъ же моментъ Иванъ Алексѣевичъ, какъ-то со слѣпу, глупо выстрѣлилъ въ снѣгъ.

Лошадь фыркнула, попятилась. Четыре человѣка, двое съ бучками, отдѣлились отъ санокъ и пошли прямо на Лаща.

— Перестрѣляю. Ни съ мѣста!

Они остановились. Это были рослые молодцы въ короткихъ кожухахъ и мохнатыхъ шапкахъ.

— А, бородатый чортъ, попался! О, теперь ты не втечешь! — крикнулъ самый высокій, вооруженный бучкомъ.

— Ты такъ думаешь, Нухимъ Каркеръ, а я думаю, что я отправлю тебя къ твоему брату къ чорту въ гости! Оба вы сукины дѣти!

— Бей его! — взвизгнулъ самый высокій, и контрабандисты бросились на Леща.

Онъ успѣлъ выстрѣлить два раза. Нухимъ Каркеръ, взмахнувъ руками, упалъ грузно ничкомъ. Трое почти уже было схватили Лаща, но бѣшеннымъ прыжкомъ онъ отскочилъ назадъ, свалилъ съ ногъ остолбенѣвшаго Макова, самъ чуть не упалъ, съ проклятіемъ выхватилъ саблю и отражалъ ею удары длиннаго бучка. Со свистомъ описывала, разсѣкая

воздухъ, въ опытной рукѣ, бывавшая въ кровавыхъ передѣлкахъ, кривая сабля. Лащъ успѣлъ разрубить чье-то лицо, но получилъ сильный ударъ тяжелымъ бучкомъ въ голову и повалился на снѣгъ. Контрабандистъ съ окровавленнымъ лицомъ, рыча отъ боли, кинулся къ Лащу и нѣсколько разъ ударилъ его ножомъ...

Шагахъ въ двухстахъ показался всадникъ, солдатъ пограничной стражи, но повернулъ коня и уѣхалъ.

— Живъ ли я? — мелькнуло у распростертаго Макова. — Неужели меня убьютъ? Меня, котораго всѣ такъ любятъ?..

Контрабандисты склонились надъ Каркеромъ, перевернули его. Лащъ застрѣлилъ богатыря такъ близко, что кожухъ былъ опаленъ порохомъ.

Колокольчикъ!.. Все ближе и ближе... Къ мѣсту свалки съ крикомъ и гиканьемъ кто-то мчался по сугробамъ. Контрабандисты, не успѣвъ подобрать товарища, кинулись на утекъ!

Василь нахлестывалъ коней и кричалъ вдогонку:

— Лови, держи! Злодіи! Шибеники! Стрѣляй изъ ружа! Пафъ! Пафъ! Убью!..

Къ Василю долетали выстрѣлы. Они испугали его. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ, покинутымъ на произволъ судьбы. Василь предпочелъ ѣхать туда, «де воны бьются». Если контрабандистовъ много и верхъ на ихъ сторонѣ, онъ удеретъ на добрыхъ панскихъ коняхъ — только его и видѣли!

Василь бродилъ по полю брани съ кнутомъ и, нагибаясь, со страхомъ заглядывалъ въ лица убитыхъ.

— Ой, лышенько жъ мое, панъ Лащъ! Голова проломлена, кровь и тутъ и тутъ. До биса крови!

Лежавшій рядомъ Маковъ нерѣшительно приподнялся.

— Э, панычъ ще живый! — обрадовался Василь.

— Да, я, кажется, живъ, — какимъ-то разслабленнымъ голосомъ отвѣтилъ Маковъ.

— А куды жъ васъ вдарыло, панычу?

Макову было стыдно сознаться, что его «никуда не вдарыло».

— Все тѣло ноетъ. Меня, кажется, топтали ногами, били. А что съ Ромуальдомъ Викентьевичемъ?

— Поглядыть що. Кровью тиче.

Маковъ подползъ къ Лащу, выпачкалъ въ его липкой крови руки, застоналъ и потерялъ сознаніе.

— Отъ тоби и маешь!

Раздумывалъ Василь недолго. Уложилъ въ сани Лаща и Макова, привязалъ шнуромъ къ задку покинутую лошадь, которую догналъ невдалекѣ и, везя на буксирѣ контрабандный спиртъ, шагомъ двинулся въ мѣстечко.

## XI.

Таяла блѣдная ночь, двигался разсвѣтъ. Трубы хатъ предмѣстья уже курились дымомъ и въ оконцахъ тускло мерцали огни.

Маковъ приходилъ въ себя, очнулся. Онъ увидѣлъ блѣдное, неподвижное лицо Лаща и ему показалось, что Ромуальдъ Викентьевичъ мертвъ. Кровь густо запеклась на слипшихся прядяхъ лохматыхъ

волосъ. На ухабахъ голова подпрыгивала, какъ у трупа. Поверхъ шинели мотались пустыя ножны. Шашку Василь спряталъ въ сѣно саней.

Когда сознаніе Макова прояснилось окончательно и онъ возстановилъ въ памяти все случившееся, онъ почувствовалъ къ себѣ презрѣніе. Иванъ Алексѣевичъ занялся самобичеваніемъ.

— Трусишка жалкій, ничтожный трусишка! Это моя вина, что онъ лежалъ здѣсь израненный, умирающій. Дѣйствуй мы дружно, этого не было бы. А я растерялся. Герой, нечего сказать! Столбнякъ нашелъ!.. Трусъ!

И Маковъ сталъ горячо, беззвучно молиться, чтобъ Лащъ выздоровѣлъ, выжилъ, обѣщая за это какія угодно жертвы.

Чѣмъ ближе къ заѣздному дому Зусьмана, тѣмъ острѣе ощущалъ онъ свою постыдность своего малодушнаго поведенія. Какими глазами онъ будетъ смотрѣть на людей?

Что же касается Василя, тотъ сознавалъ себя тріумфаторомъ. Мысленно чернобантовскій кучеръ уже репетировалъ, какихъ три короба навретъ онъ другимъ кучерамъ о своихъ подвигахъ.

У воротъ заѣзднаго дома глухо гудѣла толпа. Что-то жуткое, тревожное было въ этихъ шевелящихся темныхъ фигурахъ у чернаго аркообразнаго зѣва раскрытыхъ воротъ. Онѣ жестикулировали, гудѣли на тускломъ мертвенномъ фонѣ угасающей ночи и упругаго синеватаго снѣга.

— Ужъ не меня ль встрѣчаютъ? — подумалъ Василь.

Съ трудомъ онъ въѣхалъ во дворъ. Толпа неохотно давала дорогу. Двери номера, гдѣ Маковъ по-

кинулъ играющихъ, распахнуты настежь, но у порога стоялъ урядникъ Бороздичъ. Видъ у него былъ офиціальный, суровый, внушительный. Глядя на него, нельзя было подумать, что онъ беретъ гривенниками и злотами.

— Разступитесь! Невозможно! Никакъ невозможно! — осаживалъ урядникъ любопытныхъ евреевъ.

— Пане Бороздичъ, кого это убили?

— Тебя убили! Проваливай! Проваливай!

Маковъ почуялъ что-то неладное, сердце его сжалось. Бороздичъ пропустилъ акцизнаго чиновника безпрепятственно. Сначала Маковъ не могъ ничего разобрать въ этомъ хаосѣ, необычномъ, зловѣщемъ. Карточный столъ, испещренный записями, опрокинутъ. На полу изломанныя свѣчи, щеточки, карты, подсвѣчники, осколки блюдечекъ и стакановъ. Пахло табачнымъ дымомъ, застоявшимся, кислымъ.

На порогѣ въ слѣдующую комнату стоялъ Чернобантовъ, какой-то обмякшій, безпомощный. Онъ закрылъ лицо руками и сквозь пухлые красноватые пальцы текли слезы. Блѣдный Тарановъ шагалъ изъ угла въ уголъ, нервно кусая губы. Маковъ нечаянно раздавилъ ногою позабытую и очутившуюся на полу ледунку одного изъ корнетовъ. Онъ дернулъ Чернобантова за рукавъ.

— Христофоръ Ивановичъ, что здѣсь у васъ? привезъ Лаща. Его ранили.

— Кого ранили? О, Господи! Часъ-отъ-часу нелегче! Гдѣ онъ? Ведите, покажите. А у насъ-то несчастье!

Съ заплаканнаго лица помощника надзирателя Иванъ Алексѣевичъ перевелъ глаза на кровать и только сейчасъ увидѣлъ большого, одѣтаго въ чер-

ное, человѣка съ залитымъ кровью лицомъ и простѣленной головой. Онъ лежалъ навзничь. Маковъ съ трудомъ узналъ въ немъ корректнаго, солиднаго Никифораки. На стулѣ около трупа сидѣлъ хмурый, невыспавшійся приставъ Зозулевичъ.

Чернобантовъ и контролеръ прошли въ конюшню къ Лащу. Оба плакали. Дорогой Чернобантовъ безсвязно разсказалъ, что бессарабскаго помѣщика застрѣлилъ фонъ-Гогель. Поручикъ проигралъ всѣ деньги, озлился и назвалъ Никифораки шулеромъ. Тотъ швырнулъ ему въ лицо колоду картъ. Поручикъ выхватилъ револьверъ — никто не успѣлъ помѣшать ему — и застрѣлилъ Аристида Петровича наповалъ.

— Ихъ... его арестовали?

— Захотѣли вы! Развѣ полиція смѣетъ арестовать офицера? Одѣлся и ушелъ.

— И вы не изорвали его въ клочки, этого негодяя?

— Своя шкура... Эхъ! — махнулъ рукой Чернобантовъ.

Лаща перенесли въ свободный номеръ. Ромуальдъ Викентьевичъ потерялъ много крови и хотя не приходилъ въ себя, но былъ еще теплый.

— Доктора! Доктора сюда! — метался Маковъ.

Но докторъ уѣхалъ изъ мѣстечка на нѣсколько дней. Раздобыли фельдшера. Гдыру, лохматаго человѣка въ большихъ мѣдныхъ очкахъ. Изъ его ушей росли кусты волосъ. Гдыра опустился на стулъ, глубокомысленно задумался съ прижатымъ ко лбу указательнымъ пальцемъ и, словно рѣшаясь на крайнее средство, изрекъ:

— Я ему дамъ ромашки.

Потомъ онъ передумалъ:

— Нѣтъ, я ему не дамъ ромашки.

Черезъ минуту:

— А можетъ быть, я ему и дамъ ромашки.

Маковъ затопалъ ногами и, потерявъ терпѣніе, устремился на Гдыру со сжатыми кулаками.

— Олухъ проклятый, идіотъ, коновалъ! Человѣкъ умираетъ, а онъ со своей ромашкой! Перевяжите раны! Ѣду въ городъ за докторомъ! Христофоръ Ивановичъ, я беру Василя. Можно?

— Можно, батенька, можно. Дѣлайте, что хотите. Я самъ ходячій мертвецъ.

Вся конюшня смотрѣла на Василя съ завистью. Онъ это чувствовалъ и куражился.

— Я имъ кажу: «паны, и я зъ вамы». — «Ни, мы сами». — А? сами, добре: побачу, що —вы безъ Васыля зробыте». Налытило на нихъ десять чоловикъ и довай душить. Тоди я по конямъ, врizався и ну трощиты шаблюкой! Трохъ воны забылы, трохъ я, а чотыри втикли. Отъ и горилку привизъ. — Онъ считалъ прикрытыя рогожей бочонки. — Ендо барыло, друге, трете...

Маковъ спѣшно занялъ у Зусьмана еще двадцать пять рублей и помчался въ городъ за докторомъ на чернобантовскихъ лошадяхъ, къ великому неудовольствію Василя. Сдѣлавшись центромъ лестнаго вниманія и вкусивъ славы, онъ хотѣлъ упиваться ею.

На другой день вечеромъ пріѣхала вызванная телеграммой жена Никифораки, еще молодая женщина съ красивымъ, симпатичнымъ лицомъ. Она

обезумѣла и отъ жгучаго горя и при видѣ обстановки, въ которой встрѣтила трупъ мужа.

Бѣдная женщина сквозь слезы проклинала убійцу.

— Негодяй! Звѣрь! Онъ же оскорбилъ его и онъ же стрѣлялъ. Назвать моего мужа шулеромъ! Человѣкъ на глазахъ у всей губерніи. Его уважали, любили.

Драгунскій поручикъ отдѣлался выговоромъ.

---

Лащъ выздоравливалъ, но медленно. Лишь благодаря своему желѣзному, закаленному организму, уцѣлѣлъ, остался въ живыхъ. Маковъ ежедневно его навѣщалъ и ухаживалъ за нимъ вмѣстѣ съ отставнымъ солдатомъ.

Первые дни Лащъ находился въ забытьѣ, бредилъ. Когда же онъ впервые сознательно открылъ глаза и увидѣлъ страдальческое виноватое лицо Макова, онъ не могъ удержаться отъ укоризны.

— Эхъ вы, пряничный паничъ! Все дѣло изгадили! Что у васъ руки поотсыхали, что ли? Ажъ досада беретъ! Надо было разстрѣливать ихъ, прямо разстрѣливать! Ни одинъ не ушелъ бы! Ну я бы!.. Слабъ... не могу...

Маковъ разрыдался.

— Голубчикъ, Ромуальдъ Викентьевичъ, простите, простите меня! Я... честное слово... я хотѣлъ... приготовился, а потомъ... потомъ руки отняло.

— Чего тутъ прощать? Дайте поправиться! Думаете, я не знаю, кто меня ножемъ шпиговалъ? Яковъ Квицинскій, тамъ... на выѣздѣ, его хатка...

Какое-то горячее чувство залило вдругъ всего Макова и онъ поцѣловалъ жилистую, волосатую руку Лаща...

---

Отбитый у контрабандистовъ спиртъ Христофоръ Ивановичъ опечаталъ и послалъ въ округъ, гдѣ его продадутъ съ торговъ. Чернобантовъ далъ блестящую аттестацію Лащу и не пожалѣлъ красокъ въ изображеніи его подвига, но Чернобантовъ кредитомъ у начальства не пользовался — мягкій, безвольный, онъ не умѣлъ поставить себя — и объѣздчику, вмѣсто законной преміи, выдали десять рублей наградныхъ, которыхъ онъ не принялъ.

Едва оправившись, еще худой и нетвердый на ногахъ, Ромуальдъ Викентьевичъ поѣхалъ въ городъ на своей Заирѣ. Маковъ отговаривалъ его, доказывалъ, что это сумасшествіе — ѣхать верхомъ въ одной шинели только что вставшему съ постели человѣку. Но повліять на упрямаго Лаща было трудно.

Привязавъ лошадь у акцизнаго округа, Лащъ доложилъ о себѣ надзирателю, надменному хлыщеватому господину въ золотомъ пенснэ.

— Э, что вы скэжите? — не подавая руки и не приглашая садиться, спросилъ надзиратель, откидываясь въ кресло и забрасывая ногу на ногу.

Лащъ положилъ на письменный столъ десятирублевку.

— Я отказываюсь отъ награды за поимку контрабанднаго спирта.

— А, дэ, дэ, — вспомнилъ надзиратель: — вы тамъ что-то такое напутали? Но вы вамъ все-таки выдали.

Что же, вы недовольны? Десять рублей на землѣ не валяются. И, наконецъ, это невѣжливо, это какой-то протестъ! Вы можете ихъ раздать бѣднымъ, если вы сами богаты, можете ихъ даже выбросить за окошко...

На выхоленомъ, розовомъ лицѣ надзирателя было брезгливое недоумѣніе.

Лащъ тяжело перевелъ духъ.

— Имѣю честь доложить вашему высокородію, что, я Ромуальдъ Лащъ, ничего не напуталъ, а кто такъ говоритъ — или не знаетъ моего дѣла или не имѣетъ понятія о корчемной службѣ.

— Послушайте, вы, вы забываетесь!

— Ваше высокородіе, дайте мнѣ кончить, — возвысивъ голосъ, прервалъ его Лащъ. — А что до этихъ несчастныхъ десяти рублей, то я ихъ возвращаю потому, что считаю ихъ издѣвательствомъ. У меня два раза проломлена голова. У меня прострѣлена грудь, на мнѣ восемь колотыхъ ранъ. У кого есть совѣсть, тотъ пойметъ, а у кого ея нѣтъ, того ничѣмъ не прошибешь. Имѣю честь кланяться! Добавлю еще одно: если я напуталъ, какъ вы только что изволили выразиться, если я вообще негоденъ къ службѣ, прошу меня уволить...

Надзиратель, что съ этимъ развязнымъ господиномъ бывало весьма рѣдко, сконфузился, даже струсилъ. Лохматый, съ горящими глазами, въ солдатской шинели объѣздчикъ внушилъ ему страхъ и своимъ видомъ, и силой своей рѣзкой, наболѣвшей искренности.

Въ мрачномъ настроеніи возвратился Лащъ. По цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ дома, сидѣлъ безъ гроша,

въ облакахъ ѣдкаго махорочнаго дыма. Молчалъ и, не выпуская изъ крѣпко сжатыхъ зубовъ коротенькой люльки, думалъ свои пасмурныя думы...

Маковъ былъ правъ. Ромуальдъ Викентьевичъ опоздалъ родиться. Съ его рыцарской отвагой, съ его пламеннымъ темпераментомъ онъ явился бы удивительно кстати назадъ лѣтъ четыреста.

Какой вышелъ бы изъ него великолѣпный запорожецъ, глядящій смерти прямо въ ея темныя очи, безропотно гибнущій славной мученической смертью. Лащъ не могъ, подобно фонъ-Гогелю обижать беззащитныхъ и слабыхъ, стрѣлять въ нихъ. Ему нужна была опасная, трудная борьба съ сильнѣйшимъ, если не равнымъ противникомъ.

Кто знаетъ, можетъ статься, въ этомъ человѣкѣ погибъ задушенный обстоятельствами талантливый вождь — кондотьеръ — или благородный авантюристъ, способный творить чудеса съ горстью подпавшихъ подъ его обаяніе людей.

Умеръ Максимъ Кресало. Отставной солдатъ точно ждалъ выздоровленія Лаща, чтобъ потомъ умереть спокойно. Онъ погасъ тихо, безъ болѣзни, какъ погасаютъ глубокіе старики.

Въ его бѣлый сосновый гробъ Лащъ положилъ завернутыя въ сахарную бумагу медали. Послѣднимъ предсмертнымъ воспоминаніемъ николаевскаго служаки было, какъ его били...

Похороны пришлись въ мятель. За гробомъ понуро шла одинокая сѣрая, облѣпленная снѣгомъ фигура.

Это былъ Лащъ...

## XII.

«Дорогая мама!

Прости, что я такъ долго тебѣ не писалъ. Все собирался. То служба мѣшала; зимою у нашего брата, акцизнаго чиновника, особенно много дѣла. Ну, что твои хлопоты объ увеличенiи папиной пенсiи? Дѣйствительно, трудно жить на такie гроши. Ты бы насѣла на тетю Соню: у нея тамъ есть кой-какiя связи.

А я отъ скуки возобновилъ занятiя музыкой, купилъ въ здѣшнемъ «магазинѣ» за три рубля скрипку, самую лучшую, какая только была. Вчера вечеромъ игралъ серенаду Брага. Пальцы, какъ деревянные, не слушаются. У меня во дворѣ сосѣдъ — почтовый чиновникъ, зовутъ его — навѣрное, ты никогда не слышала такой курьезной фамилiи — Безштанько. Ты нарочно скажи тетѣ Сонѣ — она сдѣлаетъ презрительную гримасу и поднесетъ къ носу надушеный платокъ. Это жалкая рабочая кляча съ грубой хамской душой. У него жена — красивая кроткая женщина. Ни за что жизнь пропала. Онъ ее изводитъ сценами ревности. Можешь тебѣ вообразить, что это такое! Я ей даю читать книги, развиваю ее. Ты, ради Бога, не подумай ничего дурного. Просто человѣческое отношенiе къ забитому существу.

На-дняхъ познакомился на заводѣ съ его владѣльцемъ графомъ Булгакомъ. Сухой, корректный, надменный; говоритъ прекрасно на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Только что вернулся изъ-за границы. Живетъ одинъ, какъ палецъ, въ восьмидесяти комна-

тахъ и жалуется, что ему надо пристроить спальню, потому что всѣ комнаты проходныя. Чудакъ! Вотъ они, богачи! Сами не знаютъ, чего хотятъ. Нужно будетъ осмотрѣть его домъ. Это не домъ, а цѣлый дворецъ. Говорятъ, есть старинная мебель, картины.

Очень радъ, что тебѣ нравится по моимъ письмамъ Лащъ. Немного дикарь, а между тѣмъ какое золотое сердце. Мы съ нимъ дѣлали эскападу на контрабандистовъ, отбили партію безпатентнаго и безпошлиннаго спирта. Пришлось стрѣлять. Бѣднягу Лаща сильно изранили, но и меня порядкомъ помяли. Разскажи тетѣ Сонѣ. Это цѣлая глава изъ страшнаго романа. Зимняя ночь, такая темная, что зги не видать. Кстати, что такое зга? Помню, еще въ гимназіи мы спрашивали учителя словесности. Онъ тоже не могъ объяснить... Мы притаились у опушки лѣса и ждемъ. Ждемъ, вооруженные до зубовъ, — jusqu'aux dents, какъ говорятъ французы. Показались контрабандисты, мы выскочили изъ засады — и пошла потѣха. Револьверные выстрѣлы, звонъ сабельныхъ ударовъ. Они тоже отчаянно дрались. У нихъ бучки. Это длинныя палки, а на концѣ свинцовый шаръ, величиною съ два добрыхъ кулака. Непремѣнно разскажи тетѣ Сонѣ. Она мнѣ такъ и не пишетъ.

Кончилась одна глава романа, начинается вторая. Привожу я раненаго Лаща въ заѣздный домъ,—такъ здѣсь называются постоялые дворы — а тамъ драгунскій офицеръ фонъ-Гогель застрѣлилъ бессарабскаго помѣщика, предполагая, что тотъ шулеръ. А тотъ вовсе и не думалъ быть шулеромъ, честная личность. Вообще этотъ фонъ-Гогель — ужасная дрянь:

пьяница, нахалъ, а когда нарвется на дѣйствительно храбраго человѣка, могущаго дать отпоръ, оказывается трусомъ. Лащъ его отлично проучилъ. Но это еще не конецъ. Есть въ Покутѣ частный адвокатъ-еврей Магнеръ. Онъ пописываетъ въ газетахъ. На свою голову, онъ послалъ корреспонденцію и про этотъ случай. Назвалъ фонъ-Гогеля башибузукомъ. Такъ и корреспонденція озаглавлена. И отомстилъ же ему фонъ-Гогель! На этотъ разъ онъ проявилъ себя уже настоящимъ башибузукомъ.

У меня завелись долги, но это меня не особенно печалитъ. У кого изъ чиновниковъ нѣтъ долговъ? Да! Лащъ, когда узналъ о разгромѣ Гогелемъ этого корреспондента Магнера, то выразилъ публично Магнеру сочувствіе и обѣщалъ Гогеля убить при случаѣ. Вообще Лащъ живетъ, какъ говорится, на вулканѣ. Противъ него ополчились самые разнообразные элементы: Гогель, становой, офицеры пограничной стражи и вдобавокъ еще поклялся ему отомстить контрабандистъ Каркеръ, единственный оставшійся въ живыхъ изъ трехъ братьевъ Каркеровъ. Двоихъ Лащъ отправилъ на тотъ свѣтъ.

Видишь, какіе ужасы у насъ, въ нашей тихой захолустной глуши.

Граница!

Ну, до свиданія, мама, до слѣдующаго письма. За многословіе не сердись. Вечеръ длинный, а дѣлать ничего не хочется. И на душѣ какъ-то не по себѣ. Я и расписался. Обнимаю тебя крѣпко.

Твой сынъ И. Маковъ».

## XIII.

У Макова навсегда остался въ памяти этотъ вечеръ... Долго не рѣшалась притти къ нему Маланья Ѳоминична. Онъ просилъ ее, умолялъ, запугивалъ, что натворитъ рядъ безумствъ.

Наконецъ, пришла... Въ комнатѣ было жарко, темно и только въ выгорающей печкѣ вздрагивали красноватые отблески. Трепетнаго, перемѣнчиваго свѣта хватало лишь озарить фигуру сидѣвшаго Макова. А дальше, куда не проникали вспыхивающіе отблески, шевелились какія-то тѣни... Было тихо. Груда пылающихъ углей жила своей красивой, таинственной жизнью. То пробѣгало по нимъ дрожью легкое пламя, то исчезало, и появлялся нѣжный пепельный налетъ. Чье-то немолчно работавшее дыханіе сдувало его, уголья червонѣли, и опять начиналась капризная, шаловливая огненная пляска...

Маковъ слѣдилъ за этой фантастической игрой, то забываясь на мгновеніе, то чутко прислушиваясь, не стукнетъ ли дверь. И онъ думалъ, что въ такіе вечера, когда за окнами жутко и холодно, а здѣсь у догорающихъ, конвульсивно борющихся со смертью угольевъ такъ уютно тепло и тихо, и когда съ минуты на минуту должна притти женщина, которую онъ покроетъ поцѣлуями, въ такіе вечера жизнь хороша и прекрасна...

И она пришла. Робко, осторожно скрипнула дверь, закрылась и, точно спасаясь отъ кого-то, къ Ивану

Алексѣевичу быстро пошла Маланья Ѳоминична, высокая, закутанная платкомъ, шуршащая платьемъ. И свѣжее лицо и платокъ были холодные.

— Здѣсь никого нѣтъ? — пугливо озиралась она, не отвѣчая на его поцѣлуи.

— Разумѣется, никого, моя дорогая. Кто же можетъ быть, кромѣ меня?

— А я думала... Я такъ боюсь... Иванъ Алексѣевичъ, голубчикъ мой родненькій, я такъ намучилась... Иду черезъ дворъ, а мнѣ мерещется, что за мной кто-то поглядаетъ... Я на минуточку...

— Вздоръ! Какія минуточки! — возразилъ Маковъ, руками собственника разматывая тяжелый бахромчатый платокъ.

— И рада бы, да нельзя! Дѣвчонкѣ сказала, что иду къ Бермановой. Онъ ее все разспрашиваетъ, дѣвчонку-то, гостинцы даетъ, чтобъ она ему только про меня все говорила. А чего и говорить? Вотъ развѣ теперь. А до васъ я была, какъ стеклышко... Никого не знала и въ думахъ ничего не было...

— Развѣ?

— Чтобъ я съ этого мѣста не сошла!

— То-то! Я, вѣдь ревнивый! Ну, поцѣлуй меня! Ты не умѣешь цѣловаться! Крѣпче, вотъ такъ!

Комната закружилась, поплыла куда-то, и если бъ Маланья Ѳоминична знала, что въ двери стучитъ мужъ, она, забитая, робкая, не оторвалась бы отъ этихъ ласкъ, которыхъ она никогда не знала и по которымъ изголодалось все ея существо...

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, они молча сидѣли у печки. Уголья уже истомились бороться, гасли, тускнѣли. Все больше и больше обволакивалъ ихъ густой налетъ пепла.

Маланья Ѳоминична рванулась.

— Пора! И крѣпко не хочется, а пора!

— До завтра?

— Я же сказала. Пустите меня, Иванъ Алексѣевичъ.

Маланья Ѳоминична ушла...

Томный, съ блуждающей улыбкой, онъ повалялся на диванѣ, потомъ зажегъ лампу и сталъ писать матери. Въ длинномъ письмѣ онъ предлагалъ ей не думать ничего дурного объ его отношеніяхъ къ женѣ почтоваго чиновника.

Письмо Иванъ Алексѣевичъ окончилъ не сразу. Нѣсколько разъ хваталъ свою трехрублевую скрипку и начиналъ пиликать валашскую серенаду Брага.

А Поликарпъ Еремѣевичъ, проклиная собачью жизнь свою, раздѣлывалъ городскую почту. На этотъ разъ какимъ-то чудомъ зубы его подвязаны не были, и только на вихрастой макушкѣ борозда въ жидкихъ и прямыхъ волосахъ напоминала о туго стягивавшемъ голову платкѣ.

Маланья Ѳоминична измѣнилась. Изъ мягкой и робкой женщины, которая въ рѣдкихъ случаяхъ дерзала дать отпоръ мужу въ его обидахъ и придиркахъ, она выростала въ сильную, гордую. Этой рѣзкой перемѣны не могъ не замѣтить Поликарпъ Еремѣевичъ. Она его смущала, тревожила. Она его застигла врасплохъ. Онъ любилъ жену, любилъ посвоему, грубо, даже болѣзненно. Любилъ мучительнымъ острымъ чувствомъ некрасиваго, неинтереснаго и тусклаго человѣка, сознающаго, что никогда, никогда не отвѣтятъ ему.

Сначала Марія Ѳоминична прятала отъ мужа тѣ книги, что давалъ ей читать Маковъ. А затѣмъ— это было едва-ли не послѣ перваго ихъ вечера, она стала умышленно раскладывать книги на видныхъ мѣстахъ.

— Это еще что такое? — спросилъ мужъ, по обыкновенію, строго.

— Чи жъ ты не видишь? книжки.

И она смотрѣла ему въ лицо китайскими, затуманенными поволокой, глазами.

И этотъ взглядъ и спокойствіе и то, что жена расцвѣла, стала пышнѣе,—все это кинуло въ злость мужа.

— Ну да, я отлично вижу, что это такое, не повылазило; слава Богу, грамотный. Откуда сія благодать?

— Отъ сосѣда, Берманова носитъ.

— Какое же ты имѣешь право брать отъ незнакомаго человѣка? Еще бы кто добрый, а то франтикъ, пустая голова, паничъ медовый.

Лицо жены стало негодующее, гнѣвное, и онъ убѣдился, что китайскіе глаза могутъ метать искры. И заговорила она такимъ языкомъ, котораго онъ никогда не ожидалъ:

— А ты думалъ обо мнѣ когда-нибудь? Кромѣ какъ объ моемъ тѣлѣ? О душѣ моей думалъ? Да пойми же ты, наконецъ, Поликарпъ Еремѣичъ, жить мнѣ нечѣмъ, понимаешь, нечѣмъ? Что я вижу, что я дѣлаю ввечеру одна? Шью, твои драные чулки штопаю. И все одна, одна. Какъ я еще говорить не разучилась. Хочется услышать разумное слово, хоть въ книжкѣ его прочитать. А ты мнѣ когда-нибудь принесъ книжку, подумалъ когда-нибудь объ этомъ? Ты приносишь съ собою полный ротъ мужицкихъ

словъ. О, ты у меня на это щедрый — на грызню, да на паскудства.

Поликарпъ Еремѣичъ молчалъ. Онъ не зналъ, что ему отвѣтить, и пустилъ въ ходъ иронію.

— Не могу я съ вами вести бесѣду, глубокоуважаемая мадамъ, ужъ оченно промежъ нами непроходимость выросла. Я — человѣкъ темный, глупый, можно сказать, почтовая кляча, а вы — особа деликатная, образованная, съ возвышеннымъ полетомъ образа мыслей. Не приложу своего мужичьяго разуму, гдѣ вы всего этого самаго набрались. Про то вамъ знать, только не пани Болтуць, которая вамъ плюхи давала. Слаще меду было! Я помню, все помню. Какъ хляснетъ, бывало, ажъ скула затрещитъ, мало не разлетится.

Маланья Ѳоминична отвернулась. Гримаса презрительнаго состраданія подернула лицо ея.

— Та не кривляйся ты, ради Господа, не кривляйся.

— Если бъ ты зналъ, какой ты гадкій, та противный.

— А, я — противный? Вотъ я сейчасъ тебѣ покажу, какой я противный! — угрожающе двинулся къ ней.

Она стояла, не шелохнувшись.

— Тронь только! Попробуй!

— А что жъ тогда будетъ? — вызывающе спросилъ онъ съ блѣдной кривой улыбкой.

— Убѣгу я отъ тебя — вотъ что!

— Осмѣлюсь спросить — куда?

— Про то уже мои хлопоты. Туда, гдѣ тебя нѣтъ.

— Вотъ какъ! Хорошо же, хорошо! Ай да женушка! Житье! Вездѣ желанная гостьюшка. Не къ господамъ ли офицерамъ? Плохая защита. Потѣшится,

потѣшится и на другой же день по шеямъ протуритъ. Гони, скажетъ денщику, эту дрянь, въ шею гони!

Хлопнувъ дверью, Маланья Ѳоминична выбѣжала въ сѣни. Поликарпъ Еремѣичъ одинъ остался посреди комнаты.

## XIV.

Большинство порядочныхъ женщинъ консервативно въ своихъ сердечныхъ увлеченіяхъ и привязанностяхъ. Онѣ напоминаютъ кошекъ, удивительно свыкающихся съ мѣстомъ. У нихъ въ крови — возможно продлить и закрѣпить романъ съ любимымъ человѣкомъ. У большинства же мужчинъ — у тѣхъ наоборотъ. Продолжительная, сулящая цѣлые годы связь — въ тягость имъ. Она ихъ пугаетъ. Гдѣ-то внутри начинаетъ шевелиться, вначалѣ смутно и слабо, — желаніе освобожденія. Съ теченіемъ времени оно все разростается и разростается.

Почему такъ? Вопросъ одинъ, отвѣтовъ много. Во-первыхъ, женщина — чище и тоньше сердцемъ и способна глубже чувствовать; во-вторыхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ она отдаетъ любимому человѣку значительно больше, чѣмъ получаетъ взамѣнъ; въ третьихъ, нельзя обойти причину характера атавистическаго. Слишкомъ долгіе тысячелѣтія находилась женщина въ порабощеніи для того, чтобъ инстинкты рабыни могли вдругъ и безслѣдно вывѣтриться. Разъ женщина любитъ, она жаждетъ подчиненія, зависимости и чтобъ это было прочно и долго.

Подобныя отношенія создались и у Ивана Алексѣевича съ Маланьей Ѳоминичной. Съ каждымъ днемъ она привязывалась къ нему все сильнѣе и силь-

нѣе, начинала видѣть въ немъ смыслъ и цѣль жизни. А Маковъ?—У него острое, порожденное любопытствомъ и скукой, чувство понемногу утихало. На романъ съ этой женщиной съ такими оригинальными китайскими глазами онъ смотрѣлъ, какъ на пріятное развлеченіе въ своей монотонной жизни. Съ оттѣнкомъ чего-то милаго, теплаго, но совершенно спокойно думалъ Маковъ о ней. Красивая, ласковая, симпатичная. Чего же больше? И онъ не мечталъ о большемъ и не хотѣлъ его. Ему было и такъ хорошо. Онъ жалѣлъ ее, но жалѣлъ относительно. Если бы всталъ передъ нимъ вопросъ о необходимости вырвать Маланью Ѳоминичну изъ ея печальной обстановки, навсегда вырвать, онъ пришелъ бы въ ужасъ и считалъ бы себя несчастнымъ, на котораго волею судебъ возложенъ тяжелый крестъ.

Опьяненная сладостнымъ настоящимъ, Маланья Ѳоминична не спѣшила заглянуть въ будущее. Но если бъ ей сказали, что она уйдетъ отъ мужа, уйдетъ для того, чтобъ сдѣлаться прислугой Макова, она въ восторгѣ бросилась бы цѣловать руки желанному радостному вѣстнику. Въ палящихъ, сжигающихъ лучахъ ея любви къ Макову растаяла и поблѣднѣла ея любовь къ сыну. Онъ сталъ чуждъ ей, потому что онъ былъ сынъ Поликарпа Еремѣича.

Разъ, когда послѣ разлуки — онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ городъ — Маковъ съ особенной закружившей его страстью цѣловалъ Маланью Ѳоминичну, она стыдливо и робко съ опущенными глазами тихо прошептала:

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть ребенка, твоего ребенка, чтобъ онъ былъ твой, твой.

Порывъ Ивана Алексѣевича какъ-то вдругъ заморозило, и онъ даже слегка отодвинулся.

Ихъ связь не для кого въ Покутѣ не была тайной. Къ чести Бермановой, она никому и словомъ не обмолвилась. Но всѣ знали, за исключеніемъ, какъ это всегда бываетъ, одного мужа, который лишь подозрѣвалъ. Онъ вообще отличался подозрительностью, когда дѣло касалось жены.

— Поздравляю, поздравляю, — многозначительно трясъ руку Ивана Алексѣевича помощникъ надзирателя, когда Маковъ собрался наконецъ въ городъ поѣсть у Чернобантова малороссійскаго борща.

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ, батенька? Мы тоже не лыкомъ шиты, хе-хе! И до насъ доходятъ вѣсти. Я ее не видѣлъ, но люди одобряютъ. Говорятъ, — хоть куда!

— Рѣшительно ничего не понимаю.

— Полно, батенька, вамъ въ жмурки играть. Какая тамъ у васъ завелась прелестная почтовая чиновница, почтовая наяда, хе-хе! Написать стихи и озаглавить: «Почтовая наяда». Оригинально.

— Теперь я начинаю догадываться. Даю намъ слово, Христофоръ Ивановичъ, это сплетня, ложь. Да, я знакомъ, но между нами ничего нѣтъ. Увѣряю васъ, это ложь, — улыбаясь, говорилъ Маковъ; но глаза его говорили: «Это правда».

— Будетъ вамъ, будетъ. Мнѣ-то, въ сущности, какое же дѣло? Самъ Господь Богъ сказалъ: «плодитесь и размножайтесь». А вотъ какимъ я васъ, батенька, малороссійскимъ борщомъ угощу, борщомъ — лащомъ. Кстати, какъ Лащъ поживаетъ? Что онъ бросилъ стихи писать? Вѣдь, онъ у насъ сочинитель. Про меня, шельма, цѣлую поэму настрочилъ довольно ядовитаго и пасквильнаго свойства. Тамъ она у меня гдѣ-то запрятана. Помню только два стиха; выходитъ яко бы вашъ покорный слуга разсказываетъ поэму отъ собственнаго лица. Начинается такъ: «Я черный

бантъ на фонѣ русской жизни», а дальше гдѣ-то въ серединѣ я ѣду ревизовать свой участокъ. «Шапка съ кокардой — гроза мужиковъ, и пара вонючихъ большихъ сапоговъ». У меня, дѣйствительно, знаете, были вонъ-какіе ботфорты. Василь ихъ рыбьимъ жиромъ смазывалъ — одинъ ароматъ и благоуханіе.

Лащъ — это бываетъ у внѣшне грубыхъ людей — отличался деликатностью въ смыслѣ непрошеннаго залѣзанія въ чужую душу. Онъ не дѣлалъ «пану контролеже» никакихъ намековъ, хотя даже зналъ все. Маковъ самъ пошелъ навстрѣчу и сознался, прося держать секретъ въ строжайшей тайнѣ.

Лащъ зажалъ въ горсть свою нечесанную бороду, прикусилъ ее и, подумавъ, сказалъ:

— Охота жъ вамъ, чтобъ васъ Богъ любилъ, съ бабами возиться! Нехай онѣ всѣ пропадомъ пропадутъ. Я ихъ не знаю и знать не хочу. Только одно заврацàнье глóвы.

Маковъ сконфузился.

— Ну, вы, Ромуальдъ Викентьичъ, другое дѣло. Вы — запорожецъ.

— Какой тамъ чортъ — запорожецъ? А вотъ что я вамъ скажу, пане бабинскій, отъ слова баба, это — ни бы тее, якъ его, это нехорошо.

— Что нехорошо?

— Это самое. У меня такъ: чи направо, чи налѣво. Всякую середину къ чертовой матери! Слюбилась вы себѣ тамъ или какъ это у васъ называется, — въ окрытую. Идите къ мужу. Такъ и такъ, господинъ хорошій, чтобъ никакихъ... А то кто же вы такой? Воръ, и контрабандистъ. А, вѣдь, мы еще съ вами, помните?..

— Не вспоминайте, — взмолился Маковъ.

— Вмѣстѣ ловили контрабандистовъ. Хоть — и не удачно, по вашей милости, а ловили.

Иванъ Алексѣевичъ каялся, зачѣмъ пошелъ къ объѣздчику съ исповѣдью, Хорошо ему разсуждать: чи направо, чи налѣво. Нѣтъ, въ такихъ дѣлахъ онъ никуда не годенъ. Засаду устроить, изрубить когонибудь это — его сфера. И здѣсь можно у него поучиться.

Сестры Агроновичъ, хотя попрежнему закармливали Макова, но уже не называли его между собою «холосенькимъ, сѣлоглазенькимъ», а называли «плотивнымъ». Раскладывая свои безконечные пасьянсы, Вѣра не имѣла въ виду молодого человѣка, а Надинъ не отдавала его великодушно сестрѣ.

За обѣдомъ, въ присутствіи Макова, сестры многозначительно переглядывались, пересмѣивались и такъ, чтобъ Иванъ Алексѣевичъ замѣчалъ это. Онъ смущался, наблюдая нѣмой, но выразительный разговоръ на свой счетъ. И Надинъ, и Вѣрунчикъ выжидали, когда взглядъ Ивана Алексѣевича встрѣтитъ ихъ выразительныя гримасы. Онѣ сразу дѣлали наивно-жеманныя лица и съ ужимочками спѣшили предложить ему чего-нибудь.

Онѣ возненавидѣли Маланью Ѳоминичну до глубины души.

Дымя неизмѣнной папиросой, Вѣра метала въ нее громы своимъ глухимъ баскомъ:

— Вотъ хамка! Вотъ негодница! Я всегда говорила, что она скверная женщина. Какъ-только она пріѣхала, я сейчасъ же сказала — дрянь. По-моему и вышло. А ты еще, Надинъ, ее защищала, помнишь?

— Вотъ и невѣрно ты сказала, Вѣрунчикъ. Ничего я не защищала.

— Ну, все равно. Этого такъ оставить нельзя. Платившаго, хоть онъ и плативный, надо спасти. Давай спасемъ его, Надинъ?

— Давай Вѣрунчикъ!..

— А знаешь какъ? Вотъ пріѣдетъ Лидка. Мы ихъ познакомимъ. Нехай она его закружитъ, тогда плативному капутъ. А этой дряни, почтовой наядѣ, фига съ макомъ! Длиннѣйшій носъ!— и, растопыривъ ладони, Вѣра наглядно показала, какой длинный носъ получитъ Маланья Ѳоминична.

— Ты умная, Вѣрунчикъ! Браво, браво! Бисъ!

— А ты думала — я дура? О, я — хитлая! Я сумѣю отомстить! Нѣтъ, люди добрые, подумайте: что онъ въ ней нашелъ? Морда красная, мало что не лопнетъ, глаза — узенькіе, какъ щелочки. Ни фигуры, ни манеръ. Взять бы хоть насъ съ тобою... И вкусъ же у этихъ мужчинъ, прости Господи! Нѣтъ вотъ обведетъ его Лидка кругомъ пальца, буду рада, ей-Богу рада! Лидка, что бы ни говорили, мы ее тамъ ругаемъ — и такая, и сякая, а, по правдѣ говоря, она у насъ герцогиня.

— Баронесса!

— Баронесса — не то. Герцогиня — выше.

— Ой, баронесса выше.

— Не спорь, Надинъ, со мной. Гдѣ-гдѣ, а въ великосвѣтскихъ адюльтерахъ да въ титулахъ я собаку съѣла.

— И то правда!— покорно согласилась Надинъ.— Ты все читаешь, читаешь и все такіе аристократическіе романы. Кому жъ и знать, если не тебѣ? А у меня проза: ключи, поросята, куры, индюки.

— Я жъ тебѣ сколько разъ предлагала читать вслухъ. Не хочешь. Нѣтъ, мы по-разному устроены. Ты живешь въ мірѣ реальномъ, а я въ идеальномъ. Я все себѣ воображаю, воображаю и, знаешь, иногда бываетъ такъ совѣстно, совѣстно. Напримѣръ, читаешь такое мѣсто: «Садъ благоухалъ. Въ тишинѣ плескались фонтатны. Ночь своимъ чернымъ покровомъ опустилась надъ садомъ. Виконтъ Леонъ-Арманъ-де-

Базанкуръ шелъ навстрѣчу порывистому дыханью. Онъ протянулъ впередъ руки. Его тонкіе трепещущіе пальцы встрѣтили теплую надушенную грудь маркизы.

— Это вы, Люси? — спросилъ онъ задыхающимся шопотомъ.

— Да, это я, виконтъ.

Она довѣрчиво упала всѣмъ своимъ хрупкимъ тѣломъ въ его сильныя объятія». И знаешь, — Вѣра затянулась, пустила густой клубъ дыма и сощурилась: — знаешь, я себя вообразила вмѣсто этой маркизы. Дрожу, ажъ вся замираю, и такъ боязно, боязно, страшно, страшно...

— Ай да и трусиха жъ ты!.. Вотъ я бы не побоялась. Честное тебѣ слово даю, не побоялась...

## XIV.

Мѣстечко утопало въ грязи. Но это не была безотрадная осенняя грязь. Что-то веселое, жизнерадостное въ весенней распутицѣ теплыхъ улыбающихся ласковыхъ дней. Съ каждымъ днемъ солнце пригрѣваетъ все жарче и жарче. Голубое небо, что подъ весеннимъ дыханіемъ стало мягче, прозрачнѣй и глубже, подернуто кой-гдѣ бѣлоснѣжными легкими облачками. Если бъ не ранніе холодные вечера съ подернутыми изморозью лужицами, можно было бы подумать, что не сегодня-завтра настанетъ лѣто. Распускались почки. Ихъ пряный ароматъ вмѣстѣ съ густымъ насыщеннымъ чѣмъ-то весеннимъ воздухомъ, кружили, пьянили голову. Стоило посидѣть часъ-другой подъ открытымъ небомъ — овладѣвала сладостная дрема и неудержимо клонило ко сну.

Растаяли снѣговыя шапки крышъ, и вся Покута казалась вдругъ потемнѣвшей. Пробуждались звуки,

новые, громкіе, которыхъ не было слышно зимой. Было такое впечатлѣніе, точно слухъ сталъ у всѣхъ воспріимчивѣй, тоньше.

Изъ оконъ винокуреннаго завода и Маковъ и служащіе видѣли, какъ по свободнымъ ото льда вздувшимся прудамъ графскаго парка величаво и медленно плавали бѣлые лебеди.

Немолчно щебетали и чирикали птицы. Имъ было радостно вернуться на родину изъ сказочно-далекой чужбины. Особенно непринужденно вели себя сѣрые непосѣдливые, шустрые воробьи. По-хозяйски! Неуклюже летали надъ землей жирныя темно-синія вороны и каркали онѣ веселѣй, по-другому, если только можетъ быть карканье веселымъ.

Молодежь, какъ болѣе подвижная, легкая, облюбовала себѣ высокую сѣрую отъ глубокой старости колокольню костела. Маленькими черными точками унизывали воронята двухсаженный крестъ, казавшійся издали игрушечнымъ.

Въ эти блещущіе дни Маланья Ѳоминична задыхалась въ своемъ флигелѣ. Яркій солнечный свѣтъ, такъ смѣло вливавшійся въ открытыя окна, безпощадно разоблачалъ и подчеркивалъ всю невзрачность бѣднаго и жалкаго убранства кривого флигеля. И безъ того низкій, съ облупившимися балками, потолокъ опустился еще ниже и давитъ Маланью Ѳоминичну. Гонимая плѣнительнымъ весеннимъ призывомъ, уходила она гулять то по широкой, усаженной тополями дорогѣ, то на польское кладбище, такое обширное, что съ непривычки можно было заблудиться. Оно раскинулось на краю мѣстечка, и какъ разъ противъ его воротъ находилась почта. Тамъ, за этими окнами, всего менѣе ощущалась весна. По-прежнему пахло сургучемъ, клеемъ, чѣмъ-то затхлымъ, прокислымъ, и по прежнему согбенный Поликарпъ

Еремѣевичъ сидѣлъ у клеенчатаго стола, сидѣлъ хмурый, сонный и съ подвязанной щекой.

Изрѣзанное тропинками кладбище состояло изъ ложбинъ и бугровъ. Вмѣстѣ съ могилами получалось впечатлѣніе какого-то страннаго хаотическаго города. Раздолье было здѣсь неспокойному и шумному птичьему царству. Воробьи, галки, сороки, цвѣтныя нарядныя сиваракши съ одинаковой шумной развязностью держали себя и на зеленѣющихъ вѣтвяхъ кустовъ бузины и орѣшника, и на могилахъ богатыхъ и бѣдныхъ.

Съ трудомъ по складамъ разбирала Маланья Ѳоминична польскія надписи или паспорта на тотъ свѣтъ, какъ называлъ ихъ кладбищенскій сторожъ Михась. Своими вельможными жильцами онъ гордился. Вотъ фамильный склепъ графовъ Булгакъ, обнесенный тонкой чугунной рѣшеткой. Тамъ лежитъ «пане пулковнику», дравшійся за «ойчизну» подъ знаменами Костюшки. А здѣсь молодая княжна Заславская. Ее похоронили. Прошелъ слухъ, что княжна отравлена. Ее откопали, изрѣзали всю — ничего не нашли и опять зарыли уже навсегда.

Внимателенъ былъ Михась и къ убогимъ деревяннымъ крестамъ.

— Тамъ, у пана Бога, всѣ равны, — философствовалъ онъ.

Михась ходилъ по кладбищу съ двумя свѣтлоголовыми дѣвочками, держа ихъ за руки. Это были его внучки отъ овдовѣвшей дочери, убѣжавшей съ проѣзжимъ шляхтичемъ. Личики дѣтей, какъ у большинства кладбищенскихъ ребятъ, были грустныя.

Маланья Ѳоминична замѣчала и не разъ, какъ, опершись на низенькую каменную ограду, за нею слѣдитъ съ улицы младшій сортировщикъ Якимченко, плечистый, высокій здоровякъ съ большой головой,

на которой мягкимъ блиномъ сидѣла выцвѣтшая форменная фуражка. Якимченкѣ, видимо, прискучило наблюдать жену своего товарища на разстояніи и однажды, перепрыгнувъ ограду, онъ догналъ Маланью Ѳоминичну и сунулъ ей грязную въ чернилахъ руку.

— Гуляете?

— Гуляю. А вамъ что?

— Ничего съ. Я вышелъ ухапить свѣжаго воздуху. Обидно сидѣть въ конторѣ. Давайте походимъ, покалякаемъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Я сама. Еще Поликарпъ Еремѣичъ увидитъ.

Якимченко обидѣлся.

— Ахъ, вы Недотрога Ѳоминична! Какія у васъ щечки! Такъ бы и прилипъ въ блаженномъ поцѣлуѣ. Что это у васъ за кофточка? Франтиха вы. А платочекъ? Футляръ первый сортъ.

— Фуляръ, а не футляръ.

— Ну, это все едино. Я въ этихъ вашихъ тряпкахъ, въ разныхъ тамъ цямци-лямци швахъ! А знаете, что я вамъ скажу, Недотрога Ѳоминична? Сегодня вечеркомъ я слабодный. А вашъ разблаговѣрный дежуритъ. Чи не позволите ли вы нанести вамъ въ нѣкоторомъ родѣ визитъ?

Маланья Ѳоминична оглядѣла его отъ блиннобразной фуражки до перепачканныхъ грязью сапожищъ.

— Убирайтесь вы къ чертямъ! Нахалъ! Свинья!

Якимченко презрительно подбоченился.

— Ого! какія жестокія словеса! Я вамъ покажу, Недотрога Дуринишна, какой я свинья и какой нахалъ! Я — человѣкъ благородный и не позволю съ собой такъ обращаться. Я не хуже другихъ, въ родѣ какъ бы разныхъ акцизныхъ.

Маланья Ѳоминична пожала плечами и двинулась прочь отъ него.

— Ты думаешь, я не знаю? Все знаю! А твои фигли-мигли съ господиномъ Маковымъ — вотъ разскажу Поликарпу. Онъ тебѣ намнетъ шею. Подумаешь, пани Мигдалова выисказалась. Мамзель-рагузель — баранiи ножки.

Отъ этихъ словъ у Маланьи Ѳоминичны пробѣжалъ холодокъ, и она вся какъ-то съежилась.

Младшiй сортировщикъ вспомнилъ, что его отсутствiе можетъ быть замѣчено строгимъ начальникомъ Шмидтомъ и, перепрыгнувъ черезъ ограду, побѣжалъ, расплескивая лужи, въ контору.

## XV.

Однажды яркимъ солнечнымъ утромъ Иванъ Алексѣевичъ проснулся жизнерадостный, бодрый. Онъ улыбался и самому себѣ, и блещущему свѣжему утру, и еще кому-то. Берманова уже вносила кипящiй, сверкающiй на солнцѣ, самоваръ. И вмѣстѣ она принесла какую-то чрезвычайную новость. Объ этомъ говорили глаза, наготовѣ раскрытый ротъ, все лицо, вся фигура. Эта новость ужасно тяготила Берманову и она поспѣшила возможно скорѣе отъ нея избавиться. Кое-какъ второпяхъ оставила самоваръ у дверей и быстро, приблизившись вплотную къ молодому человѣку, задыхающимся отъ радости шопотомъ сообщила:

— И что я вамъ скажу, пане мой ласковый! Не вгадаете. Ни за какiя деньги!..

Но Берманова отличалась великодушiемъ и понапрасну не хотѣла мучить ни Макова, ни себя самое,— поэтому пауза была короткая.

— Генералова прiѣхала!

Эффектъ получился. Маковъ даже подпрыгнулъ.

— Да неужели?!

Первымъ, безотчетнымъ движеніемъ его было тотчасъ же одѣваться.

— Я сама ихъ бачила. Они въ ночи пріѣхали зъ машины. И гдѣ они только не були? Охъ, эта генералова, чистое золото!

Иванъ Алексѣевичъ ни разу не посмотрѣлъ въ окно сосѣдняго флигеля, измѣнивъ твердо установившейся привычкѣ. Время тянулось медленно. Онъ думалъ, что никогда не дождется обѣда. Въ смутной надеждѣ встрѣтить генеральшу у сестеръ Агроновичъ, онъ тщательно занялся своимъ туалетомъ. Подверглись критикѣ сначала сюртукъ, затѣмъ визитка.

— Опровинціалился я, — вздохнулъ Маковъ, надѣвая то одно, то другое и смотрясь въ зеркало.

Былъ извлеченъ бѣлый дѣвственный жилетъ. Строгій инспекторскій смотръ учинилъ Маковъ и галстукамъ. Долго съ колебаніемъ и сомнѣніемъ одѣвался онъ. Наконецъ, одѣлся и нарядный, съ иголочки, надушенный, испытывалъ какое-то приподнятое, нелѣпое настроеніе въ своей пустой квартирѣ. Точно изъ колеи выбитый, отъ бездѣлья томящійся именинникъ. Терпѣніе изсякло и онъ пошелъ къ сестрамъ чуть ли не въ двѣнадцать часовъ. Обыкновенно тамъ обѣдали въ два.

— Цыпаньки, цыпъ-цыпъ-цыпъ! О, холосія мои птицки! Цыпъ-цыпъ! Здравствуйте, дѣтоньки! — ласково привѣтствовала Надинъ тѣсно окружившихъ ее индюковъ, куръ и гусей.

Издали она увидѣла стройнаго мужчину, который шелъ, размахивая палкой. Свѣтлое пальто, сѣрый съ черной лентой котелокъ, перчатки.

— Кто жъ это такой? — всполошилась Надинъ. — Нянька, а нянька! Ходи сюда! Ахъ, это вы, Иванъ Алексѣевичъ? — всплеснула руками Надинъ. — Ни за что не узнать! Никогда васъ такимъ не видѣла.

Быть вамъ богатымъ. Боже, какой вы нарядный! Совсѣмъ франтъ съ Невскаго проспекта. Тамъ, говорятъ, всѣ такіе. А по какому случаю? Можетъ быть, это вашъ день рожденія? Тогда грѣхъ вамъ, зачѣмъ не предупредили, ей-Богу грѣхъ! Я бы пирогъ спекла.

— Нѣтъ, не сегодня мой день рожденья.

— И отлично сдѣлали. Знаете, кто въ маѣ родится, тотъ всю жизнь мается. По какому же случаю?

— Да безъ всякаго случая. Одѣтъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. Развѣ я къ вамъ приходилъ оборванцемъ?

— Боже спаси! Я не говорю, — Надинъ повернулась къ открытымъ окнамъ. — Вѣрунчикъ, ходи сюда живенько! А знаете, Иванъ Алексѣевичъ, у насъ новость, вотъ новость! Вѣрунчикъ, правда?

Вѣрунчикъ, стуча башмаками, тяжело сходила по деревяннымъ ступенькамъ. За нею струился дымокъ папиросы.

— Да, это новость! — баскомъ отозвалась Вѣрунчикъ!

— Вотъ ужъ я вамъ скажу! Что дадите? Фу, какой онъ шикарный! Прямо виконтъ Арманъ-Леонъ де-Базанкуръ! Только маркизы недостаетъ.

— А, можетъ быть, и есть, — усмѣхнулась Надинъ.

— Въ чемъ дѣло? Я ничего не понимаю, — притворился Маковъ.

— Эге, такъ вамъ и скажи сейчасъ! Молодыхъ людей надо учить терпѣнью.

— Нѣтъ, право, я заинтригованъ.

— Неужели вы обѣдать пришли? Я только что борщъ на плиту поставила.

— Нѣтъ, я такъ. Погода хорошая. Гулялъ и къ вамъ заглянулъ.

— Развѣ сказать ему, Вѣрунчикъ?

— Скажи.

— Нѣтъ, лучше ты.

— Почему я?

— Нянька!

— Да чего же вы кричите? Нянька, да нянька! Сама знаю, что нянька.

— Скажи паничу.

— А що я ему маю казати?

— А про...

Нянька пожала своими узенькими дѣтскими плечиками.

— Ото велика штука! Енеральша пріихала. Должна жъ она пріихать колы-небуть.

Надинъ и Вѣрунчикъ наступали на Макова.

— Что?!

— Довольны вы, наконецъ, плотивный?

— Ничего особеннаго. Если бъ я былъ знакомъ. А то какъ же я могу быть доволенъ или недоволенъ?

— Ахъ, вы безчувственный!

— Да, вѣдь, поймите же вы: это наяда, сирена, вакханка, сильфида...

— Вы должны обязательно сдѣлать визитъ. Правда, Вѣрунчикъ?

— Конечно, сегодня же идите.

— Но это не совсѣмъ удобно. Ни съ того, ни съ сего!

Надинъ махнула рукой.

— Э, чего тамъ неудобно! Идите и больше никакихъ! Идите сейчасъ. Правда, Вѣрунчикъ?

— А вже жъ! До обѣда и сходите. Обѣдъ не скоро.

— Что вы, что вы? Лидія Петровна не успѣла еще пріѣхать, отдохнуть не успѣла. Вдругъ на-те, пожа-

луйте, сокровище явилось! Какъ-нибудь потомъ — съ удовольствіемъ, хотя бы завтра...

— Сейчасъ идите, — Надинъ даже зажмурилась, предвкушая удовольствіе: — сейчасъ же, сію минуточку! Мы бы тоже съ вами пошли, только намъ нельзя. Мы на строго оффиціальной почвѣ. Тамъ есть дубовый лѣсокъ, нашихъ двѣ десятины, такъ она ихъ хочетъ себѣ присвоить. О, это хитрая женщина! У, какая хитрая!

Наконецъ — онъ только для виду протестовалъ — сестры убѣдили Макова.

Онъ усмѣхнулся, пожалъ плечами.

— Хорошо!

Надинъ и Вѣрунчикъ провели ее туда, гдѣ въ частоколѣ былъ устроенъ перелазъ. Напротивъ, черезъ глухую заросшую травою и бурьяномъ улочку — такой же перелазъ въ садъ генеральши.

— Пойдете на лѣвую руку по-подъ заборомъ и выйдете на главную дорожку, а тамъ прямисенько и домъ увидите.

Сестры долго провожали его глазами, пока онъ не исчезъ въ по-свадебному бѣлымъ цвѣтомъ убранныхъ вишняхъ. Сестры залились хохотомъ, ударяя себя по колѣнкамъ.

— Ото будетъ кумедія!

— Фаворитка почтоваго вѣдомства кончила свою авантюру, — пощипывая усы, торжественно изрекла Вѣрунчикъ.

— А потѣшно, Вѣрунчикъ, правда? Такой франтъ-пике, носъ въ табакѣ, и вдругъ черезъ перелазы — фить, фить живчикомъ!

Въ ожиданіи возвращенія Макова, барышни горѣли огнемъ нетерпѣнія. Но ждать пришлось недолго. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ явился пристыженный, сконфуженный.

— Вотъ видите, я говорилъ — она меня не приметъ. Выслала горничную сказать, что у нея съ дороги болитъ голова. «Въ другой разъ». Я ужъ теперь не пойду ни въ другой, ни въ какой. Не надо меня было посылать.

— Вотъ видишь, Надинъ, что ты надѣлала? Все зудила, зудила дз-дз-дз! Ужъ я-то знаю толкъ въ свѣтскихъ приличіяхъ.

— Ты же сама подзуживала, а теперь на меня.

— Я? И не думала, — вѣроломно отреклась Вѣрунчикъ.

За обѣдомъ сестры учетверили свое хозяйское радушіе. Но разстроенный Иванъ Алексѣевичъ ѣлъ неохотно и вяло.

## XVI.

Почтмейстеръ Шмидтъ не любилъ, чтобъ служащіе курили въ конторѣ. Въ особенности, кто помельче. Во-первыхъ, онъ не выносилъ табачнаго дыма, во-вторыхъ, — неуваженіе къ начальству. Почтальоны и сортировщики въ хорошую погоду курили у воротъ.

Вышелъ затянуться разокъ-другой и Поликарпъ Еремѣевичъ. Къ нему присоединился Якимченко.

— Хатишь? — ткнулъ онъ старшему сортировщику круглую жестянку изъ-подъ монпансье съ бурымъ табакомъ и желтой папиросной бумагой сверху.

— Спасибо! Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь, — отказался Поликарпъ Еремѣевичъ, скручивая папиросу и проводя по ней языкомъ.

— Не насилую, — сказалъ Якимченко и спряталъ жестянку въ карманъ штановъ. — А мой табакъ лучше твоего.

— Нехай себѣ лучше. Мы — люди семейные. Все по грошику, да по грошику. Это вы, кавалеры, роскошничаете. День-то какой марципанистый. Такъ бы и удралъ изъ этой проклятой конторы. Погрѣться да помечтать о высокихъ предметахъ.

— Куда?

— А хоть бы туда! — указалъ Поликарпъ Еремѣевичъ на кладбище. — Могилки, травка, деревья, однимъ словомъ, натуральная природа.

Якимченко улыбался тягучей, коварной улыбкой.

— Чего жъ тутъ такого смѣшного?

— Ничего.

Онъ улыбался еще коварнѣе. Опустивъ глаза, играя носкомъ сапога, онъ смотрѣлъ на него и повторялъ съ паузами:

— Ничего... ничего... ничего...

— Нѣтъ, ты скажи.

— Та ничего удивительнаго! Ей-Богу, ничего удивительнаго. Вспомнилъ про супружескую симпатію, такъ сказать. Ну, и капельку смѣшно стало.

— Какую еще выдумалъ симпатію? Отказываюсь понимать и соображать.

— Да годи жъ! Ото прицѣпился. Ну, слухай: жинка твоя, Маланья Ѳоминична, тамъ гуляетъ...

— Гуляетъ? — измѣнился въ лицѣ Поликарпъ Еремѣевичъ. — Съ кѣмъ?

— Ото, какой живый! О, такъ ему и скажи — заразъ — съ кѣмъ, — и Якимченко погрузился въ кокетливое созерцаніе своего сапога.

— Нѣтъ, слушай, такъ нельзя. Ты всегда мнѣ былъ товарищъ. Будь такой добрый, скажи, — схватилъ его за локоть старшій сортировщикъ.

Якимченко вырвалъ свою длинную сильную руку и взялся въ бока.

— Да ты меня не дразни, не распаляй. Чего дурня выкидываешь? Крути, — не верти, я тебѣ начальство!

— Начальство? Подумаешь! Такое начальство на сметникѣ валяется. Ты у меня гляди! — и онъ

Туды сюды ось-куды.
Туды сюды ось-куды.

поднесъ къ лицу Безштанька большой грязный, въ чернилахъ кулакъ, вылѣзшій далеко изъ коротенькаго обтрепаннаго рукава. — Какъ шваркну по мордѣ, — всѣ зубы посыплятся.

Поликарпъ Еремѣевичъ попятился.

— Чего ерепенишься? Сейчасъ прицѣпился до слова «начальство». Ты не гнѣвайся, голубь мой сизый, а проникни въ самый центръ моей психологіи. Мужъ я своей женѣ, чи нѣтъ? Если мужъ, такъ долженъ же я знать все, что до нее касается. Потому что она — моя законная жена и я питаю къ ней любовь.

— Люди добрые, — пожимая плечами, обратился Якимченко къ незримымъ свидѣтелямъ: — онъ думаетъ, что онъ мужъ! Ха-ха! Какой ты мужъ? Такъ себѣ — середка на половинкѣ. Прихвостень ты — вотъ что! А настоящій мужъ у твоей Маланьи Ѳоминичны — это господинъ акцизный, господинъ Маковъ.

— Что ты сказалъ?

— А то, что ваши ясновельможныя ушенятки чуяли, то и сказалъ. И сто разъ скажу!

— А ты имѣешь полное достаточное основаніе?

— Имѣю полное достаточное основаніе. Да ты чего ко мнѣ одному лѣзешь? Ты спроси кого завгодно — всякій скажетъ. Эхъ, сказалъ бы я тебѣ, кто твоя Маланья Ѳоминична, только мнѣ наплевать.

Лежачаго не бьютъ. Одначе, пора и до дѣла. Выбачайте на добромъ словѣ!

Въ столѣ Поликарпа Еремѣевича была деревянная коробка изъ-подъ сигаръ, гдѣ хранились выручаемыя за проданныя марки деньги. Безштанько взялъ оттуда тридцать копѣекъ, зашелъ послѣ дневной службы къ Заградкѣ, и — чего съ нимъ никогда не случалось, — напился. По дорогѣ домой онъ шатался, бормоча ругательства.

Вечеромъ Иванъ Алексѣевичъ былъ свидѣтелемъ разыгравшейся у сосѣдей семейной сцены. Онъ ея не видѣлъ, но слышалъ, потому что она была шумная. Доносился дикій пьяный крикъ Поликарпа Еремѣевича, пронизываемый острымъ отчаяннымъ визгомъ жены. Что-то грохотало, падало съ глухимъ стукомъ.

Блѣдный, съ трясущейся челюстью, Маковъ не отходилъ отъ окна. Закипало желаніе броситься туда и защитить Маланью Ѳоминичну. Нѣсколько разъ онъ хваталъ револьверъ, твердилъ себѣ, что долженъ, обязанъ вступиться, что косвенный виновникъ этой безобразной сцены — онъ, Маковъ, но не вышелъ. Называлъ себя мерзавцемъ, подлецомъ, трусомъ, но не вышелъ.

Позже, когда еще не протрезвившійся Поликарпъ Еремѣевичъ заснулъ крѣпкимъ хмѣльнымъ сномъ, Маланья Ѳоминична, улучивъ минутку, забѣжала къ Ивану Алексѣевичу. Боже, какой не интересной показалась она! Растерзанная, съ припухшими отъ слезъ глазами и синяками по всему лицу.

— Голубчикъ, Иванъ Алексѣевичъ, родненькій, вы же все слышали, для чего же вы меня не оборонили отъ этого гада?

— Меня не было дома. Я только что вернулся, — отвѣтилъ Маковъ, избѣгая встрѣчаться съ ея глазами. «Вотъ я лгу, нахально лгу и она это пожа-

луй, чувствуетъ, — подумалъ онъ. — Но что же дѣлать, если у меня нѣтъ силъ, нѣтъ воли сознаться въ нерѣшительности? Кромѣ того, оставался бы одинъ конецъ: это взять ее къ себѣ».

— Остерегайтесь. На колѣнкахъ васъ прошу — остерегайтесь. Онъ обѣщался васъ... побить.

Иванъ Алексѣевичъ выпрямился.

— Меня побить? Кто? Этотъ жалкій хамъ? Эта мразь! Да прежде, чѣмъ онъ... да я ему голову размозжу! Рука не дрогнетъ. Вотъ изъ этого самаго револьвера...

Маланья Ѳоминична, какъ виноватая, затихла, съежилась и робко смотрѣла на любимаго человѣка. Такъ смотрятъ на хозяина загнанныя собаки, которыхъ вотъ-вотъ выгонятъ, но которымъ некуда идти.

Маковъ шагалъ по комнатѣ, съ рѣшительнымъ видомъ, насвистывая серенаду Брага и размышляя о текущихъ событіяхъ.

«Въ общемъ, скверное положеніе! Поскорѣй надо изъ него выйти. Жаль ее, но какая же она мнѣ пара? Ея вульгарная рѣчь всегда меня коробила — теперь въ особенности. А тутъ еще этотъ болванъ, того-и-гляди, наскочитъ изъ-за угла съ дубиной. Не вызывать же мнѣ его на дуэль! Да онъ и не пошелъ бы. Почтовый сортировщикъ, дерущійся на дуэли!.. Все это не хорошо, очень не хорошо».

Долго еще насвистывалъ Иванъ Алексѣевичъ. Украдкой Маланья Ѳоминична слѣдила за нимъ. Чужимъ, холоднымъ, далекимъ казался онъ ей.

Маковъ собрался съ духомъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, мой милый другъ, — началъ онъ, останавливаясь передъ нею. — Какъ это ни грустно — что дѣлать! — я самъ очень жалѣю, но

намъ неудобно, прямо невозможно теперь встрѣчаться. Вы меня понимаете?

Отвѣта не было. Голова Маланьи Ѳоминичны опустилась.

— Вотъ видите, вы молчите, а вы должны были бы согласиться со мной. Каждую минуту можетъ вспыхнуть скандалъ, грязный, отвратительный скандалъ. Допустимъ, я его пристрѣлю. Но что же въ этомъ утѣшительнаго? Я бы терзался всю жизнь... Вотъ и сейчасъ, вы говорите, онъ спитъ. Но онъ можетъ проснуться, хватится васъ, пойдетъ сюда. Право, идите лучше домой. Завтра какъ-нибудь мы потолкуемъ, уладимъ всю эту исторію, а сейчасъ... право, лучше идите.

Голова опустилась еще ниже. Маланья Ѳоминична закрыла лицо руками. Маковъ услышалъ тихія всхлипыванья.

— Ну вотъ — слезы! Ахъ, эти мнѣ женскія слезы! Ну, чего же? Успокойтесь, голубушка. Въ сущности, положеніе дѣлъ вовсе ужъ не такое безнадежное. Мы уладимъ, все какъ-нибудь уладимъ, только не сегодня. И вы разстроены и я не въ меньшей же мѣрѣ. Вы думаете, мнѣ легко?

Иванъ Алексѣевичъ прикоснулся губами къ ея растрепаннымъ сбившимся волосамъ.

— Ну, не надо плакать, не надо! А то я самъ расплачусь. Я не могу. Ну, что же вы молчите? Скажите же что-нибудь, Бога ради. Вѣдь, правъ же я отъ перваго до послѣдняго слова. Развѣ нѣтъ?

Маланья Ѳоминична встала, двинулась къ дверямъ.

Онъ развелъ руками.

— Ну вотъ, ну вотъ... Нѣтъ ничего хуже такого молчанія. Подождите. Скажите мнѣ, что я долженъ сдѣлать? Я все сдѣлаю, честное слово!

Она открывала дверь.

— Нѣтъ, я не могу. Это — пытка! Я не могу. Я пущу себѣ пулю въ високъ!

Дверь закрылась. Маланьи Ѳоминичны не было.

— Ушла и хоть бы слово! Хоть бы кинула мнѣ въ лицо брань, оскорбленіе...

Онъ бросился къ дверямъ, уже взялся за ручку, но раздумалъ и махнулъ рукой.

— Что я ей скажу? Что? Ахъ, какъ все это гадко! Какъ все это ужасно!.. Нѣтъ, вонъ отсюда, изъ этого проклятаго болота! Не переведутъ — самъ уйду!

## XVII.

Вторично идти съ визитомъ къ Лидіи Петровнѣ Маковъ не рѣшился. А сестры каждый день упрямо твердили ему:

— Та ну бо жъ, глупости! Нездорова была и не приняла. У нея, по правдѣ, голова болѣла. Къ намъ Христя приходила. Христя намъ брехать не будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, больше я туда не ходокъ! — отмахивался Иванъ Алексѣевичъ.

Но желаніе увидѣть Лидію Петровну, познакомиться съ нею не засыпало ни на минуту. Въ надеждѣ встрѣтить ее, онъ бродилъ по мѣстечку, засиживался у сестеръ подолгу, томясь и скучая, — авось, какъ-нибудь случайно она придетъ. И тогда... Дальше это желаніе расплывалось въ какомъ-то розовомъ туманѣ.

Прошелъ мѣсяцъ. Генеральша никуда, рѣшительно никуда не показывалась. Отъ безплодныхъ томительныхъ ожиданій Маковъ изнылъ.

— Не везетъ мнѣ! — жаловался онъ кому-то въ пространство.

Къ Лащу за послѣднее время Маковъ охладѣлъ. Онъ хотѣлъ убѣдить себя, что Лащъ — безпардонный грубый дикарь. На самомъ же дѣлѣ, ему было стыдно предъ Ромуальдомъ Викентьевичемъ. Вся Покута знала, что Поликарпъ Еремѣевичъ избилъ жену и знала причину. Лащъ первымъ же дѣломъ спросилъ бы Макова:

— А вы гдѣ были, пане контролеже? Подъ юбку Бермановой спрятались?

И онъ ничего не могъ бы отвѣтить въ свое оправданіе.

Но Лащъ самъ о себѣ напомнилъ и напомнилъ съ громомъ и трескомъ.

Онъ былъ у Заградки. Выпилъ одну чарочку, другую, третью. Закусилъ излюбленнымъ щупакомъ съ перцемъ и вышелъ на базарную площадь. Несмотря на теплый лѣтній вечеръ, онъ не измѣнилъ своей солдатской шинели безъ погонъ. И попрежнему чрезъ плечо болталась шашка.

Торговый день кончился. Мужики въ свитахъ и кожухахъ разъѣзжались по деревнямъ. За мягко тарахтящими возами бѣжали въ облакахъ пыли жиденькіе тонконогіе жеребята. Отъ заѣзднаго дома Зусьмана протянулась чрезъ всю площадь длинная тѣнь. Садилось солнце.

Въ головѣ Ромуальда Викентьевича слегка шумѣло. Онъ шелъ безъ опредѣленной цѣли. Шелъ и напѣвалъ:

Выпилъ куба до Якуба,
Якубъ до Михала.

Онъ свернулъ въ кривую улицу съ покосившимися сѣрыми заборами, низенькими, точно вросшими въ землю домиками и молодыми тополями. Лащъ медленно подвигался, останавливался, раскуривалъ погасавшую люльку и отравлялъ тихій вечерній воз-

духъ махорочнымъ дымомъ. Впереди онъ увидѣлъ Маланью Ѳоминичну. Легенькій платочекъ спустился на шею. Лащъ вспомнилъ Макова, мысленно выругалъ его медовымъ паничемъ и дрянцомъ. Торопливыми шагами, не замѣчая его, обогналъ Ромуальда Викентьевича офицеръ въ бѣломъ кителѣ. Онъ почти бѣжалъ, ударяя себя въ тактъ хлыстомъ по рейтузамъ. Фонъ-Гогель поравнялся съ Маланьей Ѳоминичной и что-то заговорилъ. Она пошла быстрѣе. Поручикъ за нею, обнялъ и сталъ цѣловать. Съ крикомъ и бранью она старалась вырваться.

Поручикъ выпустилъ женщину, выпустилъ потому, что его сильно и грубо схватили за плечо.

— Приставать къ честнымъ женщинамъ! Скотина!

Взбѣшенный фонъ-Гогель, размахнувшись, ударилъ его хлыстомъ по лицу.

— Гаа! — зарычалъ освирѣпѣвшій Ромуальдъ Викентьевичъ.

Онъ мгновенно выхватилъ шашку и глубоко разрубилъ офицеру плечо. Фонъ-Гогель зашатался, мотнулась голова, упала на землю фуражка. Съ закушенной до крови губою и звѣрски вытаращенными глазами Лащъ хотѣлъ повторить ударъ, изрубить поручика, но между ними съ воплемъ бросилась Маланья Ѳоминична.

Лащъ былъ арестованъ, уволенъ со службы и преданъ суду за покушеніе на убійство офицера. Фонъ-Гогеля, когда онъ оправился отъ раны, перевели въ другой полкъ.

Слѣдствіе велъ Тарановъ.

— Я всегда утверждалъ, — говорилъ онъ, потирая руки: — что этотъ господинъ — чистокровный злодѣй, по которому тюрьма и Сахалинъ плачутъ уже давно.

Но, къ великому огорченію Таранова, до Сахалина дѣло не дошло. Окружной судъ приговорилъ бывшаго объѣздчика къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія. Среди присяжныхъ только одинъ голосъ былъ за оправданіе подсудимаго.

Лащъ съ болью въ сердцѣ поручилъ Чернобантову продать Заиру. Когда въ тюрьмѣ онъ узналъ, что Заира продана, онъ заплакалъ.

Хлыщеватый надзиратель, оповѣщенный про участь бывшаго объѣздчика, сказалъ:

— Туда ему и дорога!

Чернобантовъ, по мягкости своей, нерѣшительно возражалъ, но это не мѣшало ему каждую субботу навѣщать Ромуальда Лаща и посылать въ тюрьму разную снѣдь до малороссійскаго борща включительно.

Зазулевичъ оралъ на всѣхъ перекресткахъ:

— Наконецъ-то мы, честные мирные граждане, избавились отъ этого урвиса, шибеника! Милостиво съ нимъ обошлись. Повѣсить бы его!

Отъ радости длинный становой готовъ былъ пройти по базарной площади колесомъ.

Въ числѣ немногихъ доброжелателей Ромуальда Викентьевича были, разумѣется, Маланья Ѳоминична, Маковъ и Берманова. Иванъ Алексѣевичъ все собирался въ городъ навѣстить Лаща, да такъ и не собрался. Когда Берманова вспоминала пана Ромуальда, ея глаза увлажнялись.

— Кепско скончилъ панъ Ромуальдъ, кепско. Хорошъ человѣкъ былъ! Накричитъ, натопаетъ — у, зарублю! — а самъ такой добрый, ласковый. Душа, якъ у дытыны, ей-Богу!

---

Обѣдать кончили. Было жарко и скучно въ столовой. Жужжали мухи, густыми черными роями облѣпливая сладкія жирныя пятна скатерти. Усатая Вѣрунчикъ и Маковъ курили въ ожиданіи чая. Вошла нянька съ подносомъ, на которомъ звенѣли стаканы.

Маковъ смотрѣлъ черезъ открытое окно въ садъ. На исчезавшей между кустами крыжовника дорожкѣ лѣниво рѣзвились и прыгали воробьи. На зеленыхъ полянахъ, какъ дряхлые калѣки-инвалиды, стояли груши, яблони съ вымазанными глиной стволами и цѣлыми системами подпоръ.

— А мы уже сдали садъ, — пробасила Вѣрунчикъ.

— Кому?

— Москалю одному изъ Новозыбкова. Урожай на яблоки будетъ хорошій, на груши — не такъ.

Маковъ не слышалъ.

— Кто-то идетъ — вырвалось у него и онъ вздрогнулъ.

— Поздравляю! Лидія Петровна собственной персоной! Побѣгу ее встрѣтить.

Вѣрунчикъ ткнула папиросу огнемъ въ пепельницу, изображавшую двѣ руки, сложенныя горстью, и кое заторопилась навстрѣчу гостьѣ.

Иванъ Алексѣевичъ покраснѣлъ, лихорадочно соображая, какой взять тонъ, какъ вести себя, хотѣлъ побороть охватившую его внутреннюю дрожь. Къ верандѣ уже подходили тонкая стройная, какъ дѣвушка, Лидія Петровна въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ и рядомъ съ нею, идущей такъ легко и плавно, тяжело ковылявшая мужеподобная Вѣрунчикъ. Маковъ всталъ, обдернулъ жилетъ, пиджакъ, сѣлъ и опять всталъ.

— Лида, позволь тебя познакомить: нашъ столовникъ, господинъ Маковъ.

Лидія Петровна, не протягивая руки, ограничилась надменнымъ кивкомъ. Иванъ Алексѣевичъ, предвкушавшій, какимъ онъ зарекомендуетъ себя свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ и какъ, осторожно приподнявъ маленькую руку генеральши вровень со своими губами, почтительно поцѣлуетъ ее, сконфузился.

Въ это время появилась изъ кухни, бряцая ключами, Надинъ. Ротъ ея былъ темносиній отъ черники.

— Лида! Съ пріѣздомъ! Ты насъ совсѣмъ забыла! — ринулась Надинъ къ генеральшѣ съ открытыми объятіями.

Лидія Петровна подставила ей щеку.

— А ты все такая же грязнуля! Всѣ губы въ черникѣ.

— Забыла выполоскать ротъ, — и огрубѣвшей рабочей ладонью Надинъ основательно провела по губамъ.

Лидія Петровна поморщилась.

— Я къ вамъ на минутку — по дѣлу. Вы разрѣшите? — уронила она Макову.

— Пожалуйста, конечно, — обрадовался тотъ, галантно расшаркиваясь.

Онъ сѣлъ, потомъ всталъ.

— Я — ко дворамъ.

— Да ну бо, — глупости! Сидите вы. Чай еще будемъ пить. Лидочка, мы пройдемъ туда къ намъ, хорошо?

Маковъ остался одинъ. Онъ нервно курилъ. Папироса дрожала въ его пальцахъ. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ генеральшей, смотрящей на него сверху внизъ. Она даже не протянула ему руки. Но, въ самомъ дѣлѣ, почему она должна быть внимательна къ столовнику (противное, мѣщанское слово! Кто его выдумалъ?) скромному (онъ чуть было не подумалъ «ничтожному») акцизному чиновнику?

— А хороша, дивно хороша! — восторженно проносилось у Макова.

Знойная, рожденная подъ горячимъ солнцемъ, красота скоро отцвѣтаетъ и вянетъ. Но генеральша была исключеніемъ. Правда, въ густыхъ черныхъ матовыхъ, безъ блеска, волосахъ серебрились бѣлыя нити. Лицо же смугловатаго, ровнаго тона — молодое, свѣжее. Большіе черные глаза съ желтоватыми бѣлками такъ ярко освѣщали все лицо, что оно казалось блѣднымъ. У этой женщины, которой приписывали много интересныхъ романовъ, былъ маленькій ротъ съ тонкими, хранящими какую-то надменную складку, губами, вовсе не говорящими о чувственности ихъ обладательницы.

— Вотъ и мы! А теперь чаечку! Нянька, а нянька! Самоваръ! Лидочка! Ты съ нами выпьешь чашечку?

— Мнѣ пора.

— Та ну бо жъ! Годи! Въ кои вѣки видимся. Посиди! Разскажи намъ про заграницу, про все, гдѣ бывала, что чувала. Вотъ и Иванъ Алексѣевичъ послушаетъ. Онъ — петербургскій, Лидочка!

— Я уже слышала это, — отозвалась генеральша, и съ видомъ существа, обрекшаго себя на скуку, и готоваго ежеминутно уйти, сѣла на придвинутый Вѣрунчикомъ стулъ. Съ какимъ-то оскорбительнымъ спокойствіемъ, какъ вещь, разсматривала она столовника своихъ родственницъ. Это продолжалось не болѣе секунды. Маковъ не выдержалъ взгляда большихъ непроницаемыхъ, съ желтоватыми бѣлками, глазъ и опустилъ вѣки. Онъ зналъ, угадывалъ, что ему дѣлаютъ экзаменъ. Весь вопросъ въ томъ, выдержитъ или не выдержитъ? Улыбка, вѣрнѣе, легкій намекъ на нее, тронула губы Лидіи Петровны. Она рѣшила, что съ этимъ чистенькимъ, хорошенькимъ и

не безъ воспитанія мальчикомъ можно, пожалуй, разговаривать. Тихимъ, какъ будто утомленнымъ, немного въ носъ, голосомъ она спросила:

— Вы давно изъ Петербурга?

— Съ осени, ваше превосходительство.

На этотъ разъ Лидія Петровна улыбнулась, какъ слѣдуетъ, и улыбнулась благосклонно.

— Не называйте меня вашимъ превосходительствомъ. У васъ еще не вытравилась столичная привычка. За границей на каждомъ шагу — votre excellence, votre excellence — не знаешь, куда дѣваться!

Пыхтя отъ усилій, маленькая, похожая на всколошмаченную птицу, нянька внесла тяжелый самоваръ. Она съ размаху бухнула его на столъ и вытерла свой клювъ подоломъ сподницы.

— Якъ же ваше здоровьичко? Якъ йздилось?

— Благодарствуйте, няня.

Видя, что разговоръ конченъ, старуха ушла. Лидія Петровна замѣтила сестрамъ:

— Въ какомъ видѣ вы ее выпускаете? Какая-то... росомаха.

Вѣрунчикъ, махнувъ рукой, пробасила:

— Этъ! Зъ нею ничего не зробишь! Ужъ сколько разъ говорили ей и я, и Надинъ.

— Я не разслышала вашу фамилію?

— Маковъ.

— Скажите, вы не родственникъ министра, который такъ трагически кончилъ?

— Двоюродный племянникъ, — вдохновенно солгалъ Маковъ.

— Да? Я встрѣчала вашего дядю. Онъ былъ — такой милый. Кто бы ожидалъ?

— Вотъ тебѣ и разъ, Иванъ Алексѣевичъ, что же вы молчали? Племянникъ такой особы, какъ ми-

нистръ, и молчитъ! — воскликнула хлопочущая у самовара Надинъ.

Лидія Петровна сдѣлала два-три маленькихъ глотка и отодвинула чашку.

— Иду.

— Вже? Ото, ей-Богу, и посидѣть съ нами не хочетъ. Если бъ не про эти дубки... — Надинъ осѣклась подъ строгимъ взглядомъ генеральши: — если бы не дѣло, только бъ мы тебя и бачили.

— Ну, вотъ, пустяки, — снисходительно улыбнулась генеральша, нехотя подставляя Надинъ и Вѣрунчику щеку для поцѣлуя.

Прежде, чѣмъ приложиться, Надинъ вторично обтерла губы рукой.

Вѣрунчикъ накинулась на Макова:

— Иванъ Алексѣевичъ, гдѣ жъ это видано? Такой галантный кавалеръ... извольте провожать Лидію Петровну. Лидочка, ты позволишь?

— Отчего же?

— Съ величайшимъ наслажденіемъ, — лепеталъ Маковъ.

Они шли вдвоемъ по дорожкѣ. Лидія Петровна была немногимъ ниже своего спутника. Она смотрѣла передъ собою, а Маковъ любовался ея тонкимъ профилемъ, густымъ, тяжелымъ узломъ волосъ и блѣдно-матовой шеей, которая такъ стройно выходила изъ открытаго батистоваго лифа. Иванъ Алексѣевичъ вдыхалъ ароматъ какихъ-то невѣдомыхъ ему духовъ и хотѣлъ представить себѣ изящныхъ и знатныхъ мужчинъ которымъ была близка эта женщина.

— Заходите какъ-нибудь до часу, — сказала ему генеральша, когда у перелаза онъ обрадовался случаю поддержать ее за локоть.

Короткимъ, граціознымъ жестомъ, какъ парижанка, приподняла Лидія Петровна платье. Въ

моментъ легкаго прыжка, Маковъ увидѣлъ обтянутыя шелковыми чулками икры въ бѣлоснѣжной пѣнѣ юбокъ, увидѣлъ маленькія ноги въ желтыхъ щегольскихъ башмакахъ и у него потемнѣло въ глазахъ...

Когда онъ вернулся, въ столовой былъ слышенъ еще ароматъ духовъ Лидіи Петровны.

Надинъ жадно нюхала воздухъ, повторяя:

— Ай, какъ хорошо пахнетъ! Вѣрно, дорогіе духи! По рублю баночка!

— Не баночка, а флаконъ, — поправила Вѣрунчикъ.

## XVIII.

Вмѣсто Ромуальда Викентьевича прибылъ новый объѣздчикъ, солидный, одѣтый въ сюртучную пару, съ длинными густыми баками. Онъ пришелъ къ Ивану Алексѣевичу съ визитомъ въ котелкѣ и желтыхъ перчаткахъ. Сидѣлъ вытянувшись чинно и держа шляпу. Фамилія его была Бутылкинъ.

— А гдѣ вы раньше служили? — полюбопытствовалъ Маковъ.

— Я-съ? Я былъ камердинеромъ у барона Розена. Баронъ уѣхали въ Америку, а меня устроили по акцизному вѣдомству. Я недолго полагаю служить въ объѣздчикахъ. Его превосходительство, господинъ управляющій акцизными сборами обѣщали-съ представить меня черезъ годъ въ надсмотрщики, а потомъ въ контролеры.

Бутылкинъ время отъ времени сопровождалъ свою рѣчь плавными округленными жестами. Онъ, видимо, копировалъ визитеровъ и гостей своего барона.

Прошлое Бутылкина покоробило Ивана Алексѣевича. «Лакей! Ужъ лучше простой мужикъ, чѣмъ лакей. И вотъ я долженъ подавать ему руку, а

через нѣсколько лѣтъ онъ будетъ моимъ начальствомъ».

— Служба — трудная. Вы умѣете ѣздить верхомъ?

— Умѣю-съ. До барона я отбывалъ воинскую повинность въ Конномъ полку. Стоитъ въ Петербургѣ. Вы изволили бывать въ Петербургѣ?

— Я самъ петербуржецъ.

— Весьма пріятно въ такой провинціальности встрѣтить образованнаго столичнаго человѣка.

Бутылкинъ подружился съ Бороздичемъ и они вмѣстѣ со становымъ облагали данью контрабандистовъ. Все шло тихо, мирно, безъ столкновеній и поимокъ, какъ это было при Лащѣ. Узнавъ, что Бутылкинъ служилъ камердинеромъ у важной персоны, становой началъ заискивать у него, съ благоговѣніемъ разспрашивалъ о привычкахъ и нравахъ петербургскаго большого «свѣта». Становиха находила Бутылкина обворожительнымъ и засыпала вопросами, что теперь дамы носятъ. Особа пылкая, восторженная, г-жа Зазулевичъ не скрывала, что Бутылкинъ ей весьма и весьма нравится. Это не входило въ планы Бороздича и если бъ не взаимные темные гешефты, Бутылкинъ пріобрѣлъ бы въ лицѣ ревниваго урядника лютаго врага. Оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, Бороздичъ говорилъ:

— Я — дворянинъ и былъ въ кадетскомъ корпусѣ, а онъ — хамъ! А если на немъ сюртукъ хорошо сидитъ, — не велика бѣда. Вонъ камердинеръ графа Булгака еще лучше одѣвается!

Маковъ началъ бывать у генеральши.

Большой свѣтлый одноэтажный домъ Лидіи Петровны находился въ концѣ мѣстечка на пригоркѣ, полого спускавшемся къ озеру. Переднимъ

фасадомъ онъ выходилъ на дворъ съ кругомъ изъ сиреневыхъ кустовъ. Большое озеро было хорошо видно изъ усадьбы. Двѣ громадныя липы въ концѣ двора служили для него рамой. Кой-гдѣ поросшіе тростникомъ — берега самыхъ причудливыхъ очертаній. У самаго берега — группа густыхъ ольхъ. Дальше, — вспаханныя полосы вперемежку съ золотистыми коврами ржи и нѣжно-зеленаго усатаго ячменя. За озеромъ, — луга, виднѣлись соломенныя крыши хуторовъ, а далеко по горизонту полосами чернѣлъ лѣсъ. На озерѣ было шесть острововъ разной величины; всѣ они были возвышенные и густо покрыты лѣсомъ, который начинался у самой воды. Издали казалось, что это поросшія гигантскимъ темнозеленымъ мохомъ горы, вынырнувшія изъ-подъ ровной водной глади.

И безъ того живописный видъ казался Макову еще живописнѣй, потому что Иванъ Алексѣевичъ любовался имъ изъ оконъ Лидіи Петровны. Она принимала его въ комнатѣ, носившей характеръ полукабинета, полугостиной. Отъ каждой вещицы здѣсь вѣяло какимъ-то строгимъ, не разнѣживающимъ, а, скорѣй, бодрящимъ комфортомъ. Съ особеннымъ уваженіемъ относился Иванъ Алексѣевичъ къ письменному столу съ изящно обрамленными фотографіями крупныхъ сановниковъ и генераловъ съ такими простыми и милыми по адресу Лидіи Петровны автографами. Совершенно машинально, платонически мелькало у Макова, что любой изъ этихъ звѣздоносцевъ двумя-тремя словами могъ бы вознести его на головокружительную служебную высоту.

Обычное мѣсто Лидіи Петровны — легкая вѣнская качалка. Полулежа въ ней, она сѣтовала на головныя боли. Въ такихъ случаяхъ (а это бывало часто) Иванъ Алексѣевичъ срывался съ мѣста, готовый

летѣть въ аптеку. Но тихимъ томнымъ голосомъ она останавливала его:

— Сидите, не надо, — пройдетъ...

Въ ихъ отношеніяхъ была слишкомъ рѣзкая разница. Иванъ Алексѣевичъ изнывалъ и пламенѣлъ отъ своей влюбленности, она же только допускала его присутствіе. Можно было подумать, что уже отцвѣтающая красавица, прежде чѣмъ спѣть свою лебединую пѣсню, съ обдуманностью опытнаго вооруженнаго противника, холодно, расчетливо измѣряетъ силу своихъ притягательныхъ чаръ. Наиграннымъ равнодушіемъ своимъ владѣла она въ совершенствѣ. Но иногда, весьма рѣдко, правда, смотрѣла на Макова такимъ тягучимъ, говорящимъ взглядомъ, отъ котораго у него выступали слезы и онъ весь настораживался... Это продолжалось мгновеніе. Лидія Петровна опускала вѣки, а когда поднимала ихъ вновь, глаза хранили такое выраженіе, словно въ комнатѣ, кромѣ нея, никого не было.

Самолюбіе Макова страдало. Она ни о чемъ не разспрашивала его: ни о службѣ, ни о жизни въ Покутѣ, ни о его петербургскомъ существованіи. Вообще, говорила больше Лидія Петровна. Собесѣдница она была интересная. Разсказывая свои заграничныя впечатлѣнія, она не увлекалась, не повышала своего тихаго голоса, но именно этимъ создавалось извѣстное настроеніе. Фразы ея не отличались пластичной округленностью. Не потому, чтобъ она не могла, а просто ей было лѣнь. Устало, нехотя, бросала она ихъ. Но сквозь эти отрывочныя небрежныя фразы Ивану Алексѣевичу ярко и выпукло рисовался нарядный, блестящій Парижъ. Онъ переживалъ пестрый феерическій карнавалъ Рима и Ниццы и плылъ серебристою лунною ночью въ гондолѣ по Венеціанскимъ каналамъ.

Чуть касаясь пола носкомъ туфли, Лидія Петровна приводила качалку въ движеніе. Тамъ далеко, словно море огня, пылаетъ озеро въ яркихъ причудливыхъ краскахъ заката. А въ комнатѣ прохладно и надвигаются прозрачныя сумерки. Маковъ — одно вниманіе, ловитъ, жадно ловитъ голосъ этой женщины.

— Высоко луна. Небо — черное, бархатное. Весь Canale-Grande — плавучій концертъ. Онъ весь иллюминованъ... медленно скользятъ огни. Нѣтъ переходовъ: то яркій свѣтъ, то черная тьма. Черная вода, черные силуэты спящихъ по берегамъ церквей, палаццо. Впереди вся въ фонаряхъ гондола съ музыкантами и пѣвцами. Нѣжно, мягко несется по водѣ невидимый голосъ. Онъ уплываетъ вмѣстѣ съ гондолой. Она, какъ живая сирена, манитъ за собой другія. Цѣлая флотилія, послушная, безмолвная. И хочется плыть безъ конца за этими голосами — то мягкими, женскими, то сильными, могучими мужскими. Настоящее исчезаетъ... Чудомъ переносишься въ старую Венецію... Дожи, догарессы. Кажется, что темныя окна заснувшихъ палаццо оживаютъ, въ нихъ потревоженныя тѣни. На балконѣ чудятся фигуры величавыхъ старцевъ... отороченныя мѣхомъ шапочки, закрывающія уши... На груди цѣпи... Рядомъ красивыя, гордыя женщины...

Тихо, какъ въ забытьи говоритъ Лидія Петровна.

— Ахъ, какая вы счастливая! Вы все это видѣли! — вырывается со вздохомъ у Макова.

Покута, служба, будничная жизнь, Берманова, Маланья Ѳоминична, сестры Агроновичъ, все это кажется ему такимъ ничтожнымъ. Въ душѣ поднимается чувство зависти. Цѣлые годы отдалъ бы онъ, чтобы только пережить вмѣстѣ съ нею эту гармоничную смѣну волшебныхъ впечатлѣній. И онъ закипалъ ненавистью къ тѣмъ, которые были рядомъ съ нею

въ гондолѣ и въ потемкахъ балдахина цѣловали ея руки, губы...

Всѣ эти ощущенія читались на лицѣ Ивана Алексѣевича. Читала ихъ и Лидія Петровна, оставаясь въ то же время непроницаемой, какъ сфинксъ.

## XIX.

Проснувшись, Иванъ Алексѣевичъ увидѣлъ, какъ лапоухій Копылевичъ, въ своемъ неизмѣнномъ офицерскомъ поясѣ, и еще одинъ еврей выносили изъ флигеля сосѣдскій скарбъ; здѣсь, на дворѣ, эти жиденькія кровати, грубыя стулья казались еще невзрачнѣй, чѣмъ въ комнатахъ.

Берманова пояснила:

— Воны перебираются на другую квартиру. Онъ не хочетъ жить съ паномъ увъ одномъ дворѣ.

— Да?— машинально спросилъ Иванъ Алексѣевичъ.

Онъ такъ весь былъ полонъ Лидіей Петровной, такъ овладѣла она его мыслями, желаніями, что онъ забылъ, вѣрнѣе, хотѣлъ забыть свой сѣренькій, отъ нечего дѣлать, романъ, — если его только можно было назвать романомъ, — съ женой Поликарпа Еремѣича.

— Вы похудѣли, — слышалъ онъ отъ знакомыхъ.

— Да?

Онъ изнывалъ, считая часы и минуты, когда увидитъ Лидію Петровну. Отъ встрѣчи до встрѣчи онъ убивалъ время въ какомъ-то слоняющемся ничего неделаніи. Забросивъ службу, чтеніе. Невозмутимый, добродушнѣйшій Чернобантовъ сдѣлалъ ему выговоръ, мягкій, расплывчатый, но все же выговоръ. Мать писала, что тетя Соня подумываетъ съ помощью своихъ связей перевести его въ Петербургъ. Боится,

что племянникъ одичаетъ совершенно въ этой глуши. Маковъ благодарилъ тетю Соню за хлопоты, но выразилъ твердое желаніе остаться.

---

Становиху звали Олимпіадой. 26-го іюля, по случаю имянинъ ея, въ становой квартирѣ собрались гости. Былъ и Маковъ. Этотъ день сопровождался всегда обильными приношеніями торговаго люда Покуты, понуждаемаго Зозулевичемъ къ выраженію чувствъ. Несли чай, сахаръ, контрабандныя матеріи, леденцы, сало, окорока, вина. Изъ этихъ доброохотныхъ даяній вырастали цѣлыя горы въ большой кладовой, которую запирала собственноручно хозяйственная Олимпіада Ивановна.

Въ этотъ лѣтній вечеръ виновница торжества изнемогала въ тяжеломъ расшитомъ стеклярусомъ платьѣ. Она умышленно не надѣла чего-нибудь легенькаго, боясь согрѣшить противъ хорошаго тона. Въ особенности смущалъ ее Бутылкинъ, отдавшій свои лучшіе годы великосвѣтскому обществу. Олимпіада Ивановна принимала гостей, сидя на диванѣ. Она томно улыбалась.

— Ахъ, я такъ устала за цѣлый день — вы не повѣрите!

Кромѣ Бутылкина и Макова, были еще попъ съ попадьей, Бороздичъ, завѣдующій двухкласснымъ училищемъ Зенченко, письмоводитель станового Антоновичъ и какіе-то неопредѣленные люди, которыхъ Иванъ Алексѣевичъ видѣлъ впервые.

За исключеніемъ тихой безмолвной попадьи, дамъ не было. Олимпіада Ивановна не выносила дамскаго общества. Ей хотѣлось быть полновластной царицей безъ всякаго соперничества.

Въ кабинетѣ приготовлялись карточные столы. Въ гостиной пили чай съ вареньемъ, конфектами и орѣхами. Босоногая горничная Палашка втащила громадный жестяной подносъ, на которомъ вздымались горы всевозможныхъ сластей. Пугливо, словно ее ударятъ, тыкала она подносъ гостямъ прямо въ физіономію.

Больше всѣхъ возмутила неуклюжая Палашка Бутылкина. Она оскорбила его въ лучшихъ его чувствахъ.

— Эхъ, давай сюда. Никакой въ тебѣ элегантности нѣту!

Онъ вырвалъ изъ рукъ оторопѣвшей дивчины подносъ и, строгій, важный въ своемъ черномъ сюртукѣ, блестяще обошелъ гостей. Этимъ онъ окончательно покорилъ сердце Олимпіады Ивановны. Она апплодировала ему:

— Брраво, брраво, Михаилъ Потапычъ! Какой вы бонтонный!

Ревность Бороздича достигла крайнихъ предѣловъ. И, желая затмить соперника, сокрушить ему главу, онъ, прищелкивая каблуками, ни съ того ни съ сего началъ выдѣлывать балетныя па. Но это крайнее средство не имѣло успѣха, вызвавъ у имянинницы недоумѣвающую гримасу. Звѣзда Бороздича померкла.

— О, женщины, женщины!—думалъ онъ, сердито сидя рядомъ съ Зенченко и вращая глазами.—Презрѣнная, давно ли она восхищалась моимъ танцевальнымъ искусствомъ! И кѣмъ я замѣненъ, кѣмъ? Лакеемъ, котораго за невычищенные сапоги били по мордѣ.

— Нельзя вѣрить женщинамъ,—правда, Семенъ Семеновичъ?—обратился онъ къ Зенченкѣ, человѣку съ краснымъ прыщеватымъ лицомъ.

— Женщинамъ? Хм! Отчего же? Нѣтъ, можно!— отвѣтилъ безучастный къ его горю Зенченко и довольный, что присоединился къ графину съ ямайскимъ ромомъ.

Каждое воскресенье завѣдующій двухкласснымъ училищемъ напивался у Заградки до безчувствія. Его торжественно уносили домой и когда эта процессія слѣдовала черезъ площадь, въ толпѣ слышались голоса:

— Наставника несутъ! Наставника несутъ!

Лысый, одноглазый письмоводитель, отецъ многочисленной семьи, украдкой опускалъ конфекты и орѣхи въ карманъ своего парусиннаго пиджака. При этомъ онъ мысленно считалъ: Лельцѣ, Ванѣ, Гаврику, Марусѣ, Юльцѣ, Андрейкѣ, Фросѣ. Отеческое воображеніе рисовало ему отрадную картину дѣтскаго восторга при видѣ лакомствъ.

Олимпіада Ивановна поманила къ себѣ пальчикомъ Ивана Алексѣевича.

— Мусье Маковъ, я слышала, вы часто бываете у генеральши Агроновичъ? Скажите, это правда, что она беретъ молочныя ванны? Мнѣ Берманова говорила.

Маковъ улыбнулся.

— Право не знаю. Это интимная сторона.

— И еще вливаетъ туда бутылку вина, шесть рублей бутылка?

— Тоже ничего не могу сказать.

— Жаль. Знаете что, мусье Маковъ, вы у нея спросите. Если это хорошо для здоровья, то я тоже буду брать молочныя ванны. Увидите — непремѣнно спросите. О, я знаю, — кокетливо погрозила становиха: — вы часто бываете. Я все знаю... Михаилъ Потапычъ, идите сюда!

— Къ вашимъ услугамъ-съ!

— Скажите, вы встрѣчали въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ генеральшу Агроновичъ?

— Встрѣчалъ-съ. Они у барона съ покойнымъ мужемъ бывали.

— Вотъ видите,—обрадовалась Олимпіада Ивановна:—это наша покутская. Мусье Маковъ ухаживаетъ за нею. Вы знаете, она беретъ молочныя ванны и вливаетъ туда бутылку вина, шесть рублей бутылка.

— Что же-съ? Портвейнъ или мадера? За шесть рублей вино хорошее. У барона всегда къ столу шестирублевая мадера. А касательно молочныхъ ваннъ у насъ въ Петербургѣ всѣ аристократическія дамы ихъ принимаютъ, только безъ вина. Какая-нибудь ароматическо-душистая эссенція—вотъ это практикуется.

— Ахъ,—мечтательно закатила выпученные глаза Олимпіада Ивановна:—непремѣнно заведу себѣ молочныя ванны...

Ужинъ былъ пьяный, какъ большинство такихъ ужиновъ. Всѣ кричали, не слушая другъ друга, пили и ѣли, ѣли и пили, чавкая ртами, перегрызая кости, усердно вращая бѣлками—не взялъ ли себѣ сосѣдъ больше? Кричали «горько» и нѣсколько разъ супруги Зазулевичъ должны были поцѣловаться

Бороздичъ и Бутылкинъ — вотъ уже свела судьба!—очутились рядомъ. Урядникъ придрался къ случаю и хватилъ счастливаго соперника по шеѣ. Скандалъ не разыгрался только благодаря свѣтскому такту Бутылкина. Онъ не отвѣтилъ Бороздичу рукоприкладствомъ, ограничившись только шипѣньемъ:

— Милостивый государь! Вы отвѣтите за это барьерой!

## XX.

Коренной петербуржецъ — Маковъ никогда еще не охотился. До сихъ поръ стрѣлять приходилось ему лишь по металлическимъ раскрашеннымъ мишенямъ въ тирахъ увеселительныхъ садовъ. Теперь, сидя въ чернобантовской бричкѣ, съ ружьемъ, которое подпрыгивало на ухабахъ межъ колѣнями, онъ испытывалъ какое-то горделивое чувство.

Въ трехъ бричкахъ катившихся одна за другой по широкой усаженной тополями дорогѣ, сидѣли охотники. Чернобантовъ сопровождалъ компанію для пріятнаго времяпровожденія. Онъ до смерти боялся всякаго оружія, въ особенности огнестрѣльнаго, и пугливо косился на двухстволку Макова.

— Смотрите, батенька, вдругъ заряжено. Какъ бацнетъ — пиши пропало! Знаете, разъ былъ такой случай...

Иванъ Алексѣевичъ успокаивалъ его:

— Христофоръ Ивановичъ, во-первыхъ, оно не заряжено. Смотрите, вѣдь, это система Лефоше. Если бъ было заряжено, сюда въ курки упирались бы иголочки... Видите, какъ патронъ устроенъ. А во-вторыхъ, если бы и такъ, — вы думаете, я не знаю, какъ надо обращаться? Надо держать ружье вертикально, чтобъ конецъ дула приходился выше головы. Выстрѣлитъ — не бѣда. Въ небо весь зарядъ уйдетъ.

— Ну, батенька, все жъ таки: береженаго Богъ бережетъ. Кромѣ того, лошади могутъ испугаться, понесутъ. Вообще пріятности мало. И охота жъ вамъ заниматься этой охотой!

Сидѣвшій на козлахъ неизмѣнный Василь хмыкнулъ.

— Ты еще чего тамъ зубы скалишь?

Мене смишьки берутъ, всего-то мій панъ боиться? Разъ въ ночи куста злякався. «Погоняй, каже, Василько, погоняй!» А то кустъ, — простисенькій кустъ.

— Но, но, ты дурень, — разбрехался, — осадилъ его сконфуженный Чернобантовъ.

— А хиба жъ не правда?

— Еще одно слово — и я прогоню тебя съ козелъ, ей Богу, прогоню.

Василь умолкъ, пожалъ плечами и видно было что по его косоглазому плутовскому лицу бродитъ насмѣшливая улыбка.

Въ ближайшей бричкѣ ѣхалъ лѣсничій графа Булгака, маленькій горбоносый чехъ Джига, въ мягкой зеленой шляпѣ съ перомъ и въ куцой сѣренькой курткѣ. Онъ имѣлъ видъ тирольскаго охотника. Джига считался первымъ послѣ Лаща стрѣлкомъ въ уѣздѣ.

Было жаркое августовское утро, тѣни тополей перебѣгали пыльную дорогу. Грязно-желтыя скошенныя поля уходили съ обѣихъ сторонъ къ горизонту, гдѣ синими полосами намѣчались лѣса. Отъ бричекъ не отставали собаки — понтера и сеттера, бѣлые, черные, сѣрые, въ каштановыхъ пятнахъ, съ пушистыми и упругими, острыми какъ бичи, хвостами. Они кружились, стрѣлой уносились въ поле, возвращались назадъ и прыгали у колесъ, неутомимые, легкіе, съ высунутыми влажными языками.

Охотники свернули съ большой дороги на узкую проселочную и остановились у большого болота, что славилось обиліемъ бекасовъ и дупелей. Межъ зелеными мшистыми кочками серебрилась на солнцѣ вода. Мѣстами она была красноватая, какъ запекшаяся кровь. Собаки изъявляли шумную радость, прыгая около хозяевъ, виляя хвостами и подвывая. Наиболѣе

нетерпѣливыя бросились въ болото, спугивая крохотныхъ птичекъ. Онѣ возвращались на зовъ, грязныя по брюхо, встряхивались, обдавая всѣхъ брызгами, получая за это пинки.

— Что жъ, закусимъ? — нерѣшительно предложилъ Чернобантовъ и получилъ отъ лѣсничаго выговоръ.

— То неможебно, пане. Законсимъ потэмъ, а те разъ тшеба до полевання. Ходищь легко съ пустымъ желендкомъ.

Маковъ съ грустью посматривалъ то на болото, то на свои щегольскіе сапоги.

Джига пришелъ ему на помощь.

— Здеймуйте, здеймуйте ваши штиблеты, пане контролеже!

— А въ чемъ же я останусь?

— Въ панчохахъ, — чулкахъ. Тута въ блоцѣ мелко. Ноги не пораните.

Маковъ нерѣшительно сталъ снимать сапоги.

Кучера живо распрягли лошадей, предоставили имъ пастись на лугу, а сами, лежа брюхомъ подъ бричкой, стали играть въ карты. Охотники разбрѣлись по болоту и далеко блестѣли на солнцѣ стволы ружей.

— Возвращайтесь скорѣй закусывать! У меня прелестная старка! — напутствовалъ ихъ съ берега Чернобантовъ.

Маковъ, у котораго не было собаки, примкнулъ къ лѣсничему. Онъ едва поспѣвалъ за этимъ маленькимъ неутомимымъ человѣкомъ. Съ первыхъ же шаговъ Иванъ Алексѣевичъ промочилъ ноги выше колѣнъ. Подъ его тяжестью кочки мягко проваливались и онъ вспомнилъ страшные разсказы о томъ, какъ гибли охотники, засосанные предательскимъ болотомъ.

— Панъ бендзе сцшилялъ перше, а потэмъ я! — любезно предложилъ ему лѣсничій.

Сѣрый, въ коричневыхъ пятнахъ, понтеръ Джиги почуялъ дичь.

— Не рушъ, Баженка, не рушъ! — остерегаетъ хозяинъ собаку.

Баженка нервно завертѣлась торопливо обнюхивая кочки, затихла и медленно, крутыми зигзагами подвигалась впередъ. Лѣсничій съ напряженнымъ, серьезнымъ лицомъ поманилъ къ себѣ Макова. Баженка сдѣлала два-три конвульсивныхъ движенія и вытянулась, почти легла, замерла...

Лѣсничій подошелъ ближе, еще поманилъ спутника и отрывисто скомандовалъ:

— Пиль!

Упругимъ, сильнымъ прыжкомъ ринулась впередъ Баженка. Изъ подъ самыхъ ногъ ея взвился и, неправильно ныряя въ воздухѣ, съ тоненькимъ пискомъ полетѣлъ темно-сѣрый бекасъ.

Сгоряча, не цѣлясь, бухнулъ Маковъ. Испуганный бекасъ метнулся въ сторону и полетѣлъ быстрѣй и неправильнѣй. Хладнокровно, съ выдержкой прицѣлился лѣсничій въ кончикъ длиннаго клюва. Грянулъ выстрѣлъ. Бекасъ, перекувырнувшись, мокрой тряпкой шлепнулся въ болото. Баженка поискала, нашла и съ торжествующимъ видомъ принесла хозяину въ зубахъ мертвую птицу. Джига подбросилъ его на рукѣ.

— О, добрый, тлустый!..

— Бѣдный! — пожалѣлъ Маковъ при видѣ окровавленной шейки бекаса, который смотрѣлъ ничего не видящими круглыми помутнѣвшими глазками. — Какъ вы хорошо стрѣляете!

— Э, такъ собе! Отъ панъ Лащъ — тенъ счшиля доскональне!

При слѣдующей стойкѣ Баженка согнала разомъ двухъ дупелей. Опять стрѣлялъ Маковъ, опять горячился. Лѣсничій, отпустивъ дупелей на разстояніе и отъ себя и другъ друга, убилъ ихъ красивымъ эффектнымъ дуплетомъ.

— Браво, браво! — аплодировалъ ему издали графъ Гронскій, высокій горбоносый усачъ, двоюродный братъ Булгака.

Польщенный Джига приподнялъ свою зеленую шляпу съ перомъ.

Уже сѣтка его была туго набита дупелями, бекасами, коростелями, а Маковъ все пуделялъ и пуделялъ безъ конца. Онъ усталъ, ему было жарко и стыдно. Лѣсничій щадилъ его, но когда онъ промахнулся по медленно и неуклюже, какъ ворона, улетавшему коростелю, Джига не выдержалъ.

— Якій стыдъ, млодый чловѣкъ, млоды очи и ни чего! Въ нэго потрафить вшистко едно, но въ бика...

Кругомъ все болото грохотало отъ выстрѣловъ. Иванъ Алексѣевичъ впервые замѣтилъ у дальнихъ охотниковъ, что сначала показывается дымокъ, падаетъ птица и только затѣмъ уже доносится звукъ выстрѣла.

— Неужели я ничего не убью? — съ тоскливой завистью спрашивалъ онъ себя. — Они же могутъ, почему я не могу? Надо взять себя въ руки. Буду сдержаннѣй. Дамъ сначала отлетѣть, какъ слѣдуетъ, а потомъ прицѣлюсь и положу.

Но эти благія намѣренія разбивались при столкновеніи съ дѣйствительностью. Вспархивалъ дупель, Иванъ Алексѣевичъ со-слѣпу вскидывалъ ружье и безтолково палилъ въ пространство. А мѣткій зарядъ лѣсничаго настигалъ птицу и она падала. Макову было стыдно передъ собой товарищами и въ особен-

ности передъ Лидіей Петровной... Ему такъ хотѣлось принести ей къ столу дичи собственнаго убоя. Она спроситъ:

— Были на охотѣ?

— Былъ.

— И что же?

— Ничего.

Онъ зналъ, что Джига, подобно большинству чеховъ, скупъ. Онъ осторожно спросилъ его:

— Что вы думаете дѣлать съ вашей дичью? Вы одинокій. Всего не съѣдите. Большая половина испортится.

— А до ничего, — махнулъ рукой Джига.

— Продайте мнѣ трехъ дупелей и двухъ бекасовъ, я вамъ дамъ рубль, по двугривенному за штуку.

— А то можебно, можебно — съ готовностью согласился чехъ. — Але кедэ: заразъ чи потэмъ? — спросилъ онъ съ плутовской улыбкой. Другими словами: «переложишь ли ты ихъ сейчасъ же въ свою сѣтку, чтобъ втереть очки другимъ охотникамъ, или у тебя нѣтъ профессіональнаго честолюбія и ты хочешь просто полакомиться?»

Смущенный Иванъ Алексѣевичъ колебался:

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я потомъ возьму. Вотъ, пожалуйста, рубль...

Садилось гдѣ-то надъ болотомъ солнце. Къ привалу стягивались охотники, усталые, вспотѣвшіе, забрызганные грязью и птичьей кровью. Чернобантовъ успѣлъ закусить и выпить. Пухлый, сонный, разваваренный лежалъ онъ съ книжкой спиртическаго романа въ тѣни своей брички.

— Каковы трофеи? — встрѣчалъ онъ каждаго охотника.

При видѣ пустой сѣтки Макова покачалъ головой.

— И одобряю, и не одобряю. Съ одной стороны хорошо, что вы не уподобились этимъ кровопролитчикамъ. За что истреблять бѣдныхъ птичекъ?.. Что онѣ вамъ худого сдѣлали? А съ другой стороны, вы обнаружили незнакомство съ предметомъ. Въ Нимвроды не годитесь! Выпейте-ка лучше старки. Важнецкая! Временъ еще Понятовскаго. А сало — пальчики, батенька, оближите!..

Въ ягдташѣ какого-то панка сиротливо болтался единственный коростель. Ему было конфузно передъ другими счастливцами и онъ поспѣшилъ оправдаться:

— То я, знаете, забилъ одиннадцать бекасовъ, але-та пшеклента Жоля никакъ не могла знайти.

Собака, виляя хвостомъ, смотрѣла на своего господина умными глазами и если бы могла говорить, навѣрное, оборвала бы его.

— Врешь, братъ!

Васыль отнесся къ общему результату полеванья чрезвычайно критически..

— Ото стрѣльцы!.. Кобъ я пишовъ, то ни една бъ птаха на болотѣ не втикла видъ мене!

Вечеромъ Берманова отнесла Лидіи Петровнѣ трехъ дупелей и двухъ бекасовъ.

— Это панъ Маковъ забилъ на полеванни та проситъ принять у презентъ.

— Какой вы милый! — благодарила на другой день Ивана Алексѣевича генеральша. — А я не знала что вы охотникъ! Хорошій стрѣлокъ?

— Такъ себѣ, опуская глаза, поскромничалъ Маковъ.

Лидія Петровна взглянула на Макова и едва замѣтно улыбнулась.

## XXI

Надинъ и Вѣрунчикъ держали себя такъ, словно рѣшалось что-то большое важное, отъ чего зависѣла вся ихъ судьба... Утромъ, вечеромъ и даже ночью во время безсонницы, Маковъ и Лидія Петровна не сходили у нихъ съ языка. Они настолько овладѣли помыслами обѣихъ сестеръ, что Вѣрунчикъ уже безъ прежняго вниманія читала переводные романы, а Надинъ обнаруживала въ хозяйственныхъ хлопотахъ небывалую разсѣянность.

— Какъ ты думаешь, Вѣрунчикъ,далеко у нихъ зашло?

— Я думаю очень далеко.

— Ну, напримѣръ?

— А знаешь, мнѣ кажется, — напускаетъ Вѣрунчикъ таинственность: — мнѣ кажется, что они... цѣлуются...

— Та неужели?

— Я думаю. Вотъ я сейчасъ читаю романъ «Парижскія отравительницы». Страхъ интересный! Такъ тамъ одна виконтесса, въ родѣ Лидки, ну и молодой человѣкъ — графъ Фронтиньякъ де-Меранвилль. Такъ вотъ они тоже. Нѣтъ, цѣлуются, цѣлуются, цѣлуются!

— А знаешь — хорошо бы посмотрѣть самую капелюшечку хоть однимъ глазкомъ!

— Закрутитъ она его въ своихъ чарахъ.

— Чего закрутитъ? Ужъ закрутила! Былъ какъ огурчикъ холосенькій, а теперь похудѣлъ, меньше ѣстъ. Ужъ я прошу-прошу: чи того, чи другого, чи третьяго, куды! и не слышитъ. Надо няньку позвать. Нянька! А нянька! Какъ ты думаешь, они цѣлуются?

— Кто?

— Кто? Разумѣется, Иванъ Алексѣевичъ съ Лидкой.

— А хиба я знаю? А якъ цѣлуются, — вамъ що? Завидно?

— Ну и дура!

— Съ дурными живу! Отчипытесь вы одъ мене.

— Знаешь, Вѣрунчикъ, мнѣ говорила сегодня Берманова, что мужъ этой почтовой особы перебрался на другую квартиру.

— Изъ ревности

— А вже-жъ изъ ревности. Лупить ее, какъ сидорову козу. Отъ слезъ очи не просыхаютъ.

— За дѣло. Такъ и надо. Выдумала еще — флитры какіе-то заводить!

— А что такое флитръ, Вѣрунчикъ?

— Флитръ, — это, видишь-ли, когда мужчина и женщина... это все-равно, что романъ.

— Значитъ, у Макова съ Лидкой тоже флитръ?

— Нѣтъ, у нихъ другое. У нихъ адюльтеръ.

— А какая же разница?

— Адюльтеръ, собственно говоря, тоже романъ, только болѣе, такъ сказать, великосвѣтскій.

— Спасибо тебѣ, Вѣрунчикъ. Если-бы не ты — некому просвѣщать меня. А то я, кромѣ своихъ индыковъ да курей, ничего такого возвышеннаго не знаю.

— Ну и Лидка! А сначала, помнишь, какой она Терезой-Антуанеттой держалась? Бѣдный братецъ нашъ! Каково ему на томъ свѣтѣ!

— Теперь ему легче. Какъ-нибудь надо туда сбѣгать. Ни бы насчетъ дубковъ. Можетъ, и узнаемъ что-нибудь.

— У, она хитлая! Какъ могила. Ничего не узнаешь.

---

Макову страшно хотѣлось явиться для Лидіи Петровны лебединой пѣсnью». Онъ такъ и думалъ «лебединой пѣсnью». Онъ ничего не желалъ бы, какъ только быть ея послѣдней любовью. Но все поведеніе генеральши не обѣщало не только любви, но даже самаго поверхностнаго увлеченія. Иванъ Алексѣевичъ плакалъ съ досады и горя. Самолюбіе мужчины, въ которомъ упорно не желаютъ видѣть мужчины, страдало.

«Пойду въ послѣдній разъ» рѣшалъ онъ, обманывая себя, и бывалъ у Лидіи Петровны часто, насколько позволяло приличіе. И если бы его лишить этихъ посѣщаній, то у него — «пропала бы цѣль жизни».

Одинаково, ровно, безъ колебаній въ ту или другую сторону, встрѣчала его генеральша. И никогда ни о чемъ не спрашивала она. Онъ унижался до того, что самъ разсказывалъ о себѣ, навязывая свои впечатлѣнія. Лидія Петровна молчала. Онъ видѣлъ это, терялся, голосъ начиналъ звучать робко, неувѣренно и онъ умолкалъ, смущенный, униженный, красный, готовый съ отчаянья ломать пальцы.

---

Темнымъ августовскимъ вечеромъ Лидія Петровна сказала Макову, сказала съ обычнымъ безстрастнымъ непроницаемымъ видомъ:

— Хотите покататься на лодкѣ?

— О, съ величайшимъ наслажденіемъ!

Надвигалась ночь. Блѣдное небо было задернуто сѣрыми тучками. Кой-гдѣ въ просвѣтахъ тускло мерцали звѣзды. Лидія Петровна и Маковъ спускались росистымъ берегомъ къ озеру. Даже легкой зыби не угадывалось на темной зеркальной глади озера. Оно застыло, уснуло подъ свѣжимъ дыханіемъ тихо на-

ступающей ночи. Заснули и помрачнѣвшія громады лѣсистыхъ острововъ. Угрюмо чернѣли то неправильные, то куполоподобные силуэты ихъ.

Лодка медленно скользила, бороздя недвижную воду. Лидія Петровна и Маковъ молчали. Хорошо было. Чѣмъ-то особеннымъ, не будничнымъ вѣяло отъ этой строгой торжественной тишины. Иванъ Алексѣевичъ безшумно гребъ. Даже всплеска веселъ не было слышно. Лидія Петровна сидѣла на кормѣ. Она походила на молодую чистую дѣвушку.

— Ахъ, Лидія Петровна! — вырвалось у Макова: — Боже, какъ чудесно! Мнѣ кажется, теперь, вотъ въ настоящую минуту, должны утихнуть и злоба и страсти. Все полно такого кроткаго міра. Такъ хочется любить весь свѣтъ. Посмотрите. Какъ-будто мы движемся съ вами по заколдованному царству. Тамъ, на берегу осталась жизнь, тамъ огни, вашъ домъ, мѣстечко хутора, а мы все больше и больше удаляемся въ глубину этого соннаго царства. Хочется фантазировать. Вдругъ предположить, что мы съ вами зачарованы и намъ суждено безъ конца плавать по спящему озеру и вѣчно будетъ висѣть надъ нами эта тусклая ночь. Къ берегу намъ не пристать никогда...

Макову самому стало жутко. Чтобъ нарушить хоть на мгновеніе напряженную тишь, онъ съ шумомъ ударилъ весломъ по водѣ. Полетѣли брызги.

— О, да вы поэтъ! — шопотомъ уронила Лидія Петровна, и нельзя было сказать — иронизируетъ ли она или сочувствуетъ.

Темно.

Маковъ поднялъ весла. Лодка остановилась.

— Смотрите, Лидія Петровна, какъ оригинально! — указывалъ онъ въ даль. — Видите, два острова близко подошли одинъ къ другому. Кажется, что это без-

конечный проливъ и что онъ съ обѣихъ сторонъ стѣсненъ безконечно тянущимся скалами.

— Красиво, — отозвалась генеральша.

— Хотите, поѣдемъ туда?

— Не надо. Такъ лучше — издали.

— Тогда направимся къ острову Пріюта. Совсѣмъ не далеко.

— Пожалуй! Я хочу слышать шелестъ камыша.

Лодка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ самаго мрачнаго и самаго большого острова. Солнце никогда не проникаетъ въ его густую чащу. Теперь онъ даже страшенъ въ своемъ горделивомъ безмолвномъ величіи. Чернѣющая глубь пугаетъ своею таинственностью. Островъ кидаетъ тѣнь на озеро и вода въ этомъ мѣстѣ черна, какъ сажа. На темномъ фонѣ деревьевъ бѣлѣетъ что-то неправильное, тонкое. Словно изъ густой чащи, высунулась чудовищная рука гиганта-скелета и погрузила свою цѣпкую костлявую кисть въ воду. Это сломанная высохшая береза.

Два-три взмаха веселъ — и лодка врѣжется въ камышъ, опоясывающій узкой лентой островъ. Стало совсѣмъ темно. Казалось, еще мгновеніе, и эта безпросвѣтно-могущая чаща и зловѣщая бездонная глубина озера поглотятъ маленькую утлую лодку... Камышъ, странно шелестя, раздался на обѣ стороны. Лодка ударилась носомъ о берегъ. Нежданные гости разбудили спавшую ворону, и, тяжело снявшись съ дерева, она съ карканьемъ полетѣла прочь...

— Темно, Лидія Петровна. Вы не боитесь? Гдѣ вы?

— Я здѣсь, — чужимъ голосомъ тихо отозвалась Лидія Петровна.

— Можно къ вамъ? Я хочу видѣть ваше лицо, ваши глаза.

— Сидите...

Но на этотъ разъ Маковъ не былъ покорнымъ и послушнымъ, какъ всегда. Необычность мрачно-поэтической обстановки, ночь, шелестящій камышъ, пустынное безлюдье вдохновили его, окрыляя смѣлостью. Спотыкаясь, цѣпляясь ногами за лавочки, едва не опрокинувъ лодку, пробрался онъ къ Лидіи Петровнѣ. Онъ упалъ на колѣни, цѣловалъ ея руки, шею, повторяя:

— Я безумно люблю васъ, безумно...

Она мягко и нѣжно, ни чуть ни удивленная, отстраняла его.

— Сумасшедшій. Кончится тѣмъ, что мы искупаемся.

— Безумно... Слышите? — Безумно...

Чудилось ему, что островъ и лодка закружились и поплыли со сказочной быстротой въ какую-то туманную теплую даль ...

## XXII

На другой день, когда счастливый, сіяющій, гордый Маковъ явился въ усадьбу, вмѣсто Лидіи Петровны его встрѣтила Христя.

— Генеральша не такъ здоровы. По случаю головной боли не могутъ васъ принять.

— На одну минуточку, только на одну минуточку, Христя. Вы скажите, что это я.

— Та и говорить нечего.

— Ну, голубушка, прошу васъ, пойдите. Вотъ вамъ, — онъ сунулъ ей всю имѣвшуюся въ кошелькѣ серебряную мелочь.

Христя пожала плечами, но смилостивилась.

— Пиду, спрошу..

Помрачнѣвшій остался Маковъ на верандѣ. Этого-ли ждалъ онъ послѣ вчерашняго?

Идя, онъ рисовалъ себѣ, какъ она выбѣжитъ къ нему прекрасная, любящая и бросится въ его молодыя сильныя объятія. Онъ такъ и подумалъ: «въ молодыя, сильныя объятья».

Появленіе Христи — въ конецъ добило его.

— Ни пидъ какимъ выдомъ не могутъ принять.

— Ну что жъ? Такъ, можетъ быть, завтра? — съ тоскливой мольбой остановилъ Иванъ Алексѣевичъ свой взглядъ на Христѣ.

— Генеральша просыли сказать,що завтра они уѣзжаютъ у Подольску губернію у гости.

Въ груди его стало вдругъ тяжело и пусто и какъ-то сразу померкъ солнечный день.

Медленно побрелъ онъ домой, бросился на постель, кусалъ подушку. Но лежалъ не долго. Вскочилъ, прошелся по комнатѣ, крѣпко сжимая голову, и сѣлъ писать ей. Это было длинное, отчаянное письмо, полное бѣшенной страсти, клятвъ и пылкихъ упрековъ. Онъ предлагалъ ей свою жизнь, отдавалъ себя въ рабы, въ лакеи, лишь бы она не отталкивала его. И ежеминутно возвращался къ «мгновенію сказочной ночи, давшей ему такое безмѣрное, нечеловѣческое счастье».

Берманова ушла съ письмомъ къ генеральшѣ, оставивъ Ивана Алексѣевича умирать отъ нетерпѣнія.

Наконецъ вернулась.

Отвѣтъ былъ коротокъ, слишкомъ коротокъ.

— «Милый мальчикъ. Сны не повторяются».

Первымъ движеніемъ Ивана Алексѣевича было изорвать въ клочки твердый листокъ почтовой бумаги, но Берманова схватила его за руки.

— Боже васъ борони! Генералова звелѣла вернуть назадъ.

У него опустились руки.

— Господи, да что же это! Кто я: негодяй или шантанжистъ?

— Милый мальчикъ, сны не повторяются...

И днемъ и ночью неотступно преслѣдовала его эта оскорбительная фраза.

Генеральша и не думала никуда уѣзжать. И это Макову было еще больнѣе. Вѣрунчикъ и Надинъ отравляли ему существованіе намеками, разспросами, многозначительными улыбками. Онъ пересталъ ходить къ нимъ и обѣдалъ у Заградки. Тамъ кормили его невозможной дрянью, но тамъ было ему покойнѣе.

Иванъ Алексѣевичъ забросалъ тетю Соню письмами. Онъ задыхается въ этой «пограничной глуши и жаждетъ перевестись въ Петербургъ».

Много лѣтъ спустя, вспоминая уснувшее ночной дремотой озеро, шелестящій камышъ и безумныя поцѣлуи, онъ вѣрилъ, что все это былъ дѣйствительно сонъ и что этого никогда не было...

---

# Пограничники

(Параллель къ роману „На границѣ Австріи“)

## I.

Здѣсь, въ этой пограничной болотной глуши, все казалось ему и новымъ, и страннымъ, и дикимъ... Прямо, безъ всякихъ постепенныхъ переходовъ, попалъ онъ сюда изъ петербургскихъ гостинныхъ. Тамъ, гдѣ-то на сѣверѣ, остались красивыя, нарядныя женщины, остались Набережныя и Сергіевская, Контанъ, Дононъ, Михайловскій театръ, остались полковые товарищи, холеные, щеголоватые, въ отлично сшитыхъ мундирахъ, со свѣтскимъ лоскомъ и словечками изъ кавалерійской казармы. Во всемъ былъ уютъ и комфортъ. Жилось такъ весело, празднично...

И, не случись катастрофа, такъ продолжалось бы вѣчно или, по крайней мѣрѣ, очень долго. И не было бы того, что теперь. Боже, какой варварскій край! Имѣя деньги, можно умереть съ голоду. Люди — какихъ онъ никогда не видѣлъ. Мѣстечки и села вдоль австрійской границы — гнѣзда контрабандистовъ. Не проходитъ ночи безъ кровавыхъ стычекъ. Они, эти отважные хищники, дерутся съ пограничной стражей, съ акцизными объѣздчиками. Дерутся какимъ-то первобытнымъ, но страшнымъ оружіемъ.

Лащъ объяснялъ ему, что такое «бучки». Это — длинный, аршина въ три, тонкій стволъ молодого орѣшника, вырваннаго съ корнемъ. Шишковидное основаніе корня, величиною въ большой кулакъ, за-

лито свинцомъ. Лащъ былъ близко знакомъ съ «бучками». Чего ближе! За всю свою мятежную, полную превратностей жизнь акцизнаго объѣздчика Ромуальдъ Лащъ не разъ бывалъ жестоко битъ этими «бучками». До полусмерти, до отлеживанія мѣсяцами въ постели. Но и Лащъ не оставался въ долгу. Онъ выслѣживалъ своихъ обидчиковъ, словно Майнъ-Ридовскій охотникъ за черепами. И одинъ противъ нѣсколькихъ, безумно отважный, рубилъ ихъ своей дамасской шашкой...

Юный Шадринъ съ жуткимъ вниманіемъ слушалъ разсказы Лаща о непроходимыхъ, безбрежныхъ болотахъ, тянущихся черезъ всю Волынь, къ востоку отъ границы. Туда, въ эти топи не проникаетъ никакое «начальство». Тамъ живутъ люди, которые ходятъ въ звѣриныхъ шкурахъ, говорятъ на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ и поклоняются грубымъ, деревяннымъ божкамъ. Тамъ водятся гигантскія ящерицы, величиною съ небольшого крокодила. Лащъ однажды самъ застрѣлилъ полуптицу, полузвѣря, напоминающаго летучую кошку. Онъ мечтаетъ забраться когда-нибудь въ самую глубь легендарныхъ болотъ. Но это возможно лишь при помощи воздушнаго шара.

Когда это стряслось вдругъ, Шадринъ долженъ былъ бѣжать. Сыновья за отцовъ не въ отвѣтѣ, но все же онъ не могъ оставаться ни въ полку, ни даже въ городѣ. Надо было уйти, сразу покинуть общество, гдѣ онъ былъ свой и гдѣ онъ вращался съ дѣтства, со скамьи пажескаго корпуса. Кромѣ того, катастрофа разорила Шадриныхъ. Отца, блестящаго генерала, посадили въ тюрьму. Сыну, съ какой-то брезгливой поспѣшностью, дали скромное мѣсто акцизнаго контролера, и вотъ онъ уже третій мѣсяцъ въ этой Богомъ забытой глуши.

Ему всего двадцать второй годъ. Ему такъ хочется

жить и такъ его преслѣдуютъ, жгутъ покинутыя воспоминанія. Одинокій, затерянный, длинными, тоскливыми, осенними ночами, онъ, какъ ребенокъ, горячо шепчетъ молитвы и увлажняетъ подушку слезами.

Маленькое мѣстечко, съ почернѣвшимъ, стариннымъ костеломъ, утопаетъ въ грязи. По улицамъ только и можно ходить въ ботфортахъ. Шадринъ за четыре рубля въ мѣсяцъ нанялъ домикъ изъ трехъ комнатъ. Мебели у него — кровать да столъ съ двумя «вѣнскими» стульями. Въ передней виситъ Богъ знаетъ зачѣмъ привезенное изъ Петербурга новенькое, дорогое англійское сѣдло. Такъ, спасаясь отъ пожара, хватаютъ первую попавшуюся ненужную вещь. А развѣ то, что случилось, не было для него пожаромъ?

И странно было видѣть на голомъ и грубомъ столѣ карточки его отца въ мундирѣ со звѣздами, матери — такой красивой, величавой въ своемъ придворномъ туалетѣ — и, наконецъ, самого Николая, въ латахъ и въ тяжелой каскѣ. Юное, свѣжее личико такъ жизнерадостно улыбается подъ воинственной каской. Все это сгорѣло, сгорѣло въ бунтующемъ пламени пожара...

Первое время Шадринъ питался молокомъ, яичницей и хлѣбомъ. Это ему поставляла факторка Берманова. Потомъ она устроила своего панича «столовникомъ» къ сестрамъ Агроновичъ. Сестры, барышни, въ общей сложности имъ было сто двадцать лѣтъ, называли другъ друга Надинъ и Вѣрунчикъ, а Шадрина — «холесенькимъ» и обѣ, конечно, влюбились въ него. У Вѣрунчика росъ на костлявомъ подбородкѣ сѣдой клокъ. Она курила папиросу за папиросой и читала переводные романы о виконтахъ и графиняхъ. Она избрала себѣ благую часть, какъ Марія. Надинъ же, подобно евангельской Мароѣ, цѣликомъ,

съ головою ушла въ хозяйство, раскармливая индюковъ, цыплятъ и утокъ.

Когда, пообѣдавъ, Шадринъ уходилъ, сестры начинали ревниво спорить:

— Холесенькій на меня все время смотрѣлъ...

— Та ну божъ, Надинъ, годи тебѣ! Онъ съ меня глазъ не спускалъ...

— Видишь, какая ты, Вѣрунчикъ. Если я не читаю романовъ, такъ вже на меня и смотрѣть нельзя!

Успокоившись, онѣ въ сотый разъ восторженно критиковали «холесенькаго», его манеры, его глаза, бѣлые, сверкающіе зубы.

Въ ихъ бѣдной жизни Шадринъ явился какимъ-то лучезарнымъ, волшебнымъ принцемъ.

— Ну, знаешь, Надинъ, онъ совсѣмъ виконтъ Арманъ-Леонъ де-Базанкуръ.

## II.

Что за фигура былъ этотъ Ромуальдъ Лащъ! Сразу онъ ошеломилъ, даже испугалъ Шадрина, привыкшаго къ благовоспитаннымъ, корректнымъ людямъ своего круга.

Въ первый же визитъ, — если только можно было это назвать визитомъ, — Лащъ ввалился къ нему въ своей грубой солдатской шинели безъ погонъ и въ мягкой шапочкѣ, еле державшейся на его лохматой головѣ. Евреи юго-западнаго края носятъ подобныя шапочки. Ястребиный носъ въ фіолетовыхъ жилкахъ и большая взлохмаченная борода. Черезъ плечо — шашка.

Еще въ сѣняхъ Лащъ гаркнулъ:

— Честь имѣю представиться, пане контролеже!

Шадринъ смутился и пригласилъ его сѣсть.

Очень ужъ они оттѣняли другъ друга. Одинъ — такой изящный, хрупкій, нѣжный, другой — крѣпкій, приземистый, волосатый и дикій.

— Не угодно ли чаю?

— Э, какой тамъ чай, пане контролеже. Ромуальдъ Лащъ не пьетъ чаю. Отъ него только сырость въ желудкѣ заводится. А чарочку водки — съ удовольствіемъ выпью. Пошлите Берманову. Да пусть принесетъ на закуску фаршированнаго щупака.

Лащъ пилъ водку, закусывая фаршированнымъ щупакомъ.

Шадринъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Смотрѣлъ на жилистыя, заросшія волосами руки, перегубившія немало народу въ кровавыхъ пограничныхъ стычкахъ. И угадывался съ перваго взгляда человѣкъ большой отваги и силы.

Онъ ловилъ контрабандный спиртъ, въ лѣсныхъ чащахъ открывалъ тайные винокуренные заводы. Но въ этомъ не было отталкивающаго сыска. Это выходило у него красиво и дерзко. Порою безумно.

Первый же визитъ — Лащъ пришелъ почти засвѣтло — дотянулся къ глубокой ночи. Жестикулируя, громко, съ такимъ оглушительнымъ смѣхомъ, что густой дробью разбрызгивался по окнамъ и они вздрагивали, рисовалъ Ромуальдъ Лащъ картину за картиной свои приключенія...

— Да, пане контролеже... Сидѣть на печи не приходится. Порою въ такой гармидеръ попадешь, черти-бъ его взяли! Былъ тутъ у насъ контролеръ Володковскій... Поѣхали мы съ нимъ контрабандный спиртъ выслѣживать... А надо вамъ сказать, было здѣсь въ мѣстечкѣ трое братьевъ — Каркеры: Абрумъ, Іосель и Нухимъ. Головорѣзы отчаянные! Первые контрабандисты. И всѣ трое — здоровые, пле-

чистые, выше меня на полторы головы. Ну, выѣхали мы съ Володковскимъ. У него была какая-то лядащая шкапа... Я — на своей Заирѣ. Вы не видѣли мою Заиру? Ото конь! Въ вашъ гвардейскій полкъ не было бы стыдно. Полуарабъ... Въ сѣрыхъ яблокахъ. А ноги, — умереть можно, какія ноги! За пятьсотъ карбованцевъ на заводѣ князя Сангушко купилъ. Какъ посмотритъ, поведетъ бѣлкомъ, ей-Богу, пане контролеже, — глаза человѣческихъ умнѣе! Ну, выѣхали мы. Да видно не въ добрый часъ. Цѣлая хмара народу... Всѣ трое Каркеры, и еще съ ними. И всѣ съ бучками. Тутъ нужно не спиртъ ловить, а самимъ утекать... Прежде всего, думаю, надо спасти Заиру. Они знали, проклятые, какъ я ее люблю. Живо загубятъ, — на злость! Соскочилъ я, свистнулъ... Заира — она у меня дрессированная, — стрѣлою понеслась въ мѣстечко... А теперь надо спасать Володковскаго. Чахоточный, шестеро дѣтей... Вскочилъ я на крупъ его несчастной шкапы и закрылъ его своей спиной... Плетется она какой-то подлой рысцой, — шкапа. Я былъ тогда въ этой самой шинели... Чую, лупятъ меня по спинѣ бучками, да какъ лупятъ!.. У самаго мѣстечка свалился, донесли меня, положили въ хату, — ничего не помню... Отлеживался... Они мнѣ всѣ бебехи отбили. Полгода кровью харкалъ, а потомъ прошло.

— Да вы герой, Ромуальдъ Викентьевичъ! — восторженно вырвалось у Шадрина.

— Э, какой тамъ герой, пане контролеже! Говорилъ же я вамъ, что у Володковскаго шестеро дѣтей было... Ну, слушайте же дальше... Вы думаете, я такъ и подарилъ Каркерамъ?.. Дувида я потомъ двѣ ночи въ снѣгу сторожилъ... Три пальца себѣ на лѣвой ногѣ отморозилъ...

— И что же! — рвался нетерпѣніемъ Шадринъ.

Лащъ сдѣлалъ короткое зловѣщее движеніе ребромъ ладони.

— Зарубилъ... Подстерегъ и зарубилъ! Вотъ этой самой шашкой. — Лащъ выхватилъ изъ ноженъ и согнулъ въ кольцо испещренный арабесками упругій клинокъ. — Черезъ годъ я застрѣлилъ изъ револьвера Іоселя и отбилъ у него большую партію водки. А еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разрубилъ пополамъ черепъ Нухиму... Правда, и мнѣ досталось. Передъ вами былъ здѣсь контролеръ Маковъ. Такой же, какъ вы, молодой, — настоящая паненка. Только вы моложе его годика на два... Все просился, да просился: возьмите, да возьмите меня, Ромуальдъ Викентьевичъ, ловить контрабанду... Я взялъ его. А онъ, бодай въ болото, въ самую рѣшительную минуту струсилъ и про свой револьверъ забылъ. Ни папы, ни мамы, — занѣмѣлъ весь... На меня одного и налетѣла цѣлая банда... Четырнадцать колотыхъ ранъ. Что, не вѣрите? — вызывающе крикнулъ стражникъ, хотя Шадринъ и не думалъ сомнѣваться.

Лащъ распахнулъ шинель, приподнялъ по горло фуфайку, и молодой человѣкъ увидѣлъ мускулистую волосатую грудь, всю въ страшныхъ зарубцевавшихся шрамахъ.

— Это ужасно, — прошепталъ Николай Леонидовичъ.

Лащъ мнился ему какимъ-то легендарнымъ удальцомъ, и онъ подпадалъ обаянію этого грубаго человѣка, у котораго суровая жестокость какъ-то наивно совмѣщалась съ золотымъ, способнымъ на подвигъ самопожертвованія, сердцемъ...

— Ромуальдъ Викентьевичъ, мнѣ такъ хотѣлось бы... Дайте мнѣ слово, что въ первое же опасное дѣло возьмете меня... Я не буду, какъ этотъ Маковъ... Я ни за что не струшу...

Свѣжее красивое личико его сіяло застѣнчивой улыбкой.

Добрымъ отеческимъ огонькомъ зажглись небольшіе смѣлые глаза Ромуальда Викентьевича.

— Хорошо, пане контролеже... Обѣщаю вамъ... Про контрабанду пока ничего не слышно. А вотъ, какъ бы намъ не пришлось скоро поохотиться за тайнымъ винокуреннымъ заводомъ...

— А это... тоже опасно?

— Одно другого стоитъ... Одно другого стоитъ, — значительно повторилъ Ромуальдъ Лащъ.

— Ну вотъ, благодарствуйте. Я такъ вамъ буду признателенъ...

— Ждите... Я самъ приду и скажу, безъ дальнихъ разговоровъ. Знаете, какъ это у Майнъ-Рида и Купера... «Черный Лось, часъ насталъ».

Шадринъ, улыбаясь, повторилъ...

— Черный Лось, часъ насталъ...

III.

Уѣздный городъ находился отъ мѣстечка въ пятидесяти двухъ верстахъ. Городъ лежалъ на пути кіево-брестской желѣзной дороги. Разъ въ двѣ, три недѣли заглядывалъ оттуда въ мѣстечко Христофоръ Ивановичъ Чернобантовъ, помощникъ надзирателя и ближайшее начальство Шадрина.

Чернобантовъ, крупный, съ большимъ животомъ, говорилъ тихо, вѣрилъ въ чертей и спиритизмъ, носилъ длинные, прямые, клейкіе волосы и лицо его было сѣроземлистое, одутловатое. Онъ писалъ стихи и любилъ декламировать свою поэму изъ акцизной жизни, начинавшуюся такъ:

Шапка съ кокардой — гроза мужиковъ...
И пара вонючихъ, большихъ сапоговъ...

Про себя Христофоръ Ивановичъ говорилъ:

— Я — черный бантъ на фонѣ русской жизни.

Въ верстѣ отъ мѣстечка Покуты былъ винокуренный заводъ графа Брохоцкаго. Чернобантовъ прiѣхалъ изъ города на обезпеченiе завода и, глядя на Шадрина грустнымъ взоромъ, долго трясъ его руку:

— Прiѣзжайте ко мнѣ, Николай Леонидовичъ, милости просимъ. Какимъ я васъ, батенька, малороссiйскимъ борщомъ угощу, — пальчики оближете!

Возложивъ всю работу на другого контролера Семенова, Христофоръ Ивановичъ вздыхалъ, ничего не дѣлалъ, съ нетерпѣнiемъ поджидая вечера.

Панъ Загурскiй, подвальный, про котораго заводская администрацiя говорила, что онъ служитъ «зъ гонору» (изъ чести), обѣщалъ Чернобантову по окончанiи работъ спиритическiй сеансъ съ блюдечкомъ, столикомъ и всѣмъ, что при этомъ полагается...

Шадринъ томился, изнывая отъ скуки. Въ душѣ его было такъ же неуютно и голо, какъ въ его домикѣ. Все его общество заключалось въ Ромуальдѣ Викентьевичѣ. Этотъ объѣздчикъ корчемной стражи съ каждымъ днемъ становился все симпатичнѣй. Такъ называемой интеллигенцiи мѣстечка Шадринъ брезгливо сторонился. Вся она либо пропивалась, либо проигрывалась въ карты. О становомъ Зозулевичѣ ходили слухи, что онъ не брезгаетъ даже полтинниками. Онъ пьянствовалъ съ урядникомъ Бородзичемъ, и, кромѣ того, Бородзича называли любовникомъ толстой набѣленной супруги его патрона. Барышни Агроновичъ — Надинъ и Вѣрунчикъ — такъ надоѣли Шадрину своей сентиментальной, глупой влюбленностью, что онъ готовъ былъ бросить у нихъ столоваться и снова перейти на хлѣбъ, молоко и яичницу, которыми снабжала его Берманова.

Контролеръ Семеновъ, постоянно живущій на заводѣ графа Брохоцкаго, производилъ на Шадрина отталкивающее впечатлѣніе. Маленькій, сухощавый, подвижной старикъ съ большимъ, лысымъ черепомъ и сѣдыми баками, торчащими врозь густыми, острыми пучками. Безпокойные глаза вѣчно бѣгали. Лицо гримасничало. Семеновъ фальшиво, скрипуче смѣялся. Цѣпкія руки съ короткими пальцами напоминали какія-то птичьи лапы. Этими лапами онъ крѣпко жалъ руку Шадрина, повторяя:

— Цѣлую вашу спинку и грудку, цѣлую ваши ножки! Какъ ваше драгоцѣннѣйшее?

Тертый калачъ Семеновъ, перепробовалъ немало профессій. До своего поступленія въ акцизъ, — онъ не скрывалъ это, — служилъ сыщикомъ. Онъ и теперь по привычкѣ носилъ иногда какую-то особенную бронированную фуражку.

И Семеновъ, и Лащъ любили преслѣдованіе контрабандной водки, тайныхъ винокуренныхъ заводовъ, но любили по разному. Въ кровавыхъ стычкахъ Ромуальдъ Викентьевичъ давалъ выходъ своему полурыцарскому, полуразбойничьему мятежному темпераменту. Лащъ, этотъ захудалый потомокъ панцырныхъ шляхтичей, лѣтъ на триста опоздалъ родиться. Ему бы мѣриться въ чистомъ полѣ съ москалями, запорожцами и татарами. За неимѣніемъ и тѣхъ и другихъ, онъ преслѣдовалъ контрабандистовъ. И чѣмъ серьезнѣе опасность, чѣмъ смертельнѣй, тѣмъ она больше вдохновляла его.

Семеновъ, тотъ принесъ въ акцизъ свою предательскую осторожность полицейской ищейки. Онъ питалъ слабость къ переодѣваніямъ, маскарадамъ. Закутавшись въ мужицкій кожухъ и нахлобучивъ на глаза высокую баранью шапку, онъ спрашивалъ себѣ водки въ безпатентномъ шинкѣ и, получивъ ее, со-

ставлялъ протоколъ. Въ такомъ же духѣ охотился онъ за безбандерольнымъ табакомъ и дрожжами. Сыскъ ради сыска. Этотъ не защитилъ бы многосемейнаго Володковскаго своей собственной спиной. Десять чужихъ подставилъ бы.

Судя по разсказамъ Семенова, ему поручали отвѣтственныя дѣла. Но онъ избѣгалъ распространяться, почему пришлось оставить первоначальную службу и въ акцизномъ вѣдомствѣ искать своего убѣжища.

«Этому милостивому государю я долженъ подавать руку, долженъ считать его своимъ товарищемъ», — думалъ съ тоскою Шадринъ.

И онъ вспоминалъ смутное революціонное время. Онъ еще пажемъ былъ. У ихъ подъѣзда на Гагаринской сновали взадъ и впередъ такіе же Семеновы. Отецъ, генералъ, получилъ нѣсколько анонимныхъ угрозъ, и вытребовалъ себѣ охрану.

Съ Петербургомъ Шадринъ не порвалъ окончательно связей. Изрѣдка приходили письма отъ двухъ-трехъ товарищей. Они сообщали ему небрежно и кратко полковыя новости, производства, вечера у общихъ знакомыхъ, гдѣ они дирижировали танцами. На разстояніи, отсюда, изъ безпросвѣтнаго захолустья эта жизнь казалась ему плѣнительнѣй, декоративнѣй и краше. Онъ получалъ столичную газету, гдѣ удѣлялось много свѣтской жизни. Тамъ онъ жадно прочитывалъ описанія любительскихъ спектаклей съ именами исполнителей и гостей. Все имена его хорошихъ знакомыхъ. Раньше и про него писали:

«Среди присутствующихъ мы замѣтили корнета Шадрина»... А теперь, теперь онъ забытъ, вычеркнутъ изъ списка живыхъ.

Почта являлась цѣлымъ событіемъ. Сумерками уже проносилась мимо оконъ Шадрина, заливаясь колокольчикомъ, облѣпленная грязью бричка, и вмѣстѣ

съ нею подпрыгивали на ухабахъ черные кожаные тюки и черныя фигуры съ шашками, которыя не вынимались изъ ноженъ, и револьверами, которые не стрѣляли.

Шадринъ самъ ходилъ на почту за корреспонденціей, движимый отчасти нетерпѣніемъ, а, во-вторыхъ, въ его монотонномъ прозябаніи это было далеко не послѣднимъ развлеченіемъ. Такимъ образомъ, онъ выгадывалъ больше полсутокъ. Разносили почту только утромъ.

Освѣщенъ продолговатый низенькій домъ. Оживленіе. Ямщикъ, стуча сапогами, вноситъ черныя сумки. Пахнетъ клеемъ, сургучомъ, короткіе удары штемпелей. Столъ съ изрѣзанной, въ чернилахъ клеенкой. За нимъ сидитъ съ вѣчно подвязанной щекой, страдающій флюсомъ, блѣдный, желтый сортировщикъ Безштанько. Онъ выдаетъ почту и съ тихою злобой смотритъ на учтиво спрашивающаго Шадрина. Предшественникъ Шадрина, контролеръ Маковъ, отбилъ у Безштаньки розовую съ китайскими глазками хорошенькую жену и съ той поры угрюмый сортировщикъ возненавидѣлъ всѣхъ акцизниковъ на свѣтѣ...

## IV.

И безъ того самъ по себѣ льстивый и вкрадчивый, Андрей Александровичъ Семеновъ особенно разсыпался мелкимъ бѣсомъ передъ Шадринымъ.

— Помилуйте, — многозначительно говорилъ онъ заводской администраціи, — бывшій пажъ, гвардейскій офицеръ. Родитель — видный генералъ. Правда, этотъ генералъ, хе-хе, посаженъ въ тюрьму... за хорошія дѣла, хе-хе. Ну, а все-таки...

Семеновъ съ его большимъ голымъ черепомъ, бѣгающими глазами и торчащими врозь острыми ба-

ками, скрипуче смѣющійся, потирающій короткопалыя руки-лапы, имѣлъ прямо какой-то пугающій видъ. Совсѣмъ сатана. Старый, развинченный, потасканный, но способный еще на всевозможныя пакости.

Чернобантовъ говорилъ ему:

— Хорошій вы человѣкъ, Андрей Александровичъ, а только не дай Богъ, если ночью во снѣ комунибудь явитесь. До смерти можно перепугаться...

Семенова такъ и сводили судороги хриплаго фальшиваго смѣха:

— Шуточки, все шуточки, глубокоуважаемый Христофоръ Ивановичъ. Единственный представитель въ этой невѣжественной дырѣ оккультныхъ наукъ, такъ сказать. Привыкли все общаться съ духами и на меня изволили взвести напраслину. Я — самая скромная козявка и никоимъ образомъ не могу почитаться страшнымъ. Цѣлую ваши ручки, глубокоуважаемѣйшій.

Польщенный титуломъ «единственнаго представителя оккультныхъ наукъ», Чернобантовъ смѣялся. Тряслись его дряблыя щеки. Глаза же хранили грустно мечтательное выраженіе.

— Хорошій вы человѣкъ. Пріѣзжайте ко мнѣ въ городъ. Какимъ я васъ, батенька, малороссійскимъ борщомъ угощу, — пальчики оближете...

Свою большую, пухлую, безсильную руку Христофоръ Ивановичъ клалъ на костлявое плечо Семенова. Контролеръ сгибался и, хватаясь за впалый животъ, гримасничая, скрипѣлъ:

— Ой, какая у васъ тяжелая длань, глубокоуважаемѣйшій Христофоръ Ивановичъ...

Но стоило Чернобантову повернуться къ нему спиной, Семеновъ подмигивалъ въ его сторону:

— Шляпа...

Весь заводъ боялся Андрея Александровича. Онъ внушалъ какой-то суевѣрный страхъ, этотъ маленькій, худой, большеголовый человѣкъ. Сумерками, въ черной широкополой шляпѣ и въ черномъ плащѣ, — только сѣдые клоки бакенбардовъ бѣлѣли наружу, — безшумно, точно невѣдомый духъ, скользилъ онъ по хутору, по заводскому двору. И всѣ, кто встрѣчалъ его, были убѣждены, что у контролера подъ плащомъ вмѣсто пальцевъ — острые когти, а если снять съ него сапоги, онъ окажется въ мохнатыхъ копытахъ...

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Семеновъ подвергся нападенію хмѣльнаго и буйнаго рабочаго Охрима. Этотъ дѣтина таскалъ вверхъ по крутой заводской лѣсенкѣ заразъ два пятипудовыхъ куля съ солодомъ. Охримъ не успѣлъ броситься на контролера, какъ стальные тиски схватили его руки. Семеновъ спокойно поставилъ на колѣни буяна и теперь только былъ съ нимъ одного роста. Сжимались больнѣе тиски. Андрей Александровичъ издѣвательски приговаривалъ:

— Ну, можно ли такъ, Охримушка... Ты меня чуть не убилъ. Все же я какое ни на есть — начальство. А начальство надо уважать. Постой минуточку, постой. Давай побесѣдуемъ... Какъ здоровье твоей жинки?.. Кланяйся ей отъ меня. Дѣткамъ тоже...

— Ой, пуститъ менэ, паночку! — взмолился Охримъ.

— А развѣ я тебя держу? Иди себѣ на всѣ четыре стороны. Иди...

Охримъ словно вросъ въ землю — ни туда, ни сюда.

Продержавъ его такъ минутъ пять, Андрей Александровичъ освободилъ изъ тисковъ и далъ ему своей птичьей лапой легкую презрительную пощечину.

— А теперь пошелъ вонъ, дурень!..

На слѣдующее утро Охримъ, встрѣтивъ Семе-

нова у квасильныхъ чановъ, мало что не въ ноги ему поклонился. И говорилъ потомъ остальнымъ рабочимъ:

— Ото бисовъ контроль... Мале, парщиве, а яка сила... Винъ, певне, щось таке знае!..

Отправляясь на «охоту», Андрей Александровичъ бралъ съ собою добрую горсть нюхательнаго табаку.

— Это—великолѣпное средство,—пояснялъ онъ.— Горькимъ опытомъ наученъ... Самъ чуть глазъ не лишился. Лѣтъ восемь назадъ въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ нарядомъ полиціи, открывали мы банду фальшивыхъ монетчиковъ... Приставъ и городовые въ кольчугахъ... Вашъ покорнѣйшій слуга — то же самое. Все какъ слѣдуетъ... Входимъ съ револьверами наготовѣ... Но, представьте себѣ, — одинъ изъ этихъ мерзавцевъ какъ запуститъ мнѣ прямо въ лицо цѣлую жменю табаку нюхательнаго... Свѣту Божьяго не взвидѣлъ! Жгучая боль, передать не могу! Двѣ недѣли въ темной комнатѣ безвыходно отсиживался... Глазища — по доброму кулаку распухли, красные были, совсѣмъ фонари. Съ тѣхъ поръ, многоуважаемѣйшіе мои, нюхательный табакъ всегда при мнѣ, разъ грядущее темно и есть основаніе ожидать нападенія. Я неоднократно примѣнялъ сію систему и весьма удачно. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, говоритъ наша мудрая пословица...

И, гримасничая, кривляясь, онъ судорожно залился хриплымъ, надтреснутымъ смѣхомъ.

## V.

Леконида Александровна Дубенская по мужу была принята въ петербургскомъ свѣтѣ. Слишкомъ большой и богатый баринъ былъ ея мужъ. За породу и въ особенности за крупныя средства Дубенскаго обще-

ство простило ему жену, драматическую артистку провинціальныхъ театровъ. Сторонники той красивой женщины говорили:

— Мало ли что... Никто, однако, не упрекнетъ ее въ неумѣньи держаться. Она — дворянка, хорошо воспитана, отлично говоритъ по французски...

Но характеръ у Лекониды Александровны былъ взбалмошный. Порою все воспитаніе исчезало кудато, соскальзывалъ благопріобрѣтенный въ обществѣ и за границей лоскъ, и эксцентричная, умышленно рѣзкая, провинціальная актриса развертывалась во всемъ блескѣ...

Однихъ это отпугивало, другихъ чаровало. Многіе боялись ея остраго языка. Тамъ, гдѣ она чуяла себѣ тайное осужденіе, тамъ она сама шла навстрѣчу и бросала прямо въ лицо:

— Да, я актриса! Мы достаточно богаты, и я могу себѣ позволить роскошь открыто сознаться въ этомъ. Положеніе и средства штопаютъ какіе угодно изъяны... Изъяны съ точки зрѣнія свѣтскихъ условностей. Про графиню Бериславскую говорятъ, что она плавала въ акваріумѣ гдѣ-то съ рыбьимъ хвостомъ. Но сливки общества преисправно кушаютъ ея обѣды, хвалятъ ея повара. Жена директора департамента Дынина — плясунья изъ кафе-шантана. Но посмотрите въ балетѣ, какъ сановники и генералы гуськомъ идутъ на поклоненіе къ ея креслу въ первомъ ряду и какъ учтиво прикладываются къ рукѣ.

Коля Шадринъ, еще пажемъ, хорошенькій и розовый, херувимъ, бывалъ у Дубенскихъ, вѣрнѣе у Лекониды Александровны. Мужъ — дѣловой, занятый вѣчно по горло, являлся дома рѣдкимъ гостемъ.

Придетъ Коля Шадринъ въ «часы» Лекониды Александровны и съ черной лоснящейся каской и

бѣлыми перчатками на колѣняхъ, не сводитъ съ хозяйки влюбленныхъ, робкихъ глазъ...

Леконида Александровна лукаво, загадочно улыбается своимъ неправильнымъ, слегка горбоносымъ, но страшно соблазнительнымъ лицомъ съ бездною грѣха, затаившагося въ углахъ рта и подернутой усталостью оправѣ томныхъ, вызывающихъ глазъ.

Разъ она спросила:

— Что я не похожа на монахиню? А вѣдь вы знаете, милый, Леконида — имя чисто монашеское...

Личико херувима такъ и зардѣлось густой, горячей краской.

— Ну?.. И она съ какимъ-то манящимъ призывомъ чуть шевельнула губами... — Ну, цѣлуйте же, дурачокъ, цѣлуйте... Вамъ этого, вижу, до смерти хочется!..

Ударилась о коверъ соскользнувшая съ колѣнъ черная каска. Но Коля не слышалъ. Горячіе, темные круги волнами заходили въ глазахъ...

Это былъ его первый настоящій романъ... А у Дубенской еще не было такого юнаго неопытнаго любовника.

Черезъ мѣсяцъ на нее нашла блажь:

— Меня зовутъ на гастроли въ Харьковъ... Я буду играть Марію Антуанетту...

И, заполнивъ чуть ли не цѣлый товарный вагонъ своими сундуками и чемоданами, она, сопровождаемая камеристкой, уѣхала въ Харьковъ.

Огорченный до глубины души этимъ вѣроломствомъ, Коля Шадринъ грозилъ застрѣлиться.

Она успокаивала его:

— Мой милый мальчикъ, не грусти, не глупи... Я скоро вернусь и буду опять твоею.

Черезъ двѣ недѣли она вызвала его по телефону.

Онъ вглядывался въ нее, ревниво искалъ слѣдовъ чужихъ ласкъ, чужихъ поцѣлуевъ. Она была непроницаема. Попрежнему таился грѣхъ въ углахъ рта и попрежнему она чуть замѣтнымъ призывомъ, всколыхнувшимъ, однако, всѣ нервы мальчика, неуловимо шевельнула губами:

— Ну?

Онъ, какъ безумный, бросился ее цѣловать.

Теперь въ своей полудобровольной ссылкѣ, лишенный женскаго общества, Шадринъ часто и съ тягучей тоскою вспоминалъ свой романъ. Мельчайшія подробности вырастали для него въ громадное, отогрѣвшее, полное неизъяснимыхъ восторговъ счастіе.

Покидая Петербургъ, онъ прощался съ нею со слезами. Прощался навсегда...

Она ласково ему возразила.

— Мой милый мальчикъ, мы еще увидимся, пожалуй, — скоро. А вдругъ, и это легко можетъ случиться, — я навѣщу тебя, среди твоихъ дикарей...

Шадринъ слушалъ, но не вѣрилъ.

И вотъ въ дождливый октябрьскій вечеръ, когда въ мертвой тишинѣ монотонно ударяли въ стекла безотрадныя, темныя слезы и слышно было хрипѣніе лампы, Шадрина какъ громомъ поразила телеграмма: «Ѣду на гастроли въ Житоміръ. Пришла фантазія навѣстить тебя. Буду утромъ на нѣсколько часовъ отъ поѣзда до поѣзда. Не встрѣчай, жди. Нида».

Нида... Этимъ уменьшительнымъ именемъ называлъ онъ Дубенскую.

Онъ не вѣрилъ глазамъ, перечитывалъ телеграмму, цѣловалъ ее и горѣлъ, какъ въ огнѣ...

## VI.

Съ какой-то ласковой безцеремонностью, взявъ его тонкими, холеными пальцами за крѣпкій, еще юношескій подбородокъ, она разсматривала прищурившись:

— Гляди на меня... Какой блѣдный. Ты не спалъ, милый мальчикъ? Нехорошіе круги подъ глазами. Ты меня ждалъ? Очень?

Она пріѣхала утромъ въ громадномъ старосвѣтскомъ фаэтонѣ, запряженномъ четверикомъ. Пріѣхала налегкѣ, захвативъ большой туалетный нессесеръ и еще какіе-то дамскіе пустячки. Тяжелый багажъ, вмѣстѣ съ горничной, отправился въ Житоміръ.

И странно было видѣть въ голыхъ, низенькихъ комнаткахъ эту высокую стройную женщину съ декоративной внѣшностью, въ очень изящномъ и очень простомъ дорожномъ туалетѣ. Такія фигуры больше идутъ къ глубокимъ вестибюлямъ международныхъ отелей съ мраморомъ, тропическими растеніями и удобными плетеными креслами подъ сѣнью молодыхъ пальмъ.

Она закидала его вопросами, не ожидая отвѣта...

— Ты напоишь меня чаемъ? Какъ устроился?.. Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Скучаешь?.. Завелъ романъ съ кѣмъ-нибудь изъ мѣстныхъ кикиморъ? Я думаю, здѣсь у васъ все сплошь кикиморы? Грустишь? Получаешь письма? Много служишь?

Черезъ какихъ-нибудь полчаса пустынной спальни Шадрина узнать нельзя было. Все говорило о присутствіи избалованной комфортомъ, желающей нравиться кокетки. Пудра всѣхъ родовъ и оттѣнковъ отъ мучнистой до ярко-розовой, гримировальные карандаши, пуховки, флаконы духовъ и туалетныхъ эссенцій, —

все это благоухало, сливаясь въ одинъ густой ароматъ, ароматъ женщины...

Лужицы воды. Леконида Александровна только что приняла гуттаперчевую ванну и, бодрая, помолодѣвшая, скинувшая на видъ лѣтъ десять противъ своихъ тридцати пяти, запахнувшись въ тончайшій и пестрый шелковый японскій халатикъ, пила чай съ Шадринымъ въ комнатѣ съ единственнымъ столомъ и двумя «вѣнскими» стульями.

Ей было весело. Сверкали въ улыбкѣ ровные бѣлые зубы.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Все такъ мило, такъ удачно сложилось... Чтобы увидѣть тебя, я приготовилась къ жертвѣ — трястись пятьдесятъ верстъ по этой варварской дорогѣ на какой-нибудь несчастной таратайкѣ... Вѣдь это же подвигъ... И вдругъ, оказывается, случайный фаэтонъ... Графъ Бро... Бро... Забыла сейчасъ — Брохоцкой... За какимъ-то главноуправляющимъ его выслали фаэтонъ, а онъ и не пріѣхалъ. Натурально, я завладѣла фаэтономъ. Красненькую кучеру — и дѣло въ шляпѣ. Онъ меня и назадъ отвезетъ... Странно все это, странно... Я у тебя. Вотъ не ожидала... Но въ этомъ и прелесть жизни — во всемъ случайномъ. А развѣ вся наша жизнь — не рядъ случайностей? Воображаю, что будутъ разсказывать обо мнѣ... Это здѣсь тема на полгода. Пріѣзжала какая-то таинственная дама на нѣсколько часовъ...

— На нѣсколько часовъ? — испугался Шадринъ.

— Ну да, мой милый мальчикъ. Я вѣдь тебѣ писала въ телеграммѣ. Завтра моя гастроль. Мужъ устроилъ мнѣ форменную сцену... Теперь онъ, видишь ли, тайный совѣтникъ. Неудобно, чтобъ я шаталась по какимъ-то провинціальнымъ сценамъ. Но это у меня въ крови... Я по натурѣ какая-то бродячая

богема. Изъ меня никогда не будетъ настоящей свѣтской женщины... Скучно быть настоящей свѣтской женщиной. Развѣ это не прелесть? Шалую, сумасшедшую меня занесло вдругъ къ тебѣ... Мы пьемъ чай съ молокомъ и ѣдимъ этотъ черный хлѣбъ... И я не вѣрю сейчасъ въ нашу громаднѣйшую квартиру на Гагаринской, съ важными лакеями и дорогой сервировкой... Нѣтъ, хорошо...

А онъ... онъ съ трудомъ вѣрилъ, что эта дѣйствительность, что это она сидитъ передъ нимъ, и сквозь тонкій шелкъ маняще обрисовывается упругая, красивая грудь.

Уже другимъ тономъ продолжала Дубенская.

— Грустно, Коля... вся эта катастрофа съ вашей семьей. Отецъ все еще сидитъ, но есть надежда на его освобожденіе. На-дняхъ былъ у насъ Обольяниновъ. Онъ говорилъ, что есть надежда. Обольяниновъ знаетъ. Да, новость! Знаешь, Варя Медвѣдева чуть было не вышла за Логовскаго, — помнишь, бывшій лицеистъ. Но братецъ Логовскаго... онъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ. Противный мальчишка! Хлыщъ, жалкая карикатура на сноба... Откуда-то выкопалъ всю подноготную о Вѣрѣ Медвѣдевой, что дѣдъ ея былъ швейцаромъ, а мать служила въ кордебалетѣ... Свадьба разстроилась... Жалкіе, ничтожные... Въ общемъ глупо и скучно.

Она затихла. Въ ея пристальномъ взглядѣ на Шадрина было что-то жуткое. Губы шевельнулись такъ хорошо знакомымъ, сулящимъ блаженство, призывомъ.

Онъ упалъ передъ ней на колѣни...

... Часы промчались мгновеніемъ. Леконида Александровна поправляла сбившіеся пышные локоны.

— Это безуміе! Я навѣрное опоздаю.

Но было какъ разъ во-время. Шадринъ успѣлъ

усадить Дубенскую въ купэ. Онъ умолялъ заѣхать къ нему на обратномъ пути.

Она, уже дѣловитая, озабоченная, говорила:

— Не знаю, милый, не знаю... Я не люблю никакихъ обязательствъ. Явится блажь — дамъ телеграмму.

Шадринъ стоялъ на мокрой отъ дождя платформѣ. Въ послѣдній разъ мелькнуло въ окнѣ утомленное лицо. Поѣздъ умчался въ осеннюю, слезящуюся мглу и вмѣстѣ съ нимъ умчался миражъ той далекой жизни, нарядной и праздничной, изъ которой онъ ушелъ...

Дразнящій, мимолетный миражъ...

Лишь раннимъ утромъ вернулся Шадринъ въ мѣстечко со станціи. Съ нетерпѣніемъ вбѣжалъ онъ въ спальню. Онъ зналъ, что, собираясь второпяхъ, Дубенская забыла флаконъ съ туалетной водой, пудру и еще что-то. Онъ хотѣлъ видѣть, слышать еще разъ этотъ дурманящій нервы, пьянящій ароматъ женщины. Мучительно хотѣлось пережить еще разъ эти безумные часы... Но въ комнатѣ было пусто и голо, какъ всегда. Въ своемъ добросовѣстномъ рвеніи Берманова все убрала, наводя порядокъ. Ничего... Никакихъ воспоминаній...

Онъ упалъ ничкомъ въ постель и зарыдалъ, кусая подушку...

И не слышалъ, какъ чей-то громкій голосъ близко, совсѣмъ близко произнесъ:

— Черный Лось, часъ насталъ!..

## VII.

Въ солдатской шинели, безъ погонъ и въ мягкой шапочкѣ на порогѣ стоялъ объѣздчикъ корчемной стражи Ромуальдъ Лащъ. И не понимая въ чемъ

дѣло, думая, что Шадринъ спитъ, онъ повторилъ своимъ громкимъ, привыкшимъ кричать сквозь завываніе вѣтра, голосомъ:

— Черный Лось, часъ насталъ!..

Шадринъ услышалъ. Онъ приподнялъ свое заплаканное лицо и, сначала не узнавая, смотрѣлъ недоумѣвающе на пограничнаго стражника. Первое впечатлѣніе смѣнилось досадой. Николаю Леонидовичу непріятно было и стыдно, что Лащъ, хотя и симпатичный ему, но далекій, подсмотрѣлъ его въ такую минуту, когда онъ по-мальчишески разревѣлся.

Лащъ, всегда шумный весь и внѣшне грубый, отличался врожденной деликатностью, къ тому же привитой съ дѣтства, когда онъ, румяный, хорошенькій, въ бархатномъ костюмчикѣ, ходилъ въ костелъ, въ сопровожденіи мамы и няни. Это было давно, такъ давно, что не вѣрилось даже, но все-таки было.

Ромуальдъ Викентьевичъ дикій, воинственный, лохматый, весь въ шрамахъ, и тотъ ангелочекъ въ бархатномъ костюмчикѣ, растившійся въ достаткѣ, почти въ богатствѣ. Какая непроходимая бездна!..

Лащъ, отвернувшись, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ слезъ Шадрина.

— Явился порадовать васъ, пане контролеже!.. Будетъ вамъ сегодня ночью работа... Опять дождь, черти-бъ его драли...

И онъ подошелъ къ окну, притворившись, что заинтересованъ видомъ грязной улицы, по которой брела одинокая фигура старой еврейки съ высоко поднятыми юбками.

И хотя Лащъ стоялъ къ Шадрину спиной, все же Николай Леонидовичъ сконфуженно пряталъ свое лицо.

— Да... работа... Я чрезвычайно вамъ признателенъ, Ромуальдъ Викентьевичъ. Но въ чемъ же,

собственно, дѣло?.. Контрабандный спиртъ или тайный заводъ?

— Заводъ! — отчеканилъ Ромуальдъ Викентьевичъ, не отрываясь отъ бѣднаго, унылаго пейзажа. Онъ думалъ про себя: «Лучше-бъ сквозь землю провалиться... Во-время попалъ, нечего сказать!..»

Далекій отъ всякихъ сплетенъ и презирающій ихъ, онъ невольно узналъ, что къ Шадрину пріѣзжала гостья. Ночью онъ получилъ извѣстіе, что верстахъ въ пяти отъ мѣстечка, за болотомъ, въ лѣсу, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ совершается тайное винокуреніе. По закону, Лащъ обязанъ былъ тотчасъ же донести объ этомъ старшему контролеру. Онъ поспѣшилъ на заводъ и съ превеликимъ трудомъ разбудилъ Семенова. Вѣрнѣе, главнѣйшая трудность заключалась въ томъ, чтобъ проникнуть къ Семенову. Этотъ человѣкъ изъ прежней своей темной службы перенесъ и въ акцизъ укоренившуюся привычку всего остерегаться, быть на чеку и жить, какъ говорятъ, подъ семью замками. Долго велись черезъ дверь дипломатическіе переговоры.

— Кого тамъ носитъ нелегкая по ночамъ?

— Это я, Лащъ!

— Не слышу...

Семеновъ отлично слышалъ, но хотѣлъ провѣрить голосъ, точно ли это Ромуальдъ Викентьевичъ.

— Лащъ!.. Ромуальдъ Лащъ!.. — загремѣлъ стражникъ такъ оглушительно, что перебудилъ всѣхъ куръ графской экономіи, и тѣ въ тревогѣ безпорядочно закудахтали.

— Слышу, теперь слышу! А зачѣмъ вамъ понадобилась, многоуважаемый Ромуальдъ Викентьевичъ, моя скромная персона?..

— Дѣло! Отпирайте скорѣе, тайное винокуречіе!..

— А-аа, вотъ какъ, — послышался изъ-за двери скрипучій радостный смѣшокъ.

Наконецъ Ромуальдъ Викентьевичъ былъ впущенъ.

Худенькій, большеголовый, въ одномъ бѣльѣ, съ торчащими острыми пучками бакенбардъ, Семеновъ даже на Лаща, — вотъ ужъ, кажется, ничѣмъ не испугаешь, — произвелъ впечатлѣніе какого-то злого духа.

При свѣтѣ мерцающей лампочки — Семеновъ никогда не гасилъ огня ночью — они обсудили планъ дѣйствій... Немедленно телеграммой вызвать изъ города Чернобантова, сообщить Шадрину и вмѣстѣ съ урядникомъ и понятыми ближайшей ночью устроить облаву...

У Семенова и сонъ отбило. Онъ потиралъ руки.

— Попадутся же они, голубчики!.. Вотъ мы имъ устроимъ бенефисикъ! А вы не знаете, многоуважаемый, кто же участникъ этого выгоднаго предпріятія?

— А чортъ ихъ тамъ разберетъ! Говорятъ, чехъ Еленекъ замѣшанъ. Потомъ какіе-то бѣглые изъ Галиціи да зять покойныхъ Каркеровъ.

— Вашихъ, такъ сказать, крестничковъ, хе-хе!.. Не везетъ же этой почтенной династіи архимошенниковъ. Ручка у васъ тяжелая, Ромуальдъ Викентьевичъ... Вотъ вамъ перышко, вотъ вамъ папирусъ, извольте сочинять депешу нашему принципалу...

— Я, знаете, по этой части не майстеръ, такого понаписываю, — моя телеграмма дорого вскочитъ! Мое дѣло шашкой рубить...

— Въ такомъ разѣ вашъ покорный слуга возьметъ на себя сію тяготу. Ничего не подѣлаешь, — долгъ службы. А говоря по правдѣ, этотъ «черный бантъ на фонѣ русской жизни» только помѣхой намъ будетъ...

Семеновъ обмакнулъ перо и остановился:

— А вы слышали, многоуважаемый, наша-то гвардейская паненка, изящнѣйшій сынъ своего многогрѣшнаго папаши... Вотъ авантюра, доложу вамъ! Сегодня отъ поѣзда до поѣзда пріѣзжала къ нему изъ Петербурга весьма красивая и эффектная супруга одного виднаго чиновника, и если хотите, — могу вамъ даже назвать фамилію.

— Нѣтъ, не хочу! — оборвалъ его Лащъ. — Пишите лучше телеграмму...

— Какъ угодно-съ. А вотъ я — человѣкъ любознательный. Любознательность — одна изъ моихъ немногочисленныхъ добродѣтелей. А что, если бы супругу, тайному совѣтнику и кавалеру, состряпать анонимный доносецъ: такъ, молъ, и такъ... Интересно было бы взглянуть на его физіономію.

Лащъ стукнулъ шашкой и зарычалъ:

— Ну, будетъ уже! Что вы меня за смаркача держите! У насъ здѣсь важный вопросъ по службѣ... А вы съ какими-то погаными сплетнями лѣзете.

— Ой, какой же вы сердитый... Цѣлую ваши ручки, цѣлую... Не буду, многоуважаемый, честное слово, не буду, нашъ рыцарь безъ страха и упрека... Буду паинькой и пишу телеграмму... Вотъ видите, неистовый Ромуальдъ: «Провалье. Помощнику надзирателя Чернобантову. Немедленно выѣзжайте Покуты. Семеновъ».

## VIII.

Съ одной стороны, Лащъ не во время ввалился къ Шадрину. Съ другой — это явилось какъ нельзя болѣе кстати. Монотонный, скучный день, лишенный всякихъ впечатлѣній, былъ бы каторгой для молодого человѣка, находившагося во власти только-что пережитой встрѣчи, такъ жгуче напомнившей ему Пе-

тербургъ. А теперь ожиданіе тревожной и — почемъ знать — опасной приключеніями ночи будоражило нервы. Хлынули новыя мысли, новыя ощущенія... Фантазія работала во-всю и чего только не рисовало окрыленное воображеніе!..

Они вдвоемъ съ Ромуальдомъ Викентьевичемъ противъ цѣлой банды «этой сволочи». Лащъ рубитъ направо и налѣво, но и Шадринъ не отстаетъ... Заводъ открытъ, а всѣ они разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ. Вѣсть объ этомъ изъ ряда вонъ выходящемъ подвигѣ контролера и объѣздчика достигаетъ Петербурга и тамъ... Дальше, вмѣсто всякихъ героическихъ картинъ, клубилось какое-то хаотическое облако...

Вотъ почему весь приподнятый, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ, явился онъ обѣдать къ сестрамъ Агроновичъ. Въ низенькихъ покояхъ пахло сушеными яблоками, краснымъ деревомъ и чѣмъ-то жилымъ, — какой-то домовитостью.

Сѣли за столъ. Вѣрунчикъ погасила въ чугунной пепельницѣ окурокъ, — Шадрина всегда коробило это, — и какъ заговорщица переглянулась съ Надинъ.

— А мы кое-что знаемъ! — пробасила Вѣрунчикъ.

— А мы кое-что знаемъ! — эхомъ повторила Надинъ.

Шадринъ вскинулъ свои большіе ясные, почти дѣтскіе глаза.

— Pardon, я не совсѣмъ понимаю...

— Годи вамъ притворяться, — махнула рукой Вѣрунчикъ.

— Ну, конечно, одни фигли-мигли! — отозвалась Надинъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я ничего не понимаю.

— А кто къ вамъ пріѣзжалъ? Кто у васъ останавливался?.. Вы думаете, мы такъ-таки ничего и

не знаемъ. О, мы хитлыя! — горделиво пощипывала Вѣрунчикъ сѣдой клокъ на своемъ костлявомъ подбородкѣ.

Улыбка исчезла съ красиваго, свѣжаго личика, Шадринъ замкнулся, опустивъ глаза, и сталъ непроницаемый, холодный.

— Ну вотъ, вы уже обиделись! Какой онъ, ей-Богу, этотъ Николай Леонидовичъ. И слова сказать нельзя!..

Онъ молчалъ, только щеки румянцемъ вспыхнули.

— Больше я сюда ни ногой, — рѣшилъ онъ. — Эти ископаемыя дѣвицы слишкомъ ужъ безцеремонны...

А въ мѣстечкѣ создалась легенда, что Шадрина осчастливила своимъ визитомъ жена одного изъ министровъ, и даже называли — какого. Пущенъ былъ слухъ, будто молодой контролеръ безъ всякихъ переходовъ сразу получилъ управляющаго акцизными сборами. Шадринъ не подозрѣвалъ обо всемъ этомъ и, возвращаясь отъ Аграновичъ, былъ крайне удивленъ неслыханной почтительностью, что проявилъ къ нему повстрѣчавшійся становой Зозулевичъ. Весь онъ, жердеобразный, вытянулся во фронтъ, да такъ и замеръ! Круглые рачьи глаза станового съ благоговѣніемъ долго провожали стройную фигуру Шадрина. Въ изящной форменной фуражкѣ и черной короткой накидкѣ Шадринъ скорѣй напоминалъ какого-нибудь итальянскаго кавалериста, чѣмъ акцизнаго чиновника.

Пріѣхалъ изъ города и остановился на заводѣ невыспавшійся Чернобантовъ. Уже сумерками были приглашены къ нему на «военный совѣтъ» Шадринъ, Лащъ и Семеновъ. Одинъ изъ второстепенныхъ графскихъ казачковъ принесъ жидкій чай на подносѣ и ждалъ чего-то у порога. Лащъ свирѣпо затрясъ бородой.

— Идзь до дзіабла и замыкай джви!..

Чернобантовъ сидѣлъ весь раскисшій и мягкій, такой мягкій, что, казалось, тронь его — онъ и расползется. Натура созерцательная, Христофоръ Ивановичъ терпѣть не могъ никакихъ быстрыхъ передвиженій, да еще связанныхъ съ неудобствами и рискомъ. То ли дѣло сидѣть спокойно въ четырехъ стѣнахъ и вмѣстѣ съ другимъ спиритомъ вертѣть блюдечко!

Юркимъ бѣсенкомъ юлилъ вокругъ его безформенной туши Семеновъ.

— Такъ какъ же-съ, многоуважаемѣйшій Христофоръ Ивановичъ? Мы ждемъ вашего вѣщаго слова. Вы общаетесь съ духами, вы нашъ вождь и должны начертать намъ планъ дѣйствій...

— Э, будетъ вамъ дурня ломать, Андрей Александровичъ. Хорошій вы человѣкъ, а говорите такія вещи. Ну какой я вамъ, спрашивается, вождь? Христомъ Богомъ молю, оставьте меня здѣсь, а сами отправляйтесь, — такъ будетъ лучше...

— И правда лучше, — согласился Ромуальдъ Викентьевичъ.

— Нѣтъ, я, къ сожалѣнію, не могу раздѣлить въ данномъ случаѣ взглядъ неистоваго Ромуальда, глубокоуважаемый Христофоръ Ивановичъ. Безъ васъ мы какъ безъ головы. Нѣтъ, ужъ это вы бросьте!

— Шадринъ горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣй узнать подробности, — какъ и что?..

Лащъ, этотъ Майнъ-Ридовскій охотникъ за черепами, на пятьдесятъ верстъ кругомъ отлично зналъ каждую пядь земли. Только одному лишь Ромуальду Викентьевичу да двумъ-тремъ контрабандистамъ и винокурамъ были вѣдомы предательскія тайны болота на протяженіи четырехъ верстъ между Покутой и лѣсомъ. Тайны эти заключались въ скрытыхъ глу-

боко подъ водою кочкахъ, по которымъ кое-какъ можно было достигнуть лѣса. Шагъ въ сторону отъ этихъ заповѣдныхъ кочекъ — и увязнешь въ болото по добрый поясъ.

Планъ, предложенный корчемнымъ объѣздчикомъ, былъ несложенъ:

— Съ урядниками да понятыми наберется насъ человѣкъ десять. Доносчикъ сказалъ, что вся эта банда будетъ гнать водку на разсвѣтѣ. Я проведу васъ всѣхъ туда ночью. Мы засядемъ. Ну, а дальше понятно, чортъ возьми!.. Только сунутся мошенники, — мы ихъ переловимъ и перевяжемъ.

— Если дадутся, — вставилъ ехидно Семеновъ.

— А не дадутся, велика важность, — силой возьмемъ. Бабы мы, что ли? — горячо возразилъ Ромуальдъ Викентьевичъ, и подмигнулъ Шадрину, какъ единомышленнику. — Правда, пане контролеже?..

— Правда...

Чернобантовъ вздохнулъ.

— Вотъ переплетъ еще, Господи прости!.. И выдумаютъ же люди эти тайные заводы, винокуренiе... И какая нелегкая, спрашивается, понесла меня въ этотъ акцизъ...

— Совершенно вѣрно изволите говорить, глубокоуважаемѣйшiй Христофоръ Ивановичъ. Общенiе съ духами куда болѣе прiятное занятiе. Но, увы, за это жалованья не платятъ...

Шадринъ спросилъ:

— А вы, Ромуальдъ Викентьевичъ, увѣрены въ этомъ... доносчикѣ? Онъ не служитъ на оба фронта?

— А для чего же я имѣю не вѣрить собачьему сыну? Вѣдь они же, доносчики, «продаютъ» заводъ. Онъ получитъ отъ казны сто карбованцевъ.

## IX.

Сестры Надинъ и Вѣрунчикъ испортили Шадрину все настроеніе за обѣдомъ, и онъ такъ и не сказалъ, что собирается въ опасную экспедицію, а между тѣмъ думалъ объ этомъ все утро и заранѣе смѣялся выраженію лицъ обѣихъ старыхъ дѣвъ. Вотъ было бы опасеній, тревогъ...

Ничего... Это выйдетъ гораздо эффектнѣй, когда, вернувшись, онъ имъ разскажетъ всѣ свои приключенія.

Ромуальдъ Викентьевичъ обѣщалъ зайти за Шадринымъ. Въ десятомъ часу уже послышался въ сѣняхъ его громкій голосъ:

— Добрый вечеръ, пане контролеже!

Шадринъ хотѣлъ итти въ невысокихъ щегольскихъ сапогахъ, которые носилъ еще у себя въ полку. Лащъ нашелъ это безуміемъ и показалъ свою облѣпленную грязью ботфорту.

— Надѣвайте самую что ни на есть дрянь, а то, ей-Богу, потомъ наплачетесь!

Но «дряни» у Шадрина не оказалось. Лащъ трясъ бородой укоризненно:

— Вотъ она петербургская неопытность! Да что вы думаете, мы по гостинымъ променады собираемся дѣлать!..

— Но, право же, я не виноватъ, Ромуальдъ Викентьевичъ... не успѣлъ ничего износить...

Снарядился Шадринъ совсѣмъ на офицерскій ладъ. Форменное пальто, револьверъ со шнуромъ у пояса и черезъ плечо — шашка. По привычкѣ ему казалось, что недостаетъ еще лядунки черезъ другое плечо.

Лащъ съ какимъ-то отцовскимъ чувствомъ осмотрѣлъ въ послѣдній разъ критическимъ окомъ хрупкую, статную фигуру.

— Молодчина, хоть и крѣпко парадно... Ничего, сойдетъ. Зададимъ же мы имъ перцу, пане контролеже...

— Зададимъ! — повторилъ Шадринъ, сіяя.

Онъ предвкушалъ, какъ напишетъ въ Петербургъ о своихъ подвигахъ и какъ тамъ будутъ удивляться и не вѣрить. Въ самомъ дѣлѣ, — ночь, осенняя ночь, засасывающее болото, лѣсъ... Все это — фонъ для облавы на людей, переступившихъ границу закона. И страшно, и даже красиво. По словамъ Ромуальда Лаща, эти господа часто бываютъ вооружены до зубовъ...

Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ каменный столбъ на краю мѣстечка. По преданію, лѣтъ триста назадъ, въ этотъ столбъ, поляки замуровали одного измѣнника и въ бурную непогодь въ шумѣ дождя и завыванія вѣтра обывателямъ чудились его стоны.

Дождь стихъ, но низко и густо клубились тяжелыя тучи. Чернымъ силуэтомъ, какъ башня намѣчался столбъ при дорогѣ. Первыми прибыли Шадринъ съ Лащемъ. А тамъ безшумно вынырнулъ откуда-то Семеновъ въ форменной фуражкѣ. Даже во мракѣ ночи двумя острыми пучками бѣлѣли врозь его бакенбарды. Онъ подошелъ вплотную къ Ромуальду Викентьевичу и Шадрину, всматриваясь въ ихъ лица.

— А гдѣ же «черный бантъ на фонѣ русской жизни»?

— Ждемъ съ минуты на минуту.

Послышался вдали колокольчикъ. Все ближе и ближе его спѣшный, переливчатый звонъ. Семеновъ такъ и подскочилъ!

— И шляпа же эдакая, прости Господи! Не хватило мозгового вещества подвязать колокольчикъ! Недостаетъ, чтобы вся Покута узнала куда и зачѣмъ мы отправляемся.

И не успѣлъ чернобантовскій кучеръ Василь остановить бричку, какъ Лащъ и Семеновъ оба кинулись къ Христофору Ивановичу.

— Не годится, пане помоцнику, вы намъ весь гешефтъ портите.

— Съ васъ за это, глубокоуважаемѣйшій, надо кожицу перочиннымъ ножикомъ снять...

— Ой, господа, ей-Богу, я умру! Въ печенкахъ у меня сидитъ вся эта ваша авантюра. Ну, хорошо... Василь, подвяжи колокольчикъ.

— Поздно спохватились, глубокоуважаемѣйшій, теперь мы пѣшкомъ пойдемъ.

— Какъ пѣшкомъ?

— А такъ, ножками, лапочками, хлюпъ, хлюпъ по болотцу...

— Однако, чортъ возьми, урядника нѣтъ.

Только минутъ черезъ десять подошелъ лѣнивой перевалкой урядникъ Бороздичъ.

— Что же это вы, милѣйшій!.. Такъ нельзя, — нерѣшительно мямлилъ Чернобантовъ. — Всѣ уже въ соборѣ, а васъ нѣтъ...

— И безъ понятыхъ, — вставилъ Семеновъ.

— Ну, чего тамъ еще! Развѣ я обязанъ? У меня свое начальство, — отгрызался урядникъ.

Онъ возмутилъ Шадрина. Въ немъ проснулся офицеръ. Надо подцукнуть этого хама.

И онъ «подцукнулъ» его, вдругъ окрѣпшимъ и сильнымъ, какимъ-то сразу чужимъ голосомъ:

— Молчать! Нижній чинъ! Руки по швамъ...

Бороздичъ такъ и вытянулся весь.

— Виноватъ, ваше благородіе!

И всю дорогу былъ шелковый, — тише воды, ниже травы.

Миновали каменный столбъ. Впереди черною безбрежною тьмою — болото. Ни одной точки. Все сплошь

мертвая пустыня. Какіе-то рыдающіе пискливые звуки доносились оттуда. Шадринъ вспомнилъ разсказы Лаща о летучихъ кошкахъ и ящерицахъ величиною съ крокодила.

Христофоръ Ивановичъ вздрагивалъ. Онъ шелъ, какъ приговоренный къ смерти.

— Куда вы насъ ведете, Ромуальдъ Викентьевичъ! Вотъ, ей-Богу, еще наказаніе Господне.

— Веду, куда нужно. А теперь не зѣвайте, панове, смотрите подъ ноги и всѣ за мною гуськомъ...

Лащъ, подбирая полы шинели и расплескивая хлюпающую воду, прыгалъ съ кочки на кочку. За нимъ — остальные. Бѣдняга Чернобантовъ дважды сорвался и мало не по самый поясъ увязъ въ болотѣ. Лащъ и урядникъ вытаскивали его мягкую рыхлую тушу. Онъ плакалъ, ворчалъ и молился.

— Это вамъ, глубокоуважаемѣйшій, не общеніе съ духами, — злорадствовалъ Семеновъ.

Вновь что-то заплакало надъ болотомъ. Визгливо такъ, протяжно. Тоска безотрадная, скрытый ужасъ чудились въ этихъ звукахъ. Чернобантовъ перекрестился.

## X.

— Я погибну здѣсь. Во мнѣ мѣста живого нѣтъ. Господи, хоть бы лѣсъ поскорѣе.

Но и въ лѣсу было мало отрады Чернобантову. Онъ спотыкался, падалъ. Кругомъ — тьма кромѣшная. Въ двухъ шагахъ человѣкъ исчезалъ совершенно. Что-то гудѣло въ мокрыхъ вѣтвяхъ и сверху ударяли путникамъ прямо въ лицо холодныя осеннія слезы.

— Не отставайте, держитесь за руки, — шепталъ Ромуальдъ Викентьевичъ, знавшій эту часть лѣса,

какъ собственную ладонь. И было прямо чудо въ той увѣренности, съ которой онъ двигался впередъ въ густомъ, какъ сажа, мракѣ между стволами березъ и осинъ. Лащъ различалъ ихъ по корѣ и даже по запаху.

— Вотъ здѣсь должна быть купа березъ, а если это не березы, то мы заблудились.

Подходилъ ближе, ощупывалъ, нюхалъ и успокаивалъ.

— Это березы. Идемъ вѣрно. На всякій случай, панове, будьте готовы, хотя и нечего ожидать нападенія. Ну, а береженаго Богъ бережетъ.

— Легко сказать, — бормоталъ Чернобантовъ, не попадая зубъ на зубъ. Онъ и оружія въ рукахъ никогда не держалъ.

Дрожащими отъ волненія пальцами Шадринъ разстегнулъ кобуру и вынулъ револьверъ. Изъ лѣваго кармана въ правый Семеновъ переложилъ кастетъ съ убійственными острыми шипами.

— Ромуальдъ Викентьевичъ, я упаду, — взмолился помощникъ надзирателя и тотчасъ же вскрикнулъ дикимъ голосомъ: ай-ай-ай!..

— Тише, чортъ бы васъ дралъ, — прошипѣлъ сквозь зубы Лащъ, забывъ, что Христофоръ Ивановичъ большое начальство ему.

— Что случилось?

— Вѣтка въ лицо хлестнула. Я думалъ, они уже нападаютъ...

Шли — трудно опредѣлить сколько времени, можетъ быть десять минутъ, а можетъ и цѣлый часъ.

— Стой! — тихо скомандовалъ Ромуальдъ Викентьевичъ.

Они вплотную подошли къ бревенчатой стѣнѣ. Строеніе сливалось съ окружающимъ мракомъ и ви-

дѣть его нельзя было, можно было чувствовать ощупью.

Лащъ замеръ, прислушался.

— Смѣло, за мною... въ дверь...

Чернобантовъ послѣднимъ вошелъ. Съ какимъ наслажденіемъ провалился бы онъ сквозь землю!

Ромуальдъ Викентьевичъ, еще разъ прислушавшись, чиркнулъ спичку. Жалкій трепетный огонекъ замигалъ по бревенчатымъ стѣнамъ безъ оконъ, — были прорублены лишь отверстія, — замигалъ по жестяной трубѣ, соединявшей котелъ съ громадной бочкой.

Семеновъ зажегъ потайной фонарикъ. Вотъ свалены въ уголъ дрова для того, чтобы жечь, перегоняя спиртъ. На какой-нибудь потолокъ не было даже намека, и соломенная крыша сходилась надъ головами подъ острымъ угломъ.

Шадринъ разочаровался. Онъ ждалъ болѣе внушительнаго впечатлѣнія. Тайный винокуренный заводъ, и вдругъ — что-то слишкомъ бѣдное, простое, несложное...

— Ну, гасите вашъ фонарь, давайте устраиваться. Еще, навѣрное, добрую пару часовъ просидимъ.

Урядникъ Бороздичъ, молчаливый и злой, плюхнулся на разостланную шинель.

Чернобантовъ, ни живъ, ни мертвъ, примостился кое-какъ на дровахъ.

Всѣ эти люди, такіе разные и такіе каждый самъ по себѣ, объединились теперь сознаніемъ общаго дѣла, общей опасности. Параграфъ циркуляра, составленнаго въ Петербургѣ среди покойнаго министерскаго комфорта, заставилъ ихъ сдѣлать нѣсколько верстъ по предательскому болоту, бродить на холодѣ въ темномъ осеннемъ лѣсу и ждать какихъ-то пе-

вѣдомыхъ людей въ этомъ полусараѣ съ котломъ и бочкой.

Чуть слышнымъ шопотомъ, который надо было скорѣе угадывать, Лащъ отдалъ послѣднее распоряженіе.

— Пусть войдутъ всѣ, тогда Андрей Александровичъ зажигаетъ свой фонарь, и мы наводимъ на нихъ револьверы и требуемъ сдаться. Врядъ ли будетъ сопротивленіе. Меня они хорошо знаютъ, я имъ въ печенкахъ сижу, да и Семеновъ тоже...

— А я имъ на всякій случай запорошу глазки нюхательнымъ табачкомъ, сразу же! Тогда мы ихъ голыми руками перехватаемъ...

Жутко Шадрину. Это не была трусость. Онъ горѣлъ желаніемъ встрѣчи, схватки, но, весь обуреваемый волненіемъ, не могъ оставаться на мѣстѣ. Осторожно шагая взадъ и впередъ, ходилъ вдоль стѣны. Порою у него складывались фразы, которыми онъ будетъ въ письмахъ разсказывать свои приключенія.

Съ теченіемъ времени, глаза привыкли къ темнотѣ, и Шадринъ уже различалъ бѣлые баки Семенова.

Лащъ неотлучно дежурилъ у оконнаго отверстія. Вдругъ онъ отпрянулъ и, боясь, чтобъ малѣйшій звукъ не ушелъ туда, въ эту слѣпую, коварную ночь, сдѣлавъ у бороды раковину изъ ладоней, зашепталъ:
— Не нравится мнѣ... Шумъ какой-то въ лѣсу, подозрительный... Какъ будто шаги... И вѣтка хрустнула. Слышите, вотъ, сейчасъ... Слышите?..
Шадринъ и Семеновъ не уловили ничего, но отвѣтъ ихъ былъ:
— Слышимъ...
— Не нравится мнѣ, — повторилъ Ромуальдъ Ви-

кентьевичъ. — Это для нихъ слишкомъ рано — гнать водку... Вѣрнѣе всего насъ продалъ кто-нибудь...

Сухо шурша, расползлись полѣнья. Это Чернобантовъ со страху сползъ на землю. Такъ безопаснѣе.

Шумъ, уже болѣе явственный, теперь всѣ слышали...

— Такъ и есть! Мы открыты...

Въ подтвержденіе догадки Лаща, донеслось изъ лѣсу чье-то:

— Гей, вы, контроль, утекайте, а то мы всѣхъ васъ, какъ горобцовъ перебьемъ!

И еще голосъ:

— Утекайте, васъ пятеро, а насъ цѣлая громада.

Лащъ ворчалъ:

— Ну, это вы брешете, собачьи дѣти. Во-первыхъ, васъ не громада, а во вторыхъ, — мы никуда не уйдемъ отсюда... Будемъ отсиживаться... Панове, карты наши открыты. Давайте разводить костеръ. Дровъ намъ хватитъ.

— Зачѣмъ костеръ? — лепеталъ Чернобантовъ.

— А затѣмъ, чтобы намъ тепло было. Неизвѣстно, сколько времени придется отсиживаться. Можетъ быть, и ночь, и утро, и цѣлый день. Хорошо, что мы взяли съ собою хлѣба и сала. Ну, а теперь еще головней надо побольше.

— Зачѣмъ головней? — удивился на этотъ разъ и побывавшій во всякихъ передѣлкахъ Семеновъ.

— Увидите...

## XI.

Запылалъ костеръ. Вмѣстѣ съ клубящимся дымомъ, треща, улетали вверхъ искры. Вотъ-вотъ, казалось, должна вспыхнуть кое-какъ пригнанная, соло-

менная крыша. Въ сараѣ было свѣтло, очень свѣтло. Трепетали красноватые отблески на сосредоточенныхъ лицахъ. Правда, чернобантовскаго лица не было видно. Христофоръ Ивановичъ лежалъ ничкомъ, уткнувшись, и его грузное, тучное тѣло вздрагивало...

Лащъ осторожно выглядывалъ то въ распахнутую дверь, то въ зіяющія квадратныя отверстія оконъ. Его зоркій глазъ угадывалъ средь мрака межъ деревьями человѣческія фигуры.

— Эге, въ самомъ дѣлѣ, до чорта этой погани! Я ужъ душъ пятнадцать насчиталъ. Это, навѣрно, все изъ Кайдановки. Село такое, разбойничье.

— Ромуальдъ Викентьевичъ, вы рискуете, не высовывайтесь, — предупреждалъ его Шадринъ.

— Сейчасъ никакого риску нѣтъ, пане контролеже... Развѣ вы не видите — у нихъ нема чѣмъ палить, а то они уже постращали бы насъ... Только, навѣрно, уже послали, собачьи дѣти, до села за ружницами...

— Въ такомъ случаѣ, нельзя ли этимъ воспользоваться, сдѣлать вылазку и пробраться?

— Нѣтъ, то не можно. Кругомъ лѣсъ, темнота, куда острѣливаться? Своихъ еще забьешь. Нѣтъ, сейчасъ то не можно. Свѣту подождемъ...

Урядникъ дремалъ на своей шинели. Онъ успѣлъ порядкомъ отхлебнуть изъ походной фляги, неизмѣнно сопровождавшей его. Семеновъ суетился и нервничалъ отъ бездѣйствія.

— Послушайте, Ромуальдъ неистовый, рыцарь мой великолѣпный... А нельзя ли попрактиковаться въ стрѣльбѣ? Я хотѣлъ бы разрядить свой револьверъ. У меня много запасныхъ патроновъ. Авось отправлю на тотъ свѣтъ парочку мерзавцевъ...

Лащъ поднялъ руку и затрясъ бородой.

— Борони васъ Богъ! Развѣ-жъ есть право стрѣлять? Они же не нападаютъ, а потомъ это же подло... Они въ насъ сейчасъ стрѣлять не могутъ.

— Этого только недоставало! Благодарю покорно! Разрѣшите поцѣловать ваши ручки, — заливаясь фальшивымъ скрипучимъ смѣхомъ, комически расшаркивался Андрей Александровичъ.

— Рыцарь, настоящій рыцарь, потомокъ благородной шляхты, — восторженно думалъ Шадринъ и смаковалъ уже красивыя фразы, которыми онъ будетъ описывать подвиги «Неистоваго Ромуальда».

А оттуда, изъ мрака, теперь живого, шевелящагося чѣмъ-то злымъ и враждебнымъ, неслось:

— Мы васъ всѣхъ перемордуемъ, акцизники проклятые!..

— Я, сэмъ, выриваю вщистку броду тэму лайдакови, Лащу...

Ромуальдъ Викентьевичъ не выдержалъ:

— Смотри, Еленекъ, я тебя убью, посолю и собакамъ выкину, — нехай ѣдятъ!..

Чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ кровавой годиной запорожья повѣяло отъ этой жестокой угрозы.

Видно было, какъ, отдаляясь, отъ опушки, приближались къ заводу какія-то тѣни.

— Эге, я такъ и зналъ. Кидайте въ нихъ головнями!..

Лащъ подалъ примѣръ. Онъ схватилъ голой рукой обгорѣвшее полѣно и съ силою бросилъ въ окно. Пылающее, разрѣзая тьму, оно казалось громаднымъ и страшнымъ въ своемъ огненномъ полетѣ.

Семеновъ и Шадринъ, оба въ теплыхъ перчаткахъ, тоже, хоть и съ меньшимъ эффектомъ, отбрасывались головнями. Тѣни съ проклятіями и бранью,— кой-кого успѣло обжечь, — отхлынули назадъ, къ лѣсу.

— А, знаете, панове. Разъ, лѣтъ восемь назадъ,

охотившись за контрабандой, я заблудился въ лѣсу зимою... Развелъ костеръ и до свѣту отъ волковъ отбивался. Кругомъ обступили, проклятые. Чуть ближе, я ему сейчасъ въ морду горящимъ сукомъ запускаю. Такъ и продержался! А то бы они меня съѣли. Ни револьверъ, ни шашка не помогли бы... Если-бъ конь, то удралъ бы, а то я пѣшій былъ...

Въ этихъ горящихъ полѣньяхъ было что-то въ высшей степени презрительное по отношенію къ осаждающимъ. Словно ихъ и за людей не считали. Они поняли, и это угадывалось въ ихъ рѣшительной конфузливой похвальбѣ:

— Годи вамъ шутковать, годи, мы вамъ покажемъ! Что мы — собаки вамъ?..

Шадринъ вошелъ во вкусъ этихъ тревожныхъ минутъ. Нѣтъ, положительно его письма будутъ ходить по рукамъ и въ полку, и среди петербургскихъ знакомыхъ. Этотъ Лащъ... Эти головни... Эти характерныя словечки перебранокъ...

Онъ выглянулъ въ окно. Мракъ блѣднѣлъ какъ будто. Неясно, чуть-чуть сливающимися силуэтами намѣчались уже деревья.

— А знаете, Ромуальдъ Викентьевичъ...

Онъ не успѣлъ договорить. Что-то грохнуло, пошло перекликами кругомъ по лѣсу, и Шадринъ, откинувшись, упалъ навзничь...

Ромуальдъ Викентьевичъ бросился къ нему, наклонился. Все лицо и лобъ — сплошная кровавая маска. Такъ и угодилъ весь зарядъ «кучной» дроби.

— Дьяволъ, наповалъ! — вырвалось у Лаща.

Что-то заклокотало у него въ горлѣ, и, весь охваченный бѣшенствомъ, не думая, не соображая, слѣдуютъ ли за нимъ другіе, онъ звѣремъ бросился впередъ... Какъ въ туманѣ — что было дальше. Взмахъ длиннаго бучка, сразу онѣмѣвшее плечо, ударъ шашки,

охватившій кому-то полчерепа, боль въ ногѣ, мелькнувшіе баки Семенова, выстрѣлы его...

Волоча ногу, стискивая зубы отъ варварской боли, Ромуальдъ Викентьевичъ нѣсколько часовъ брелъ по болоту въ мѣстечко. Семеновъ — терпѣливо за нимъ. Утромъ они были въ Покутѣ. Приставъ съ цѣлой толпой мужиковъ, съ веревками и баграми, — велъ ихъ Семеновъ (Лащъ уже пластомъ лежалъ), — прибыли на тайный заводъ. У дверей стоналъ раненый бучкомъ въ голову Бороздичъ. Забившись въ уголъ, идіотски вращая глазами, сидѣлъ на корточкахъ Чернобантовъ. И когда Зозулевичъ подошелъ со словами: «Будемъ выручать васъ, Христофоръ Ивановичъ...» Чернобантовъ съежился и умоляюще протянулъ впередъ обѣ ладони:

— Ой, не убивайте меня... Посовѣтуйтесь съ духами... съ духами посовѣтуйтесь... Какимъ я васъ, батенька, борщомъ...

— Рехнулся, бѣдняга, со страху. У него и раньше голова была не изъ крѣпкихъ, — шепталъ Семеновъ.

Шадринъ спокойно лежалъ, разметавъ руки. И если бы вмѣсто головы и юнаго хорошенькаго лица — не безобразное кровавое мѣсиво, можно было бы подумать, что онъ спитъ...

... Накрытый солдатской шинелью, Лащъ умиралъ на своей жесткой и твердой койкѣ. Его нога, повыше колѣна, зловѣще вздулась чѣмъ-то багровымъ. Вѣчно пьяный фельдшеръ, съ пучками волосъ въ ушахъ, бормоталъ у его изголовья.

— Дать развѣ ему ромашки?.. Нѣтъ, я ему не дамъ ромашки...

Позвали, наконецъ, доктора. Онъ осмотрѣлъ больного и, воспользовавшись проблескомъ его сознанія, утѣшилъ:

— Гангренозное зараженіе крови... Вамъ придется ампутировать ногу...

Лащъ послалъ его къ чорту.

— Это какой-то дикарь, — ушелъ докторъ, пожимая плечами, — умретъ, глупецъ, на-дняхъ же умретъ.

Лащъ, похудѣвшій, восковый, съ еще болѣе заострившимся носомъ, долго созерцалъ свою вспухшую «обреченную» ногу. Потомъ, раскрывъ большой перочинный ножъ и прицѣлившись въ самую средину багроваго пятна, съ розмаху вонзилъ остріе по рукоятку. Фонтаномъ брызнула до потолка мутная кровь...

Черезъ недѣлю Лащъ ходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Любопытнымъ онъ пояснялъ:

— Какъ же, нашелъ дурня, чтобы рѣзать ногу... Я самъ себѣ выпустилъ дурную кровь. Ну, отъ разу и полегчало...

Нѣсколько дней провалялась телеграмма. Наконецъ, сторожъ принесъ ее Ромуальду Викентьевичу.

— Ото, пришла якась депеша, до того паныча, что забили, до Шадрина. То я самъ принесъ.

Лащъ распечаталъ телеграмму, помѣченную Житоміромъ.

«Милый мальчикъ, пьемъ твое здоровье. Жалѣемъ, что ты не съ нами. Нида».

Лащъ скомкалъ телеграмму, теперь такую нелѣпую, оскорбительную, и отвернулся весь мрачный, мрачный...



# СОДЕРЖАНІЕ.

XV. *И. Рѣпинъ* — Изъ моихъ общеній съ Л. Н. Толстымъ, *В. Кохановскій* — Исторія одной любви, *Л. М. Василевскій* — Обида, *А. Заринъ* — Первое разочарованіе, *Ю. Волинъ* — Гражданинъ вселенной, *А. Пазухинъ* — Ложь.

Стихотворенія: Дм. Цензора, А. Рославлева, Н. А. Карпова и Я. Година.

XVI. *Н. Ашешовъ* — Цвѣты запоздалые, *Ан. Каменскій* — Діогенъ, *А. Рославлевъ* — Въ туманѣ, *Б. Верхоустинскій* — Строптивецъ, *А. Тамаринъ* — Приличный случай, *Н. Карповъ* — Золото, *А. Вережниковъ* — Параська.

Стихотворенія: А. Рославлева, Д. Цензоръ и Як. Година.

XVII. *А. С. Гринъ* — Разсказъ Бирка, *Анатолій Каменскій* — Микробъ легкомыслія, *Ал. Рославлевъ* — Покойникъ Посудевскій, *С. Соломинъ* — Кто звонилъ? *Илья Лѣсной* — Разными путями, *Бор. Лазаревскій* — Жизнь безконечная.

Стихотворенія: Дм. Цензора и Як. Година.

XVIII. *О. Снѣгина* — Лѣсъ, В. *Лен*... смерти, *П. Уваровъ* — За домовог... *повъ* — Одна минута, *А. С. Гринъ* ... сказка, *И. Лѣсной* — Пустячные ... *В. Муйжель* — Разсказъ суевѣрнаго че...

Стихотворенія: Л. Андрусова.

XIX. *А. С. Гринъ* — Эпизодъ во время в... форта „Циклопъ", *Ан. Каменскій* — Шуро... *Л. Андрусонъ* — Магнусъ-убійца, *А. Вережниковъ* — Богъ воскресъ, *А. Морской* — Лелькины грезы, *С. Соломинъ* — Освобожденные звѣри, *Вл. Ленскій* — Сонъ Тины, *Ф. Потѣхинъ* — На пасѣкѣ.

Стихотворенія: Л. Андрусона и Я. Година.

XX. *В. Подкольскій* — Письмо до востребованія, *Н. Архиповъ* — Собачьи разсказы, *В. Ленскій* — Усталость, *П. Уваровъ* — Красное пятнышко, *Б. Лазаревскій* — Правда, *Н. Карповъ* — Опіумъ.

Стихотворенія: Л. Андрусона, Дм. Цензора и А. Вознесенскаго.

*Редакторъ-издатель*

*В. В. Функе.*

Цѣна каждаго выпуска 60 коп.

**Комплектъ серіи (10 вып.) — 5 руб. съ пересылкой.**

---

## Печатаются и на-дняхъ поступятъ въ продажу:

**Брешко-Брешковскій, Н. Н.** Шпіоны и солдаты. Петроградъ, 1915 г.

**Военный Альманахъ.** Сатира и юморъ. Богато-иллюстрированное изданіе.

**Вѣнскій, Г.** Сатира и юморъ. Сборникъ стихотвореній.

**Женщина наизнанку** — проза и стихи русскихъ писательницъ и поэтессъ.

**Е. И. Игнатьевъ.** Червонная Русь съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, ея историческое, этнографическое и экономическое положеніе, со многими иллюстраціями.

**П. Д. Курбатовъ.** Кровавое зарево, романъ въ 3-хъ частяхъ изъ современной жизни.

**Лебедевъ, И. В.** (Дядя Ваня). Гладіаторы нашихъ дней. Иллюстраціи извѣстныхъ художниковъ.

**С. Соломинъ.** Подъ стекляннымъ колпакомъ. Посмертныя произведенія, съ рисунками художниковъ В. Сварога и Н. Герардова, предисловіемъ А. И. Куприна и критико-біографическимъ очеркомъ И. Лѣсного-Агафонова, съ портретомъ автора.

**Его-же.** Человѣкъ безъ костей. Книга посмертныхъ фантастическихъ разсказовъ.

**А. Ф. Чебыкинъ.** Путеводитель. Старорусскія минеральныя воды. Подробное описаніе курорта, съ русунками, многочисленными таблицами и планомъ г. Старой-Руссы.

Тип. „Герольдъ" 7 рота 26.

**Одинъ руб...**

